

Великая Отечественная: Неизвестная война
Марк Солонин

25 июня

Глупость или агрессия?

Великая Отечественная: Неизвестная война

Марк Солонин

25 июня. Глупость или агрессия?

«Яуза»

2010

Солонин М. С.

25 июня. Глупость или агрессия? / М. С. Солонин — «Яуза», 2010 — (Великая Отечественная: Неизвестная война)

На протяжении многих десятилетий 2-я советско-финская война была, да и по сей день еще остается, «неизвестной», «затерянной» войной. Совинформбюро не сообщило советским людям ни о начале (25 июня 1941 г.), ни о завершении (19 сентября 1944 г.) войны, которая унесла жизни более 100 тыс. бойцов и командиров Красной Армии и сделала возможной многолетнюю блокаду Ленинграда. В новой книге известного российского историка М. Солонина рассмотрена «военная составляющая» советско-финляндского противостояния в 1940–1944 гг. Большая часть использованных автором архивных документов впервые введена в научный оборот. Особое внимание уделено событиям 25 июня 1941 г., т. е. массированному удару советской авиации по объектам Финляндии, который и послужил поводом к развязыванию войны. Изучение боевых действий на финском фронте дает читателям уникальную возможность взглянуть на Красную Армию образца 1941 года в благоприятнейших для нее условиях: заблаговременно отмобилизованные войска начинают боевые действия в выбранный ими момент, по планам собственного командования, против противника, значительно уступающего в технической оснащенности. Реальные события выступают в роли своеобразной «машины времени», позволяющей ответить на сакраментальный вопрос советской истории: «А что было бы, если бы летом 41-го Сталин смог опередить Гитлера?»

© Солонин М. С., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Предисловие	6
Часть 1 Первая попытка	18
Глава 1.1 Финляндия, Карелия, Россия	18
Глава 1.2 «Крупные пограничные инциденты в деревне Майнила...»	37
Глава 1.3 Многогранное чудо «зимней войны»	50
Глава 1.4 Почему Сталин помиловал Финляндию	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марк Солонин

25 июня: Глупость или агрессия?

Предисловие

В конце 30-х годов 20-го столетия Советский Союз жил в ожидании войны – войны неизбежной и скорой.

24 февраля 1939 года, к очередной годовщине создания Красной Армии, главная правительственная газета «Известия» опубликовала большую статью под примечательным названием «Войны справедливые и несправедливые». Вывод, к которому подводили читателя, был предельно прост: любая война, которую поведет страна победившего пролетариата, будет справедливой. И вот почему: *«Защищая свою Родину и уничтожая неприятельские войска на той территории, откуда они пришли, Красная Армия помогает поработенным классам свергнуть власть буржуазии, освободиться от капиталистического рабства. Такая война вдвойне и втройне справедлива»*. Заканчивалась же статья такими словами: *«Советский народ знает, что предстоящая война будет весьма напряженной, ожесточенной (никаких сомнений в том, что война будет, у авторов нет. – М.С.) И он сделает все необходимое, чтобы в союзе со всеми народами, в кратчайший срок и малой кровью положить конец фашистскому варварству, покончить с ним, покончить с тем строем, который порождает несправедливые войны»* [1].

Двумя месяцами позднее, выступая с речью на первомайском параде (День международной солидарности трудящихся отмечался в Советском Союзе военным парадом на Красной площади Москвы) нарком обороны К.Е. Ворошилов заявил дословно следующее: *«Советский народ не только умеет, но и любит воевать!»* [2]. После таких слов не приходилось сомневаться в том, что партия Ленина – Сталина в самом ближайшем будущем предоставит советскому народу возможность доказать свою любовь и преданность на поле боя «весьма напряженной, ожесточенной войны». Вопрос был только в одном – с кого начать? Где, в каких краях Красной Армии предстоит «помочь поработенным классам»?

10 марта 1939 г. в Москве открылся 18-й съезд ВКП(б). Выступая с Отчетным докладом ЦК, Сталин заявил о том, что *«новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара, идет уже второй год»* [3]. В своей характерной манере Сталин четко и однозначно назвал три «агрессивные» и три «неагрессивные» государства. В первую тройку вошли Германия, Италия, Япония, во вторую – Англия, Франция, США. Делегаты съезда единодушно признали оценки и выводы товарища Сталина единственно верными и даже гениальными. Правда, уже 31 октября все того же злосчастного 1939 года глава советского правительства товарищ Молотов сообщил депутатам Верховного Совета СССР о том, что гениальные выводы радикально изменились: *«За последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны и против заключения мира»* [4].

Переходя непосредственно к теме данного исследования, отметим главное, а именно: Финляндия ни разу не была упомянута – ни в списке агрессоров, ни в перечне коварных «неагрессивных государств». О ней, как о возможном военном противнике, уже давно забыли. 29 ноября 1938 г. на заседании Военного совета при НКО СССР товарищ Ворошилов в присутствии товарища Сталина говорил о том, что *«Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они уже у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обсто-*

ятельстввах сотрем в порошок». Стенограмма заседания констатирует, что эти слова наркома обороны СССР были встречены дружными аплодисментами [5].

Советская пресса также уделяла Финляндии крайне мало внимания. Перелистывая пожелтевшие страницы центральных газет 1939 г., мы обнаруживаем постоянные упоминания о боях в Испании и Китае, о военных приготовлениях Германии, Англии и США, о политических кризисах в Мексике, Румынии и Венгрии. На газетной полосе нашлось место для обсуждения экономического положения в Аргентине и в Чили, а также для заметки о «фашистских происках в Кении и Танганьике»! Какие-либо упоминания о Финляндии появлялись очень редко, причем (что весьма примечательно!) упоминания эти были по большей части совершенно позитивными: в финском кинотеатре состоялся просмотр советских фильмов, каковые всем собравшимся очень понравились; финская газета, комментируя очередную речь советского лидера, нашла ее мудрой и прозорливой и тому подобное. В целом позицию советской пропаганды по отношению к Финляндии можно было охарактеризовать словами «позитивное безразличие».

Да, разумеется, в 1935–1937 гг. в общих рамках искоренения «буржуазного национализма» в Советском Союзе (главным образом в Карелии и Ленинградской области) была развернута кампания борьбы с «финским национализмом». Как и во всех подобных случаях, комфортно расположившихся в СССР руководителей компартии Финляндии арестовали и расстреляли как «агентов белофинской разведки», но такова уж тогда была общая практика «работы» органов НКВД со всеми эмигрантскими секциями Коминтерна. В любом случае антифинская кампания отнюдь не вышла на уровень общесоюзного мероприятия. Примечательно, что в ходе наиболее крупных процессов «большой чистки» 1937–1938 гг. обреченным предъявлялись обвинения в связях с германскими, японскими, польскими, французскими, латвийскими спецслужбами – но вовсе не с финляндскими!

Беда, как водится, пришла неожиданно. 3 ноября 1939 г. в «Правде» появилась статья, странная по форме и еще более удивительная по содержанию. Пространно и туманно говорилось о том, что Финляндия не желает укреплять дружбу со своим великим восточным соседом, упрямо отвергает миролюбивые предложения Советского Союза, идет на поводу у каких-то не названных, но всем известных «поджигателей войны». Заканчивалась же статья совершенно истерическим выкриком: *«Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой несмотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всяческие препятствия на пути к цели»*. Нетрудно представить себе то крайнее удивление, которое могли вызвать подобные слова у рядовых советских граждан, большинство которых смутно представляли себе – где вообще находится эта самая Финляндия? Какая «игра»? Что за «картежники»? Куда теперь надо идти, не глядя по сторонам и «ломая все на пути к цели»? И в чем эта «цель»?

Еще через три недели со страниц газет, из черной тарелки репродуктора выплеснулся поток дикой, погромной анти-финляндской пропаганды. Иначе как «шутами гороховыми», «политическими шулерами» и «картежниками» руководителей Финляндии уже не называли. В последние предвоенные дни грубая газетная брань, нарастая от форте к фортиссимо, перешла в сплошной истерический рев: *«Проучить зарвавшихся вояк! Горе тем, кто станет на нашем пути! Пора обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ! Смести с лица земли финских авантюристов! Наступила пора уничтожить гнусную козявку, которая осмеливается угрожать Советскому Союзу!»* Лучшие советские поэты в экстренном порядке сочиняли стихи, например, такие: *«Коль беиеных собак идет стрелять боец, Ему народ вокруг охотно помогает, Шуты безумные найдут себе конец, Сгоревши на костре, который поджигают»* [40].

Вторжение в Финляндию было обставлено с небывалой крикливой театральностью – войска переходили границу в походных колоннах, с портретами Сталина и развернутыми знаме-

нами. Восторженное самообольщение дошло до того, что уже 1 декабря 1939 года, на второй день войны, «Правда» без тени сомнения писала: *«Красная Армия сумеет нанести сокрушительный удар не только финляндской козьявке, но и тем, за чьей спиной эта козьявка прячется!»* В той же газете сообщалось, что «браковщица тов. Кукушкина», выступая на заводском митинге, выразила твердую уверенность в том, что «белогвардейскому аду», в котором двадцать лет мучились финские рабочие, пришел конец...

Вот так, в стиле грубого площадного фарса, под визг и улюлюканье продажных писак, под аплодисменты обманутых и запуганных обывателей, начиналась страшная трагедия двух народов.

Запланированная Сталиным «маленькая победоносная война» превратилась в тяжелую, многолетнюю, кровавую бойню. Боевые действия между советской и финской армиями продолжались – с длительными перерывами – с 30 ноября 1939 г. по 5 сентября 1944 г. Без малого пять лет. Подписанный 19 сентября 1944 г. в Москве документ был лишь Соглашением о перемирии, что же касается мирного договора, формально-юридически завершившего войну между Финляндией и союзными державами (СССР, Великобританией и другими), то он был подписан 10 февраля 1947 г., а ратифицирован Верховным Советом СССР только 29 августа 1947 года.

Наиболее активные боевые действия продолжались в общей сложности не менее восьми месяцев: «зимняя война» (с 30 ноября 1939 до 13 марта 1940 г.), летняя кампания 1941 г. (с начала июля до конца октября), летняя кампания 1944 г. (с 10 июня до середины августа). Масштабы потерь Красной Армии в советско-финляндской войне ужасают. Точные цифры неизвестны по сей день (да и вряд ли смогут быть установлены в дальнейшем). Анализ сведений, приведенных в наиболее авторитетном и «консервативном» (в хорошем смысле этого слова) источнике [9], позволяет утверждать, что безвозвратные потери советских войск – убитые, умершие от ран в госпиталях, погибшие в плену, пропавшие без вести – составили **более 200 тысяч человек**.

Все познается в сравнении. В многолетней войне с Японией (бои у озера Хасан в 1938 г., бои на Халхин-Голе в 1939 г., Маньчжурская наступательная операция 1945 г.) Красная Армия безвозвратно потеряла 21 тыс. человек [9], Сухопутные войска наших союзников (Англии, Канады, США) в боях за освобождение Западной Европы – от высадки в Нормандии до выхода на Эльбу – потеряли убитыми 156 тыс. человек [11]. С другой стороны, германский вермахт в ходе наступления на Западном фронте (май – июнь 1940 г.), закончившегося разгромом армий Франции, Бельгии и Голландии, потерял безвозвратно 49 тысяч человек [12]. Оккупация Норвегии (апрель – май 1940 г.), в ходе которой немецкие войска разгромили не только малочисленную норвежскую армию, но и экспедиционный корпус союзников, обошлась Германии в 3,7 тысячи погибших и пропавших без вести [65].

К несчастью, людские потери Советского Союза в войне с Финляндией отнюдь не исчерпываются потерями действующей армии. Блокада Ленинграда, унесшая жизни более миллиона человек мирного населения, стала возможна только вследствие поражения Красной Армии в летней кампании 1941 г., когда выход финских войск к Сортавала и Кексгольму (Приозерску) прервал железнодорожное сообщение Ленинграда с Большой землей в обход северного побережья Ладожского озера. Наконец, кроме поддающихся количественному учету прямых людских и материальных потерь, бессмысленная и беспощадная война с Финляндией нанесла Советскому Союзу косвенный, но от этого отнюдь не менее значимый военно-политический урон. В декабре 1939 г. именно агрессия против Финляндии стала причиной исключения СССР из Лиги Наций, а бомбардировки финских городов советской авиацией привели президента США Рузвельта к принятию решения о распространении на Советский Союз режима так называемого морального эмбарго (запрет на передачу авиационных вооружений и технологий). Все

это еще более усилило международную изоляцию СССР, а также создало дополнительные проблемы в советском авиапроме (в особенности – в производстве авиационных моторов, традиционно базировавшемся на использовании американских технологий), причем происходило это накануне большой войны, накануне тяжелейших испытаний, ожидавших Советский Союз...

Трудно, если не сказать невозможно, представить себе американца или канадца, который ничего не знает о том, что армия его страны в годы Второй мировой войны воевала в Западной Европе. Трудно и невозможно представить себе француза или англичанина, не знающего о том, что в 1940 г. Франция была оккупирована вермахтом, а летом 1944 г. освобождена войсками союзников, высадившихся в Нормандии. По числу человеческих жертв советско-финляндская война (как было показано выше) вполне сопоставима с военными кампаниями в Западной Европе, и тем не менее даже среди выпускников исторических факультетов советских университетов трудно найти человека, который сможет назвать хотя бы примерные даты начала и конца этой войны, назвать ее основные этапы и результаты. Что же касается рядовых граждан, не связанных по роду своей деятельности с изучением военной истории, то среди них найти таких знатоков практически невозможно. И такая ситуация отнюдь не случайна.

В тоталитарном государстве право изучать и толковать события прошлого является исключительной привилегией правящей верхушки и ее пропагандистской прислуги. Именно поэтому история тоталитарного общества всегда непредсказуема. Для сталинско-брежневского руководства СССР финская война была тем эпизодом, который им меньше всего хотелось бы вспоминать. Ни в преступных замыслах кремлевских властителей, ни в позорных поражениях Красной Армии нельзя было найти достойный материал для «воспитания трудящихся в духе беззаветной преданности и любви к родной Коммунистической партии». Поэтому приказано было – забыть. Все и забыли.

На протяжении многих десятилетий война с Финляндией была для советского общества «затерянной», «неизвестной» (как сказал Твардовский – «незнаменитой») войной. За полвека не было снято ни одного художественного или документального кино – или телефильма, не учреждено ни одной медали для участников финской войны. В тех редчайших случаях, когда в художественной или документальной повести появлялось упоминание о боях на финском фронте в 1941–1944 годах, солдат противника без лишнего стеснения называли просто – «немецко-фашистские захватчики».

С другой стороны, тоталитарный режим требовал, чтобы в общих рамках «передовой социалистической науки и глубоко партийной культуры» существовала и историческая наука. И хотя конечный вывод всякого исторического исследования был известен заранее – «Советский Союз был прав, потому что он прав всегда», – толстые, часто многотомные, книжки по военной истории писались и издавались. Применительно к освещению событий советско-финляндской войны была выработана, «высочайше» санкционирована и неуклонно соблюдалась **комбинация из следующих трех пунктов.**

Во-первых, говорить об этой войне как можно меньше. Если можно – вообще не упоминать о ней. В доступной широкому кругу читателей литературе возможно краткое обсуждение темы «зимней войны», но никогда не войны 1941–1944 годов.

Во-вторых, применительно к «зимней войне» называть и трактовать ее как сугубо локальный (по месту и задачам) «вооруженный конфликт на Карельском перешейке». В доступной широкому кругу читателей литературе (в частности, во всех школьных и вузовских учебниках) не допускать даже малейших упоминаний о секретном протоколе к «пакту Молотова – Риббентропа», о так называемом Народном правительстве Демократической Финляндии и прочих событиях и фактах, раскрывающих реальные намерения сталинского руководства. Путем сокрытия всех значимых документов (следует отметить, что даже центральные газеты

1939–1940 гг. были изъяты из открытого доступа во всех публичных библиотеках СССР) изобразить широкомасштабную агрессию в виде локальной оборонительной акции.

В-третьих, твердо, категорически, не допуская никакой критики, отвергать всякую связь между первым («зимняя война» 1939–1940 гг.) и последующими этапами войны. Общепринятый в западной историографии термин «война-продолжение» объявить злобным измышлением антисоветских фальсификаторов истории. Боевые действия 1941–1944 гг. называть и трактовать исключительно и только как «участие финской армии в немецко-фашистской агрессии против СССР».

Глубокие общественно-политические перемены, произошедшие в Советском Союзе на рубеже 1980–1990 годов, создали качественно новую ситуацию для ученых-историков. Появился доступ к таким источникам документальной информации, о которых раньше не приходилось даже мечтать. Появилась возможность делать собственные, непредвзятые выводы и без оглядки на цензуру делиться этими выводами с научной общественностью. Вспоминая сегодня атмосферу конца 80-х годов, можно сказать, что общество замерло в ожидании глотка долгожданной исторической правды. Оправдались ли эти надежды? На этот вопрос очень трудно дать взвешенный и однозначный ответ.

Если судить по количеству публикаций на военно-исторические темы, то их «бумажный вал» превзошел самые смелые ожидания. Прилавки книжных магазинов сегодня завалены горами исторических исследований, мемуаров, фотоальбомов, сборников документов – и тем не менее каждый месяц российские издательства выбрасывают на рынок по несколько десятков (а то и сотен) новых наименований военно-исторической литературы. Увы, ситуация с качеством и научной добросовестностью тиражируемых книг отнюдь не радужная. Свобода слова и печати, так неожиданно обрушившаяся на Россию, порою выражается в том, что совершенно некомпетентные люди при наличии денег или богатых спонсоров могут наполнять рынок своими графоманскими поделками. Дело дошло до появления такого невероятного жанра, как документальная фальшивка: печатаются «фотокопии» примитивно и грубо сфабрикованных «документов», издаются «дневники» никогда не существовавших «тайных советников Сталина», откуда-то появляются никому (включая ближайших родственников) не известные «мемуары» давно усопших людей... Говоря инженерным языком, «соотношение сигнал – шум» в современной российской историографии и исторической публицистике крайне неблагоприятное.

Оставляя за рамками данного обзора псевдоисторические сочинения, не создающие ничего, кроме «информационного шума», сосредоточим внимание на содержании «полезного сигнала». Не приходится отрицать значительные достижения в деле развития научной историографии советско-финляндской войны. Наиболее подробно разработаны вопросы, связанные с «зимней войной» 1939–1940 гг. Рассекречивание значительного массива архивных фондов позволило ввести в научный оборот документы, подробно описывающие как военно-политическую подготовку войны, так и ход боевых действий. Особый интерес представляют оценки и выводы, сделанные «по горячим следам» событий «зимней войны» высшим военно-политическим руководством СССР [20, 21]. На рубеже XX и XXI веков были изданы объемные сборники первичных документов [16, 17, 18]. Исключительно ценный материал, позволяющий точнее оценить цели и задачи сталинской политики в отношении Финляндии, содержится в многотомной серии документов внешней политики Советского Союза, издаваемой Министерством иностранных дел РФ [19]. В эти же годы были переведены на русский язык и изданы мемуары видных политических деятелей Финляндии, работы известных финских историков [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 32].

Радикальное расширение доступной историкам источниковой базы позволило создать ряд крупных монографических исследований [14, 29, 30, 31, 33, 34, 35]. Изучая эти работы, нельзя не отметить определенную парадоксальность мышления некоторых российских исто-

риков. Например, признавая тот факт, что финская армия мирного времени по численности личного состава была в 60 раз, по количеству боевых самолетов – в 100 раз и по количеству танков – в 350 раз меньше Красной Армии, они тем не менее заявляют, что «*военные приготовления Финляндии вызывали естественное беспокойство у правительства СССР*». Другой автор объясняет это «беспокойство» следующим образом. «*В Москве к военной угрозе со стороны Финляндии относились весьма серьезно – в военном отношении это государство значительно превосходило Эстонию и Латвию*». Что ж, этот список можно было бы и продолжить, добавив к нему Люксембург, Монако и княжество Лихтенштейн...

Начало «зимней войны» описывается такими словами: «*30 ноября 1939 г. войска Ленинградского ВО получили приказ отбросить финские войска от Ленинграда*». Фраза построена так, как будто «финские войска» перешли границу, вторглись на советскую территорию и вышли к пригородам Ленинграда – после чего их и пришлось «отбрасывать»! Еще один характерный пример – абсолютно законное право руководства суверенной страны не подписывать договор, условия которого, по единодушному мнению правительства и парламента, противоречат государственным интересам Финляндии, современный российский историк комментирует следующим образом: «*Демонстративная неуступчивость Финляндии и развернутая в мировой прессе кампания поддержки ее позиции не оставляли Москве иного выбора, кроме войны*». Логика потрясающая: своей «неуступчивостью» жертва не оставила насильнику «иного выбора»?

Одним словом, точку в изучении истории «зимней войны» ставить еще рано. Многие вопросы (прежде всего – вопрос о подлинных мотивах, побудивших Сталина сначала начать войну, а затем прекратить ее, не достигнув ни одной из заявленных ранее целей) все еще остаются дискуссионными. И тем не менее огромное – в сравнении с советской историографией – продвижение вперед представляется очевидным и бесспорным.

Гораздо менее изученным остается тот этап советско-финляндской войны, который начался 25 июня 1941 г. и получил в финской историографии название «война-продолжение». Традиция тотального замалчивания имеет в этом случае давнюю историю. Начало было положено 65 лет назад Советским Информбюро, которое не сообщило советским людям ни о начале, ни (что совсем уже странно) о завершении этой войны! 26 июня 1941 г. в сводке Совинформбюро появилась одна-единственная фраза: «*На советско-финляндской границе боевых столкновений наземных войск 26 июня не было*» [36]. Даже глубокое знание советского пропагандистского «новояза» не позволит сделать из этой фразы вывод о том, что именно в этот день президент Финляндии Ристо Рюти официально заявил, что его страна вступила в войну с СССР. В сентябре 1944 г. Совинформбюро не проронило ни слова о прекращении огня, достигнутом 4–5 сентября, и заключении Соглашения о перемирии 19 сентября.

Возвращаясь в лето 1941 г., мы обнаруживаем ровно ТРИ сводки Совинформбюро, в которых хотя бы появляется слово «финский» в каком-нибудь падеже:

- вечернее сообщение 29 июня: «*финско-немецкие войска перешли в наступление по всему фронту от Баренцева моря до Финского залива* (применительно к событиям 29 июня это было явным преувеличением. – М.С.), *стремясь прорвать наши укрепления по линии госграницы. Неоднократные атаки финско-немецких войск были отбиты нашими войсками*»;
- утреннее сообщение от 28 июля: «*Наша авиация бомбардировала также финский броненосец береговой обороны. Наблюдались прямые попадания 500 кг бомб и сильные взрывы*»;
- вечернее сообщение от 21 сентября: «*Финский броненосец береговой обороны «Ильмаринен», атакованный нашими кораблями в Финском заливе, напоролся намины и затонул*».

И это – все. Никаких других сообщений за три месяца (июль, август, сентябрь 1941 г.) войны, в ходе которой Красная Армия потеряла 190 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, не было. Правда, в сводках Совинформбюро изредка появлялись предельно короткие упоминания о боях на «ухтинском, кексгольмском, петрозаводском направлениях», но на этих

«направлениях» Красная Армия вела бои или с безымянным *«противником»*, или с *«германскими войсками»*.

По сей день в России не вышло ни одной серьезной монографии (подобной указанным выше крупным исследованиям «зимней войны»), в которой бы история войны 1941–1944 гг. стала предметом комплексного, непредвзятого исследования. Более того, **приоритет пропаганды над научным исследованием в последние годы даже усиливается**. Вероятно, это связано с общим изменением настроений в российском обществе, в котором «комплекс неполноценности», вызванный прогрессирующим отставанием страны – теперь уже не только от Западной Европы, но и от бурно развивающихся государств Азии и Латинской Америки, – причудливо переплетается с великодержавными, имперскими амбициями. В такой отравленной атмосфере критика сталинской внешней политики начинает восприниматься как «проявление русофобии», а знакомые еще с советских времен нетерпимость и агрессивное невежество дополняются несвойственной ранее даже коммунистической пропаганде словесной разнузданностью.

Приведем один, но достаточно характерный пример. В последние годы на страницах российских СМИ замелькало имя некоего «финского социолога» Йохана Бэкмана. Молодого (1972 г.р.) человека представляют читателям как *«признанного специалиста по России, который с 1993 года часто бывает в Санкт-Петербурге, где живет месяцами, занимаясь научной работой»*. В наиновейшем (вышел в свет в 2006 г. под редакцией В.Н. Барышникова) сборнике, посвященном истории советско-финляндских отношений, можно ознакомиться и с плодами этой «научной работы».

В своей статье Й. Бэкман требует, чтобы в основу изучения истории советско-финляндской войны было положено *«признание того, что финны были фашистскими оккупантами, что Финляндия вела в Советской Карелии жестокую расовую войну, что оккупационному правительству чуждо было что-либо человеческое, а чудовищной целью являлось совместно с нацистской Германией стереть русских с лица земли»* [35]. Да, подобная риторика была бы вполне уместна во фронтовой дивизионной «многотиражке». На войне, как на войне – военная пропаганда во все времена строится на утверждении, что противнику «чуждо что-либо человеческое». Странно, однако, смотрятся подобные высказывания в научной публикации 2006 года. Примечательно и то, что «месяцами живущий в Санкт-Петербурге финский социолог» основал в Хельсинки «Институт Йохана Бекмана», под эгидой которого, в частности, вышла книга Н.И. Барышникова [39], содержащая пусть и не столь одиозные, но весьма далекие от научной объективности оценки и выводы.

Казалось бы, тесное сотрудничество российских и финских историков из двух соседних городов следует только приветствовать, если бы оно не развивалось по образцу старого анекдота, хорошо известного каждому, кто родился в СССР:

«Встретились русский с американцем и начали спорить – у кого в стране свободы больше?»

Вот я, говорит американец, могу выйти на лужайку перед Белым домом и орать во все горло: «Президент Америки дурак!» И мне за это ничего не будет.

Нашел, чем удивить, отвечает ему русский, я тоже могу выйти на Красную площадь в Москве и орать: «Президент Америки дурак...»

Примеров такого «анекдота» в изучении истории финской войны немало. Хельге Сеппяля, профессиональный военный и военный историк, 18-летним юношей в качестве солдата финской армии оказался в оккупированном Петрозаводске, где он нес службу в 1942–1944 годах. Драматические переживания тех лет побудили господина Сеппяля к написанию книги под названием «Финляндия как оккупант» [27]. Появление книги Сеппяля (точнее говоря, крайне предвзятый и односторонний подход автора к исследуемой проблеме) стало в Финляндии причиной подлинного общественного скандала. В ходе презентации книги даже сотру-

ники полиции не смогли уберечь историка от разгневанных финских бабушек, ветеранов женской добровольческой организации «Лотта Свард» [35].

Казалось бы, именно российские историки могли во многом дополнить и уточнить исследование Х.Сеппяля. Прежде всего, принимая во внимание тот факт, что оккупированная финскими войсками территория была насильственно отторгнута от Финляндии в результате «зимней войны», следовало бы написать книгу под названием «Советский Союз как оккупант». Заслуживает внимания и вопрос о том, откуда вообще взялось «местное население», которое финские захватчики сгоняли с «родных мест» в 1941 году – если в лютую стужу зимы 1940 г. порядка 400 тыс. человек ушло с отступающей финской армией, а на «освобожденных территориях» осталось не более 2 тыс. местных жителей? [41] Рассказы Сеппяля о тяжелых условиях жизни и мизерных продовольственных пайках следовало бы дополнить информацией об условиях жизни и величине пайков по другую линию фронта, в советской Карелии. Например, докладной запиской начальника УНКВД Карело-Финской Республики от 11 июня 1942 года:

«В течение мая с. г. населению Пудожского района выдавалось с большими перебоями по 200–300 г хлеба на человека. Других продуктов не выдавалось. Систематическое недоедание в течение двух месяцев создало массовое истощение значительной части населения, а на почве этого и рост смертности. В апреле с. г. по району умерло 238 человек, из них детей до одного года – 67 человек. В связи с такими явлениями в районе заметно снизилась трудовая дисциплина...» [49]

Наконец, объективное обсуждение финского оккупационного режима совершенно немыслимо без учета того главного фактора, который и вызвал такие противоправные и негуманные действия финских военных властей, как насильственное переселение населения и создание лагерей для перемещенных лиц. Речь идет, разумеется, о так называемых карельских партизанах, т. е. о диверсионных отрядах НКВД, терроризировавших мирное население Финляндии и Карелии. Одним словом, фронт работ для российских историков огромный. Увы, пока же все ограничилось переводом на русский язык и публикацией книги Х. Сеппяля, которая активно используется как сборник тенденциозных цитат.

Гораздо большая известность выпала на долю другой книги. Финский историк, научный сотрудник Финской академии, профессор Мауно Йокипии написал в 1987 году объемное, 700-страничное исследование, посвященное предыстории «войны-продолжения» [26]. Своей целью историк поставил выявить «собственный вклад Финляндии в развязывание войны», о чем, по его мнению, «финскому народу ни тогда, ни позднее не сообщалось». С огромным старанием и скрупулезностью профессор Йокипии собрал все факты и фактики, связанные с германо-финляндским военным сотрудничеством 1940–1941 гг. Выводы, к которым пришел автор монографии, сводятся к тому, что «в напряженной ситуации после начала «Барбароссы» у Советского Союза в конце концов не выдержали нервы, и он первым нанес удар». Короче говоря, Финляндия в очередной раз «не оставила Советскому Союзу иного выбора»...

Можно спорить о том, соответствуют ли выводы Йокипии тем фактам, которые он же сам и собрал в своем исследовании. В частности, уже высказывалось мнение, что «взгляд автора монографии на причины возникновения советско-финской войны 1941–1945 гг. полностью опровергается документально-историческим материалом, подробно и добросовестно изложенным в его работе» [42]. Следует отметить и очевидную противоречивость позиции историка. Явно осуждая действия финского руководства, он в то же время констатирует, что «на германский путь встали не без колебаний – ему не было альтернативы». А если «альтернативы не было», то что же в таком случае является предметом дискуссии и, тем более, политической критики? Наконец, уже в 1993 г. все тот же М.Йокипии, полемизируя на страницах финской газеты «Keskisuomalainen» с советским историком Н.И. Барышниковым, заявил, что «если бы не было в 1939–1940 гг. «зимней войны», то, по всей вероятности, входе немецкого

наступления осенью 1941 г. на Ленинград в тылу его находилась бы нейтральная Финляндия и мирная граница по реке Сестра» [43].

Следует обратить внимание и на год издания книги (1987 г.), и неизбежно связанное с этим отсутствие у профессора Йокипии доступа к той информации о планах и действиях советского военно-политического руководства, которая была рассекречена и введена в научный оборот в середине 90-х годов. Казалось бы, именно современным российским историкам следовало дополнить картину событий последних мирных месяцев 1941 года теми фактами, которые «советскому народу ни тогда, ни позднее не сообщались». Более того, как раз приглашением к такому сотрудничеству профессор Йокипии и закончил свою книгу: *«Обсуждение того сложного времени, конечно же, на этом не заканчивается... Третий масштабный этап, базирующийся на открывающихся архивах России, еще впереди... Лишь неподкупная память может помочь народам, строящим свое будущее на фундаменте прошлого. Это, конечно же, в равной мере относится ко всем сторонам прежнего конфликта» [26].*

«Неподкупная память...» Остается только удивляться простодушной наивности западных историков, которые никак не могут (не хотят?) понять простой факт: их нынешние российские «коллеги», к которым они обращаются со словами «господин профессор», никакие не «господа», а самые настоящие «товарищи», испытанные бойцы «идеологического фронта партии», ставшие «профессорами» на кафедрах марксизма-ленинизма и истории КПСС.

Призыв профессора М. Йокипии был ими «услышан» следующим образом. В год выхода книги на нее никто в СССР особого внимания не обратил. Советская историография не нуждалась тогда в «сборнике компромата» на внешнюю политику Финляндии – и без того «все знали», что Финляндия виновата во всем. Ситуация изменилась через 10 лет, когда в постперестроечной России стала возможной публичная дискуссия о роли сталинской империи в развязывании Второй мировой войны. В 1999 году монографию М. Йокипии вспомнили, перевели и издали на русском языке. Предвзятость проявилась уже на обложке, в том, как было переведено название книги. «Jatkosodan synty» дословно означает «рождение (возникновение, создание) войны-продолжения». Но поскольку в советской историографии использование термина «война-продолжение» приравнивалось к акту «идеологической диверсии», название книги Йокипии перевели как «Финляндия на пути к войне». В конечном итоге монументальный труд М. Йокипии разодрали на «цитаты», предвзятое использование которых «украшает» ныне едва ли не каждую публикацию, посвященную теме 25 июня 1941 г.

Дальше – больше. В 2003 г. профессор В.Н. Барышников (сын вышеупомянутого Н.И. Барышникова) издал книгу под названием «Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941» [44]. По общей направленности книга представляет собой развернутое на 326 страниц «обвинительное заключение по делу Финляндии», в котором обильно цитируемые фрагменты из работ Йокипии и Сеппяля гармонично дополняются воспоминаниями бывшего резидента сталинской разведки Е. Сеницына. Например, приводится подслушанный в здании финляндского представительства в Москве разговор, участники которого *«высказывались довольно определенно, что в случае нападения Германии на Советский Союз Финляндия не будет на русской стороне»*. Очень интересно. Начальники тех, кто устанавливал «жучки», рассчитывали на что-то другое? Они надеялись на то, что ограбленная и изнасилованная Финляндия бросится спасать насильника? Но что самое удивительное – три года спустя все тот же В.Н. Барышников написал, что *«у финляндского руководства не оставалось других вариантов политического развития, кроме как пойти по пути военно-политического сотрудничества с Германией» [35].*

В целом же ситуацию, сложившуюся в современной российской историографии «войны-продолжения», можно обрисовать таким образным сравнением. Представим себе телевизионный репортаж о поединке двух боксеров, из которого методами компьютерной графики (техника сегодняшнего дня это вполне позволяет) убрали одного из участников. Что же мы уви-

дим на экране? Здоровенный детина с перекошенным от необъяснимой злобы лицом прыгает в нелепой позе по рингу и при этом машет кулаками в уродливых перчатках... Именно так изображаются действия финских руководителей в последние предвоенные месяцы: они все время мечутся, едут то в Берлин, то в Зальцбург, то в Киль, ведут тайные переговоры с немецкими генералами, начинают скрытую мобилизацию... Что же при этом делает **ВТОРАЯ СТОРОНА** будущего конфликта? Она занята исключительно «мирным созидательным трудом»?

Задача данного исследования состоит в том, чтобы «вернуть на ринг второго боксера». При этом автор ни в малейшей мере не претендует на роль арбитра, и уж тем более – на роль «прокурора», решающего, были ли действия руководства Финляндии адекватными реальной угрозе, или оно (руководство) вышло за рамки необходимой самообороны. Более того, «финская составляющая» вопроса будет рассмотрена лишь в самой малой степени. И не только потому, что российскому историку естественнее и проще заниматься изучением документов истории своей страны, составленных на русском языке. Просто в паре СССР – Финляндия роль ведущего неизбежно принадлежала огромной 200-миллионной мировой державе, в то время как Финляндия могла лишь более-менее успешно реагировать на действия своего могучего соседа. В той же пропорции, вероятно, должны распределяться и усилия российских исследователей. В противном случае мы оказываемся в ситуации, о которой две тысячи лет назад было сказано: «Лицемер! Что ты ищешь соринку в глазу брата своего, а бревно в своем глазу не замечаешь?»

Из всего огромного многообразия вопросов, связанных с историей советско-финляндского противостояния в 1940–1941 гг., в данной работе будет рассмотрена лишь малая их часть, а именно: стратегическое планирование, оперативное развертывание и боевые действия Красной Армии в первые недели войны (июнь – июль 1941 гг.). Особое внимание будет уделено событиям 25 июня 1941 г., т. е. тому массированному удару советской авиации по объектам Финляндии, который и послужил поводом к объявлению войны. Не пытаясь объять необъятное, автор, тем не менее, счел необходимым дополнить основной материал кратким, конспективным изложением истории советско-финляндских отношений 1918–1939 гг. и столь же кратким обзором хода боевых действий «зимней войны» и летней кампании 1944 г. Все это позволит включить драматические события лета 1941 г. в общий исторический контекст.

Выбор именно такого, «военного» угла зрения, имеет две причины. Первая связана с характером использованных автором источников – это, главным образом, документы военных архивов: Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО, г. Подольск) и Российского Государственного военного архива (РГВА, г. Москва).

Вторая причина заслуживает более подробного пояснения. Дело в том, что советско-финская война, начавшаяся 25 июня 1941 г., происходила в рамках другой, большой войны, являясь ее неотъемлемой составной частью. Красная Армия, которая в июле 1941 г. вела боевые действия в Карелии, – это та же самая армия, с тем же вооружением, тем же командным составом, той же системой боевой подготовки, что и разгромленные летом того же 1941 года армии Прибалтийского, Западного и Киевского военных округов. Причины их разгрома по сей день остаются в центре ожесточенной научной и общественной дискуссии. Как известно, чаще других называются следующие причины:

- внезапное нападение противника;
- неотмобилизованность частей и соединений войск западных округов;
- техническое превосходство вооружений немецкой армии и авиации;
- первый и внезапный удар по аэродромам базирования советской авиации, позволивший германским ВВС сразу же захватить господство в воздухе;
- двухлетний опыт ведения современной войны, накопленный вермахтом и люфтваффе к моменту вторжения в СССР.

Не будем сейчас отвлекаться на обсуждение достоверности этих тезисов. Ряд современных российских историков (в том числе и автор данной книги) подробно и аргументированно показали ошибочный, если не преднамеренно лживый, характер этих утверждений [47, 48]. Для целей данного исследования гораздо важнее другое. Если мы посмотрим на весь вышеперечисленный перечень «причин» катастрофического разгрома Красной Армии, то мы обнаружим, что ни один из этих факторов не может быть применен к описанию хода боевых действий (т. е. поражения Красной Армии) на «финском фронте». Ни один.

Боевые действия начала советская сторона, причем начала как раз внезапным авиаударом по финским аэродромам. Активная фаза боевых действий наземных войск началась в первых числах июля, т. е. через 10 дней после объявления в СССР открытой мобилизации (не говоря уже о скрытой мобилизации и развертывании войск Ленинградского ВО, о чем пойдет речь далее). Не приходится даже говорить о каком-либо «техническом превосходстве» нищей финской армии. Что же касается «опыта ведения современной войны», то обе противостоящие стороны приобретали его в одно и то же время и в одном месте – на заснеженных полях сражений «зимней войны» 1939–1940 гг.

Таким образом, **изучение хода боевых действий на финском фронте дает нам уникальную возможность взглянуть на Красную Армию образца 1941 года в благоприятнейших для нее условиях:** заранее отмобилизованные войска начинают боевые действия в выбранный ими момент, по планам собственного командования, против противника, значительно уступающего в технической оснащенности. Можно сказать, что анализ реальных событий финской войны может послужить в качестве «машины времени», позволяющей ответить на сакраментальный вопрос советской истории: «А что было бы, если бы внезапного нападения немцев утром 22 июня 1941 г. не было?»

Прежде чем перейти, наконец, к изложению основного материала, остается только определиться с терминами.

Во избежание обвинений в предвзятости автор предлагает использовать в дальнейшем для обозначения событий июня-ноября 1941 г. абсолютно нейтральное, безоценочное определение: «2-я советско-финская война». Соответственно, боевые действия лета 1944 года будут называться «3-я советско-финская война». Таким образом, настоящее исследование посвящено истории начала 2-й советско-финской войны.

Принятый и устоявшийся в отечественной исторической литературе термин «финская» (финская армия, финская война, финская авиация) будет использован и в этой книге. Но при этом не следует забывать о том, что политически корректным и исторически правдивым был бы термин «финляндский» (Финляндия – страна двуязычная, и в ее армии, кроме финнов, воевали граждане многих национальностей, а в дни «зимней войны» – и многочисленные иностранные добровольцы).

Определенные сложности создают и метаморфозы топонимики театра военных действий. На момент начала 2-й советско-финской войны большая часть территории Карельского перешейка входила в состав Карело-Финской ССР. На всей территории К-Ф ССР были сохранены прежние (финские) географические названия, поэтому, читая документы командования Ленинградского военного округа, мы видим россыпь труднопроизносимых финских топонимов. После окончания 3-й советско-финской войны весь Карельский перешеек был передан в состав Ленинградской области, и его топонимика в 1949 году была радикально «русифицирована». Кексгольм превратился в Приозерск, Койвисто – в Приморск, Энсо – в Светогорск, Антреа – в Каменногорск и т. д. Примечательно, что на Онежско-Ладужском перешейке (т. е. в административных границах нынешней Карельской АССР) Вуонтеленмяки, Питкяранта, Найстенъярви и прочие места остались при своих исконных названиях.

В настоящей книге принята следующая система: географические названия будут всегда приводиться в том виде, как они были указаны в оригинальных документах, с указанием современных названий в скобках. Под словами «Приладожская Карелия» будет пониматься территория северо-восточного побережья Ладожского озера (Сортавала, Питкяранта, Олонец) и Онежско-Ладожского перешейка (Лоймола, Суо-ярви, Петрозаводск). Территория к северу от Онежского озера (Медвежьегорск, Реболы, Кемь, Кестеньга) будет называться Беломорская Карелия. Треугольник суши между Финским заливом и западным берегом Ладожского озера (Выборг, Кексгольм, Ленинград) будем называть так, как он и назывался в документах советского командования: Карельский перешеек или сокращенно – Карперешеек.

Своим приятным долгом автор считает выразить искреннюю благодарность за разностороннюю помощь в работе друзьям и коллегам: Е. Балашову, А. Завальному, Л. Лурье, М. Мельтюхову, Л. Наумову, М. Поваляеву, А. Степанову, С. Тиркельтаубу, А. Хенинену (A. Heninen), М. Шаули.

Важную роль в создании книги оказали творческая дискуссия и документальные материалы, предоставленные К.Ф. Геустом (C.F. Geust), которому автор выражает глубочайшую признательность.

В книге использованы документы и материалы, собранные в результате многолетнего труда ведущими и составителями интернет-сайтов: «Военная литература» (militera.lib.ru), «Мехкорпуса РККА» (mechcorps.rkka.ru), «Уголок неба» (airwar.ru), «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» (rkka.ru), «Солдат» (soldat.ru), «Вторая мировая война» (weltkrieg.ru), www.ilpilot.narod.ru, www.eismeerfront.com, www.battlefield.ru, www.depvladimir.narod.ru.

Часть 1 Первая попытка

Глава 1.1 Финляндия, Карелия, Россия

Взаимное и по большей части мирное сосуществование восточнославянских и финно-угорских народов имеет долгую историю. Многие уже забыто, затеряно во мгле веков. Мало кто сегодня вспомнит о том, что глухие муромские леса, в которых посвистывал лихой Соловей-разбойник из старинных русских былин, получили свое название от финского племени мурома. А Чудское озеро, на берегах которого русский князь Александр Невский совершал свои ратные подвиги, названо по имени финского племени чудь. Да и топоним «Москва», по мнению большинства специалистов, имеет финское происхождение. Что же касается межгосударственных отношений России и суверенной независимой Финляндии, то они, на удивление, молоды – им нет еще и 100 лет. До 1917 года территория традиционного расселения народа *суомалайсет* (народ Суоми), который сформировался в начале 2-го тысячелетия новой эры на основе слияния племенных групп сумь, емь, корела, входила в состав шведского королевства, а позднее – Российской империи. Древнейшая из достоверно известных границ была установлена Орешковецким мирным договором 1323 года, заключенным между Великим Новгородом и Швецией. Согласно этому договору южная и восточная части Карельского перешейка (с городом Корела, он же Кексгольм, он же Какисалми, он же нынешний Приозерск) признавались новгородскими землями.

Первый шаг на долгом пути завоевания Финляндии сделал Петр Первый: длившаяся 21 год на огромных пространствах от Балтики до Полтавы война между Россией и Швецией (так называемая Северная война) закончилась в 1721 году подписанием Ништадтского мирного договора, по которому Карельский перешеек (в примерных границах современной Ленинградской области) отошел к России. Многолетняя опустошительная война в равной мере разорила и русские, и финские земли: четверть крестьянских хозяйств Финляндии оказались заброшенными, да и России «славная эпоха царя-реформатора» стоила сокращения населения на одну треть... Новая череда русско-шведских войн, которые вели полунемцы и немки, сменявшие друг друга на русском престоле, закончилась в 1809 году включением всей территории современной Финляндии в состав Российской империи. Правда, условия и порядок этого включения были весьма нетрадиционными. Финские земли вошли в состав империи как единое целое, получившее звучное название «Великое княжество Финляндское». И хотя титул Великого князя Финляндского достался императору российскому, сама Финляндия получила права широкой автономии.

На первом заседании Собрания представителей 4 сословий (сейма Финляндии) в городе Порвоо был зачитан специальный манифест, в котором Александр I торжественно провозгласил особые милости: Финляндия сохраняла свое лютеранское вероисповедание, свои прежние (т. е. шведские) законы, судебную систему и местное самоуправление. Вводить новые законы или изменять прежние царь обещал только с согласия сейма. Административная автономия дополнялась экономической: Финляндия имела отдельную таможенную, отдельные от общероссийского бюджет и налоговую систему, а с 1878 г. и свою отдельную денежную систему. Конкретное наполнение всех этих автономных прав реальным содержанием непрерывно менялось в соответствии с изменениями внутренней и внешней политической конъюнктуры. С 1820 по 1863 г. сейм не собирался ни разу, в 1850 г. был введен запрет на издание книг на финском языке (кроме сельскохозяйственной и религиозной литературы). Эпоха либеральных реформ 60-х годов значительно изменила ситуацию в Финляндии: школьная реформа (1866 г.) ликвидировала церковный контроль над начальным образованием и ввела обучение на финском

языке; новый Устав сейма (1869 г.) установил периодичность обязательных созывов сейма (один раз в 5 лет, а с 1882 г. – раз в 3 года); городская реформа (1873 г.) установила выборность органов местного самоуправления.

Политическая реакция эпохи царствования Александра III также не замедлила сказаться на Финляндии. В феврале 1899 г. специальным манифестом российский император присвоил себе право издавать обязательные для Финляндии законы без согласия сейма. Активную политику, направленную на практически полную ликвидацию автономных прав и насильственную русификацию Финляндии, проводил генерал-губернатор Бобриков, оставивший по себе долгую и недобрую память. Сорок лет спустя в припеве знаменитой финской песни военных лет рефреном повторялась фраза: *«Нет, Молотов, нет, Молотов! Ты врешь даже больше, чем Бобриков...»* Революция 1905 года радикально изменила ситуацию как в России, так и в Финляндии. 22 октября Николай II вынужден был подписать манифест об отмене всех законов царского правительства, принятых после февраля 1899 г. без согласия сейма. 20 июня 1906 г. был принят новый Устав сейма Финляндии, предусматривавший ликвидацию системы сословного представительства и создание однопалатного парламента, избираемого на основе всеобщего прямого равного избирательного права всеми гражданами с 24-летнего возраста. Стоит отметить, что уже на парламентских выборах 1907 года финские социал-демократы получили 80 мест из 200, а на выборах в 1916 г. больше половины – 103 места из 200. Народ, национальный характер которого стал синонимом спокойствия и хладнокровной рассудительности, сделал выбор в пользу социального прогресса в рамках законности и порядка, в то время как по другую сторону границы стремительно росли экстремистские настроения (как известно, на первых и единственных выборах в Учредительное собрание России оглушительную победу получили левые радикалы – эсеры и большевики, – собравшие вместе более четырех пятых голосов избирателей).

Не оставалась неизменной в XIX веке и линия административной границы Великого княжества Финляндского.

В 1811 году Выборгская губерния (т. е. Карельский перешеек) была передана в состав Финляндии. В 1864 году император Александр II решил еще раз подкорректировать границу и передал городок Сестрорецк (в 30 км от Санкт-Петербурга) на территорию России, причем в полном соответствии с позднейшей советской формулой «в ответ на многочисленные пожелания трудящихся» (*«мастеровые и прочие жители принадлежащего казне Российской Сестрорецкого Оружейного завода суть российские подданные и незнакомы с языком и законоположениями Финляндии»*). Тогда же городок Печенга (Петсамо) с его укрытыми под вечной мерзлотой кладовыми никеля был включен в состав Финляндии. Вся эта история не может не вызвать ассоциации с деяниями Никиты Хрущева, который одним росчерком пера передал полуостров Крым из одной части советской империи (РСФСР) в другую (УССР), ни на минуту не задумавшись о том, что все империи не вечны...

Российская империя рухнула в конце 1917 г., не выдержав напряжения кровопролитной мировой войны и внутренней смуты. В условиях нарастающего хаоса в России финский парламент 6 декабря 1917 принял декларацию об объявлении Финляндии независимым государством. 31 декабря (здесь и далее все даты приведены по новому календарю) 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР признал независимость Финляндии, 4 января 1918 постановление СНК было утверждено ВЦИК. Легкость и быстрота, с которой правительство Ленина решило многовековой вопрос создания суверенного финляндского государства, не были случайными. Они полностью соответствовали тому курсу на возможно более полное разрушение всех государственных структур Российской империи, который захватившие власть большевики проводили по всем направлениям. И в этом смысле лозунг «право наций на самоопределение вплоть до отделения» ничуть не уступал по эффективности совершенно уже гениальному «грабь награбленное». Ленин отчетливо понимал, что наступило «время разбрасывать камни»,

и чем больше и дальше их разбросают, тем легче будет ему удержать власть на остающемся под его контролем центральном плацдарме. *«Вопрос о том, как определить государственную границу теперь, на время – ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ – есть вопрос не основной, не важный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать»* (В.И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 43). *«Для интернационалиста вопрос о границах государств есть вопрос второстепенный, если не десятистепенный... Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры»* (В.И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 19).

Эта хитрая «диалектика» представляла собой ключ (правильнее сказать, воровскую отмычку), при помощи которого позднее было успешно произведено обратное «собираение камней». Обеспечение «основных интересов пролетарской диктатуры» требовало, само собой, расширения территории и приумножения народонаселения, находящегося под властью «диктатуры пролетариата», каковая диктатура находила свое наиболее адекватное и полное выражение в диктатуре единственной истинно пролетарской партии, т. е. партии самого Ленина (вскоре эта партия стала вполне официально именоваться «партией Ленина – Сталина»). А постольку, поскольку «вопрос о границах государств есть вопрос десятистепенный», то и расширять территорию «первого в мире государства рабочих и крестьян» можно и должно было, не обращая никакого внимания на устаревшие, «временные» границы других государств. Во всей этой безупречной схеме был один-единственный изъян: другие страны и народы еще не прониклись революционной пролетарской сознательностью и поэтому не были готовы игнорировать свои границы и свои государственные интересы. Для преодоления этой «несознательности» и была создана Рабоче-крестьянская Красная Армия, в которую уже к 15 июня 1920 г. было принудительно мобилизовано 6,7 млн. человек (9, стр. 44). Опираясь на такую подавляющую военную мощь, Советская Россия к концу 1921 г. помогла установить подлинную «пролетарскую диктатуру» – т. е. оккупировала территорию и ликвидировала национальные органы власти – в Украине, Грузии, Армении и во всех прочих больших и малых «республиках», независимость которых Ленин с легкостью необыкновенной признавал в 1917–1919 гг.

По всей логике событий, такая же судьба ждала и независимую Финляндию. Более того, если Армению, Бухару или какую-нибудь «Семиреченскую республику» от Центральной России отделяли многие тысячи километров, то Финляндия была совсем рядом с главным центром большевистской диктатуры, революционным Петроградом, а в Гельсингфорсе (Хельсинки) бесчинствовали толпы матросов Балтийского флота, пьяных от спирта, кокаина и вседозволенности. Всего на территории Финляндии в связи со все еще продолжающейся мировой войной находилось не менее 40 тыс. российских солдат и матросов. Анархия, в пучину которой к концу 1917 г. окончательно погрузилась русская армия, несомненно, снижала значимость русских войск в Финляндии как боевой единицы – зато это был прекрасный источник «бесхозного» вооружения и «активистов» для формирующейся Красной гвардии, численность которой к концу января составляла уже 30 тыс. человек [22]. Руководство финской социал-демократической партии находилось в полной растерянности, повторяя таким образом трагический опыт русских «меньшевиков». В ночь на 28 января 1918 г. в Хельсинки началась революция. В первые часы события развивались в полном соответствии с петроградским Октябрьским образцом: отряды Красной гвардии начали с захвата банков, мостов и вокзалов, правительственных учреждений. За несколько дней мятежники поставили под свой контроль столицу и основные центры южной промышленно развитой части страны: Турку, Тампере, Выборг. Законное правительство, сформированное парламентом 26 ноября 1917 г., вынуждено было бежать на север, в крестьянские районы Финляндии.

Такое развитие событий нашло горячую поддержку в советской России. В помощь Красной гвардии Финляндии шли эшелоны с оружием и моряками-балтийцами. Для наступления на Карельском перешейке, с рубежа реки Вуокси, в Петрограде были сформированы отряды

Красной гвардии численностью 10 тыс. человек. Номинальным командующим «всеми вооруженными силами Финляндии» числился бывший прапорщик Ээро Хаапалайнен, но фактически финской Красной гвардией командовал полковник русской армии Свечников. Разнообразная военная помощь была дополнена помощью политико-дипломатической: 1 марта 1918 г. в Петрограде с руководителями вооруженного мятежа был подписан «Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой». В числе «уполномоченных представителей», подписавших этот договор, был и И. Джугашвили-Сталин. Именно так была записана фамилия будущего владыки советской империи. Еще одна интересная деталь – в п. 18 Договора право разрешения всех возникающих между советской Россией и «социалистической Финляндией» разногласий передавалось такому авторитетному третейскому суду, *«председатель коего назначается правлением шведской левой социал-демократической партии»* [37]. Все, казалось, шло к тому, чтобы в положенный час «социалистическая рабочая Финляндия» вошла в «братскую семью советских республик». Но этого не произошло. Почему? Едва ли история позволяет найти точные и однозначные ответы на подобные вопросы. Но одну из многих причин мы можем назвать по имени. Имя это будет непривычно длинным для русского слуха: Карл Густав Эмиль барон Маннергейм.

Об этом человеке, оставившем столь яркий след на многих событиях бурного и безумного XX века, написаны тысячи книг и статей. Многие из них переведены на русский язык, например [68, 69]. Самый яркий литературный памятник Маннергейм воздвиг себе сам, написав свои знаменитые «Мемуары» [22]. Не пытаясь объять необъятное, отметим лишь несколько важных для нашего исследования моментов из феерической истории жизни К. Г. Маннергейма.

Он родился 4 июня 1867 г. в родовом имении шведских баронов Маннергеймов на юго-западе Финляндии, недалеко от Турку. Прадед будущего маршала, Карл Эрик Маннергейм в 1807 г. возглавлял делегацию, которая успешно провела в Санкт-Петербурге непростые переговоры об условиях перехода Финляндии от Швеции к Российской империи. Отец будущего маршала, барон Карл Роберт Маннергейм женился на Элен фон Юлин – дочери шведского промышленника (вероятно, немецкого происхождения). В их семье родилось семеро детей. Родным языком Карла и Элен был шведский, но, желая дать детям блестящее европейское образование, они постоянно разговаривали с ними на английском и французском языках. На родной и привычный шведский разрешалось перейти лишь по воскресеньям! Финский язык будущий маршал и президент Финляндии выучил уже в зрелом возрасте как иностранный и говорил на нем с заметным акцентом до конца своих дней (его мемуары были написаны на шведском и переведены на финский). Дворянское звание и родовое поместье отнюдь не обеспечили юному Карлу Густаву безбедного существования: его отец, разорившись в пух и прах на неудачных коммерческих операциях, в 1880 году уехал с любовницей в Париж, бросив семью без средств к существованию. Не выдержав такого потрясения, в следующем году умерла мать, и 14-летний мальчик остался фактически сиротой. Родственники пристроили Карла Густава в кадетское училище скорее всего потому, что обучение и содержание там было бесплатным.

Из кадетского училища в Хамине будущего маршала выгнали за безобразное поведение и самовольные ночные походы в город. В 1887 году, выучив за один год русский язык, Карл Густав поступил в престижную Николаевскую кавалерийскую школу в Петербурге. В столице империи высокий, красивый, разнообразно одаренный отпрыск шведского баронского рода сделал головокружительную карьеру. Через два года после окончания военной учебы в 1891 г. он был зачислен в элитный лейб-гвардии кавалерийский полк, и на церемонии коронации Николая II в 1896 г. Маннергейм гарцевал верхом во главе торжественной процессии. Как и положено блестящему аристократу, Маннергейм был большим знатоком и ценителем породистых лошадей. Эта страсть, а также и широкие связи в высшем свете позволили Густаву Карловичу (именно так его имя писалось в России) в возрасте 30 лет получить высокую долж-

ность в управлении царских конюшен. Он лично закупал скаковых лошадей для царской семьи и даже удостоился в связи с выполнением этих поручений аудиенции у германского императора Вильгельма. Когда началась Русско-японская война, Маннергейм добился отправки в действующую армию. С японского фронта лейб-гвардии ротмистр вернулся в чине полковника. В 1906 г. Генеральный штаб поручил барону Маннергейму возглавить секретную экспедицию, которая должна была под видом этнографических исследований изучить китайско-тибетский театр военных действий. Экспедиция продолжалась два года, а после ее успешного завершения Маннергейм был удостоен аудиенции у российского императора, которая вместо установленных 20 минут продолжалась более полутора часов. Начало Первой мировой войны Маннергейм встретил в звании генерал-майора и должности командира лейб-гвардии Его Величества Варшавской кавалерийской бригады, в 1916 году, уже в звании генерал-лейтенанта, он командует конным корпусом в армии Брусилова.

В общей сложности 30 лет шведский барон прослужил верой и правдой в русской армии. Вероятно, его можно назвать русским генералом на тех же основаниях, по которым в многонациональной Российской империи русскими считались полководец Багратион, мореплаватель Крузенштерн, писатель фон Визин, языковед Даль, художник Левитан, министр Витте. В любом случае, генерал Маннергейм был ничуть не менее «русским», нежели член ЦК партии большевиков И. Джугашвили (Сталин). Глубокая, искренняя и непреходящая ненависть Маннергейма к большевикам не имела ничего общего ни с финским шовинизмом, ни, тем более, с какой-либо формой русофобии. Да и о какой русофобии можно было говорить, принимая во внимание национальный состав большевистского руководства, составленного по большей части из евреев, грузин, поляков, латышей, венгров...

Портрет Маннергейма стал бы гораздо более привлекательным по меркам XXI века, если бы мы могли сказать, что только глубокие демократические убеждения генерала отвратили его от тоталитарной идеологии и практики коммунизма. Но это будет неправдой. Глубокая неприязнь, которую Маннергейм испытывал к российским большевикам, а затем к германским фашистам, была не чем иным, как естественным со стороны блестящего аристократа неприятием незаконной власти разнузданной черни. По своим политическим взглядам барон Маннергейм был скорее сторонником «просвещенной» конституционной монархии, нежели парламентской демократии, а «свобода», о которой он часто говорит в своих мемуарах, понималась им (на наш взгляд) как свободно взятая на себя обязанность аристократической элиты заботиться о благе общества. Так, как она (элита) это благо понимает. Но вот именно готовности к активному и, если потребуется, жертвенному исполнению аристократией своего долга перед Родиной и не увидел Маннергейм в охваченной революционным безумием России. Его попытки организовать русских офицеров для отпора волне солдатской анархии наткнулись на стену равнодушия и трусости. В декабре 1917 г. Маннергейм уезжает (как оказалось, навсегда) из России. В Финляндию он приехал, «освободившись» от всего движимого и недвижимого имущества, с русским ординарцем и портретом Николая II, каковой портрет неизменно стоял на его рабочем столе. Ознакомившись с положением дел в стране, Маннергейм пришел к обнадежившему его выводу: *«наша страна обладала более широкими возможностями для спасения культуры и общественного строя, чем Россия. Там я наблюдал только отсутствие веры и пассивность, на Родине же я ощутил неизбывное стремление людей сражаться за свободу»* [22].

Правительство Свинхувуда поручило русскому генералу Маннергейму создать (практически на пустом месте) регулярную армию, которая могла бы противостоять финской и российским отрядам Красной гвардии, и шведский барон взялся за это дело, вложив в него весь свой огромный военный опыт и страстность недюжинного характера. Один из приказов Маннергейма (отданный по иронии судьбы 23 февраля 1918 г., в день, который в Советском Союзе будет назван «Днем Советской армии») звучал так: *«...Ленинское правительство, которое*

одной рукой обещало Финляндии независимость, другой послало свои войска и своих молодчиков завоевывать, как они сами объявили, Финляндию обратно и кровью подавлять с помощью нашей Красной гвардии молодую свободу Финляндии... Нам не нужно принимать, как милостыню, землю, принадлежащую нам и связанную с нами кровными узами, и я клянусь именем финской крестьянской армии, главнокомандующим которой я имею честь быть, что я не вложу меча в ножны, прежде чем законный порядок не воцарится в стране, прежде чем все укрепления не будут в наших руках, прежде чем последний ленинский солдат и бандит не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии...» [37].

Еще один важный для нас момент – это старательно тиражируемый советской (да и постсоветской) историографией тезис о германофильстве Маннергейма и якобы решающей роли немцев в подавлении «пролетарской революции» в Финляндии. Происхождение этого мифа более чем понятно – таким образом перекидывался «мостик» из 1918-го в 1941 год, и вынужденный союз социал-демократической Финляндии с гитлеровской Германией (о причинах, содержании и последствиях которого пойдет речь в части 2) представлялся как естественное продолжение «антисоветского курса ставленника финской буржуазии на союз с германским фашизмом». Фактически же первым и единственным условием, которое Маннергейм, принимая на себя в январе 1918 г. командование белой армией Финляндии, поставил перед главой финляндского правительства Свинхувудом, заключалось в том, что правительство ни в коем случае не будет обращаться к Германии за военной помощью в подавлении красного мятежа. Когда же выяснилось, что правительство Свинхувуда не выполнило своего обещания и за спиной главнокомандующего обратилось к немцам, Маннергейм добился по меньшей мере того, чтобы немецкие войска были переданы под его командование. Вот как он описывает эти события в своих «Мемуарах»: *«Первой моей мыслью было подать в отставку. Если Сенат обманул меня, то он не мог требовать, чтобы я и дальше продолжал исполнять свои обязанности... Постепенно у меня созрело новое решение... Взвесив все «за» и «против», я решил остаться на своем посту и постараться в будущем придерживаться лояльного сотрудничества с Сенатом... 5 марта я отправил генерал-квартирмейстеру Германии Эриху фон Людендорфу телеграмму... В первую очередь немецким частям сразу же после высадки на территорию Финляндии следовало подчиниться финскому верховному командованию... В случае принятия этих условий, говорилось в конце телеграммы, я могу заявить от армии Финляндии, что мы приветствуем в нашей стране храбрые немецкие батальоны и готовы выразить им благодарность от лица всего народа...» [22].*

Маннергейм писал свои воспоминания в середине XX века, когда многие из участников и очевидцев этих событий были еще живы, тем не менее никто из них не подверг сомнению достоверность всей этой истории. В любом случае, не вызывает никакого сомнения тот факт, что ровно через две недели после «парада победы» белой армии в Хельсинки, 30 мая 1918 г. Маннергейм отказался от всех руководящих постов и уехал из страны в знак протеста против намерения правительства Свинхувуда передать реорганизацию финской армии в руки немецких генералов. Мотивы своего решения он сообщил членам Сената в весьма энергичных выражениях: *«Пусть никто даже не думает, что я, создавший армию и приведший практически необученные, плохо вооруженные войска к победе только благодаря боевому настрою финских солдат и преданности офицеров, теперь покорюсь и буду подписывать те приказы, которые сочтет необходимыми немецкая военная администрация».*

Причины антигерманской ориентации Маннергейма также вполне понятны. Дело тут не только в привитом с детства англофильстве, не только в естественной для русского генерала времен Первой мировой войны неприязни к немцам. В отличие от политических руководителей очень еще молодого финляндского государства с их, увы, провинциальным образованием и кругозором, Маннергейм уже только в силу своих огромного жизненного опыта и личных связей с ведущими европейскими политиками понимал, что Германия стоит на пороге пора-

жения в войне и гибели. Во внешней политике Финляндии следовало ориентироваться на союз со странами англо-франко-американского блока, к каковому союзу Маннергейм усиленно (и в конечном итоге – вполне успешно) стремился. 12 декабря 1918 г. Свинхувуд вынужден был уйти в отставку, и парламент назначил Маннергейма регентом (Финляндия тогда еще формально считалась конституционной монархией). Назначение состоялось заочно, так как сам регент находился с полуофициальным визитом в Западной Европе, где он смог, мобилизовав свои старые знакомства, провести важные переговоры с руководителями внешнеполитических ведомств стран Антанты и добиться от них предоставления Финляндии экстренной продовольственной помощи.

Что же касается влияния немецкой «интервенции» на ход и исход гражданской войны в Финляндии, то факты таковы. Немецкие войска состояли из одной недоукомплектованной дивизии генерала Гольца численностью в 7 тыс. человек, которая высадилась 3 апреля в Ханко, и еще более недоукомплектованной пехотной бригады полковника Бранденштайна численностью в 2 тыс. человек, которая высадилась в Ловисе (поселок на берегу Финского залива примерно в 100 км восточнее Хельсинки) 7 апреля [22]. Итого 9 тыс. штыков. Самая крупная группировка Красной гвардии, так называемая северная армия численностью порядка 25 тыс. человек, была к этому времени уже разгромлена белой армией в ходе ожесточенных двухнедельных боев близ города Тампере. Но и после этого, на момент прибытия немцев в начале апреля 1918 года, силы Красной гвардии состояли, по оценке Маннергейма, из 70 тыс. человек, включая 30 тыс. в слабо подготовленных к боевым действиям местных отрядах [22]. Даже со всеми оговорками о том, что дивизия регулярной германской армии в бою во многом превосходила наспех вооруженные красногвардейские отряды, говорить о каком-то «решающем» вкладе немецких войск в победу белой армии не приходится.

Наконец, обсуждая причины появления немецких войск на берегах Финского залива, нельзя не отметить, что правительство Ленина – Троцкого – Сталина несет за это ответственность несравненно большую, нежели финское правительство Свинхувуда. Гражданская война в Финляндии разворачивалась в условиях большой общеевропейской войны. Поворотным моментом в этой войне стал сепаратный Брестский мир, заключенный между Германией и советской Россией. В соответствии с условиями сепаратного соглашения немецкие войска получили право оккупировать Украину, большую часть Белоруссии, Литву, Латвию, Эстонию. И Финляндию. *«Революционные матросы российского Балтийского флота, – пишет Маннергейм, – в соответствии с соглашением между Россией и Германией, подписанным 5 апреля, покинули Хельсинки».* Фактически Маннергейм и его белая армия значительно уменьшили масштаб германского вмешательства и **предотвратили оккупацию всей Финляндии**, каковая оккупация могла бы стать вполне логичным завершением загадочной истории «взаимодействия» большевиков и кайзера Вильгельма...

Вернемся, однако, от бурных перипетий удивительной судьбы барона Маннергейма к короткой истории «социалистической рабочей Финляндии». Для этого нам придется процитировать еще один фрагмент из «Мемуаров» маршала: *«Вечером 25 апреля 1918 г. члены мятежного правительства и диктатор Маннер приняли решение, не делающее им чести: они бежали и оставили свои войска на произвол судьбы. Это произошло в ночь на 26-е: высшие руководители мятежного движения вошли на борт трех кораблей и отправились (из Выборга. – М.С.) в сторону Петрограда. Для того чтобы бегство прошло без осложнений, диктатор в своем последнем приказе потребовал охранять береговую линию любой ценой».*

В советской России «красных финнов» ждало множество дел. Прежде всего продолжение борьбы за «основные интересы пролетарской диктатуры» требовало создания истинно революционной партии. Не такой, какой оказалась финская социал-демократия, которая в решающий момент так и не смогла стать на сторону антиконституционного мятежа. 25–29 августа 1918 г. в Москве была учреждена «коммунистическая партия Финляндии». В числе руково-

дителей партии оказались и вышеупомянутый К. Маннер, и товарищ О. Куусинен, которому еще предстоит быть многократно упомянутым на страницах этой книги. То, что политическая партия, намеренная взять всю полноту власти в Финляндии, формировалась в Москве, никого в то безумное время уже не удивляло (*«вопрос о границах государств есть вопрос второстепенный, если не десятистепенный...»*).

Истины ради надо уточнить, что не все «высшие руководители» сбежали с тонущего корабля революции на отплывающий в Петроград пароход. Один из двух уполномоченных революционного правительства, подписавших 1 марта 1918 г. «договор об укреплении дружбы и братства», Э. Гюллинг оставался в Выборге до последней минуты, а затем, чудом избежав ареста, долгим кружным путем через Стокгольм приехал в советскую Россию. Еще более запутанным оказался жизненный путь второго «подписанта», О. Токоя. Здесь мы опять возвращаемся к событиям, связанным с Брестским миром и его парадоксальными внешнеполитическими последствиями.

После того, как немецкие войска пришли в Финляндию на помощь белому правительству Свинхувуда, а на южном берегу Финского залива заняли всю Эстонию и дошли до Нарвы, западные союзники (Англия, Франция и США) были всерьез обеспокоены возможностью появления германских войск на севере России, в частности в портах Мурманск и Архангельск, где находились огромные запасы военного снаряжения, которое Антанта ранее отправила своей союзнице, которая теперь стала союзницей Германии. 6 марта 1918 г. английские «интервенты» высадились – по согласованию с эсеровским Советом рабочих депутатов – в Мурманске. Этот факт (согласие Совета) явно портил стройную схему советской историографии. Выход нашли в том, что ответственность за приглашение англичан свалили на злейшего врага народа Троцкого, от которого – как всем известно – можно было ждать любой пакости. В любом случае, с Троцким или без него, численность войск интервентов составляла 130 (сто тридцать) морских пехотинцев. Лишь в середине июня в Мурманск приплыли подкрепления: 600 английских солдат и батальон сербской пехоты.

С новыми силами английский командующий генерал-майор Мейнард 27 июня 1918 г. решил организовать экспедицию на юг – правда, не для того, чтобы «потопить в крови власть рабочих и крестьян», а чтобы отбросить от линии Мурманской железной дороги «белофиннов», которых англичане не без основания считали союзниками Германии. Данные разведки оказались ошибочными, и никаких финских войск на участке Кандалакша – Кемь не оказалось. Вместо них англичане наткнулись на эшелон русских красногвардейцев, состояние которых показалось Мейнарду угрожающим для порядка и спокойствия в крае. От греха подальше красногвардейцев разоружили и тем же поездом отправили назад в Петроград [45].

Несмотря на столь удачное начало «интервенции», наличных сил союзников было совершенно недостаточно для того, чтобы контролировать огромную территорию Кольского полуострова и северной Карелии. С другой стороны, кайзеровская Германия была весьма обеспокоена появлением войск Антанты в незамерзающих портах севера Европы.

В ходе проходивших с 3 по 27 августа 1918 г. в Берлине переговоров было заключено дополнительное соглашение к Брестскому миру, в соответствии со ст. 5 которого советская Россия обязалась *«принять немедленно все меры для удаления боевых сил Антанты с Севера России»* [67]. Таким образом, **от сепаратного мира с Германией правительство Ленина переходило уже к военному сотрудничеству с бывшим противником России.** В такой ситуации стало реальностью невероятное на первый взгляд укрепление сотрудничества Антанты с «красными финнами».

Еще 4 мая 1918 г., за несколько дней до окончательного краха, руководство «красных финнов» (Совет народных уполномоченных) отправило двух своих представителей в Мурманск для переговоров с командованием союзников.

28 мая было достигнуто соглашение о том, что финская Красная гвардия на севере Карелии начинает совместные боевые действия с союзниками, а те берут на себя обязанности по обучению, вооружению и снабжению финнов. Созданная таким образом воинская часть получила название «Финский легион». Численность «легиона» первоначально составляла полтысячи, а к весне 1919 г. увеличилась до 1200 человек – бывших бойцов финской Красной гвардии, которых теперь можно было уже называть «красно-белыми» финнами. Летом 1918 г. в Финский легион вступил и О. Токой с группой товарищей. После того, как уговорить его порвать с Антантой и вернуться в Москву не удалось, ЦК финской компартии в конце сентября приговорил О. Токоя к смертной казни (решение, которое обычно не входит в компетенцию ЦК политической партии), причем приведение приговора в исполнение было объявлено *«обязанностью каждого революционного рабочего»* [45].

Но и «Финский легион» не был первым по счету финским вооруженным отрядом, принявшим участие в разгорающейся на безбрежных пространствах Карелии братоубийственной войне. Еще до начала всех революций порядка тысячи финских рабочих, в основном плотников и лесорубов, было занято на работах вдоль Мурманской железной дороги. В первых числах февраля 1918 г. численность финнов начала быстро расти за счет беженцев, которые устремились через русскую границу из занятых «белыми» северных областей Финляндии. 3 февраля на собрании финских рабочих в Кандалакше было принято решение создать вооруженный отряд, получивший позднее название «северная экспедиция». Возглавил отряд бывший унтер-офицер царской армии, талантливый (как показали дальнейшие события) организатор и командир И.Ахаво, карел из поселка Ухта (ныне Калевала). Поезд с винтовками и патронами, выделенными советским правительством (!), прибыл в Кандалакшу 18 марта. Вооруженная этим оружием «северная экспедиция» разгромила одну из двух групп финских «белых» добровольцев, которые в марте 1918 года, по согласованию со штабом Маннергейма, вторглись на территорию Беломорской Карелии (один отряд, численностью 1000 штыков, безуспешно пытался прорваться к Кандалакше, второй, численностью 350 человек, наступал от Суомуссалми на Ухту).

Постепенно в междоусобицу втягивалось и местное карельское население. Еще в июле 1917 г. в Ухте состоялся некий самочинный «съезд», на котором был выработан проект государственного устройства автономной карельской области, оформленный в виде ходатайства населения Карелии к будущему Учредительному собранию России. Эта идея умерла еще до того, как в январе 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание. Дальше – больше. 17–18 марта 1918 г. все в той же Ухте состоялся съезд представителей нескольких волостей, на котором было принято решение о выходе Беломорской Карелии из состава России. Съезд предложил некую сложную формулу политического присоединения к Финляндии, при котором в экономическом отношении Карелия должна была, однако, оставаться совершенно отдельным регионом, ее природные богатства должны находиться исключительно в собственности карельского народа, а ее граждане не должны принимать участие в гражданской войне в Финляндии.

Подобные «съезды», на которых создавались и распускались самозванные «республики», не были диковинкой для той обстановки правового вакуума, который создали на территории бывшей Российской империи большевистский переворот и разгон всенародно избранного Учредительного собрания. Реальную власть в 1918 году создавал не «съезд с резолюцией», а отряд вооруженных людей численностью несколько сот человек. Несколько тысяч, да еще и с дюжиной пулеметов «максим», становились верховной властью. Такой властью в Беломорской Карелии к концу 1918 г. стал Карельский полк.

Карельский полк был создан при поддержке все того же неутомимого английского генерала Мейнарда в июле 1918 г. Население русских и карельских деревень охотно поддержало англичан, в которых тогда видели защиту от тех волн анархии и насилия, которые катились из охваченной пожаром гражданской войны Финляндии и России. Вошли в состав полка и многие бойцы из состава «северной экспедиции» вместе с И.Ахаво. Во второй половине августа

1918 г. в составе Карельского полка было 1200 человек, а в конце года – уже 3600. Командиром полка был назначен подполковник Вудс, ирландец по национальности и горячий поборник национальной независимости малых народов. Ирландец Вудс придумал и национальный флаг Карелии: листок клевера на оранжевом поле (такая эмблема была нашита на мундиры бойцов полка). В сентябре 1918 г. Карельский полк совместно с Финским легионом разгромили и вытеснили за границу остатки финских «белых» добровольцев. В руках «белых» финнов осталось только пограничное село Реболы с рядом деревень одноименной волости, население которых еще в начале года проголосовало за присоединение к Финляндии. Таким образом, начавшаяся в марте 1918 г. финская «интервенция против молодой республики Советов» была окончательно ликвидирована **объединенными силами «красно-белых» финнов и карельских крестьянских ополченцев, вооруженных империалистами Антанты [45, 67].**

1919 год в Карелии прошел под знаком все более и более усиливающихся разногласий (перешедших затем в вооруженное противоборство) между различными антибольшевистскими силами. Белогвардейское правительство генерала Миллера (так называемое Северное временное правительство), созданное осенью 1918 г. при поддержке союзников в Архангельске, категорически отстаивало тезис «единой и неделимой России». На этой почве отношения между Миллером и карельскими автономистами обострялись с каждым днем. Чиновников «северного правительства» из карельских деревень просто выгоняли, попытки организовать добровольный призыв в армию Миллера дали минимальный результат (в октябре 1918 г. набралось всего 359 человек). Принудительная мобилизация наткнулась весной 1919 г. на вооруженное сопротивление со стороны Карельского полка. Тогда белогвардейское «северное правительство» решило надавить на Карелию «костлявой рукой голода». И небезуспешно. Своего хлеба в Беломорской Карелии выращивалось очень мало – край из века в век жил за счет торгового обмена с центральными районами России.

А поскольку все важнейшие центры продовольственного снабжения (порты Мурманска и Архангельска, линия железной дороги Мурманск – Канда拉克ша – Кемь) контролировались англичанами и Архангельским «правительством», организовать «голодомор» в карельских деревнях было несложно. Резко обострилась и обстановка вокруг Финского легиона, который в глазах русских белогвардейцев был слишком «красным».

16—18 февраля 1919 г. в Кемь прошел очередной, но на этот раз гораздо более представительный (присутствовали делегаты от 12 волостей) здесь. Формально созывом и проведением съезда руководил И. Ахаво, но за кулисами (фактически – в соседней кладовке) ситуацию на съезде контролировал бывший руководитель «социалистической рабочей Финляндии», приговоренный к смерти Финской компартией «красно-белый» легионер О. Токай [45]. Съезд одобрил составленную О.Токаем и зачитанную И. Ахаво резолюцию, провозглашающую Карелию независимым государством.

Вопрос о возможном в будущем присоединении на основах федерации к Финляндии или России оставлялся на дальнейшее рассмотрение карельского народа. Был избран Карельский национальный комитет из 5 человек, председателем которого стал Ю. Лесонен. Комитет был уполномочен начать переговоры с Россией и Финляндией, а также отправить двух представителей на Парижскую мирную конференцию, которая в это время «судила и рядила» Европу.

Англичане и белогвардейцы встали на позицию жесткой конфронтации (чем они просто выручили большевиков, у которых весной 1919 г. не было ни сил, ни времени для борьбы с «буржуазным национализмом» в Карелии). На съезд прибыл командир гарнизона в Кемь генерал Прайс, который заявил о том, что руководство союзников не поддерживает никаких действий по отделению Карелии от России. Генерал Мейнард приказал командиру Карельского полка Вудсу прекратить всякую политическую деятельность в полку. В конце марта 1919 г. Карельский полк предпринял попытку договориться с личным составом Финского легиона

о совместном восстании против союзников. Планы мятежников были раскрыты, и в начале апреля начались широкомасштабные аресты. И. Ахаво был арестован и убит солдатами сербского батальона союзных войск. В оставшемся без руководителей Карельском полку началось повальное дезертирство. 20 мая 1919 г. полк был окончательно расформирован.

После этого союзники надавили на правительство Финляндии, потребовав от него скорейшим образом решить вопрос о репатриации личного состава Финского легиона. В сентябре 1919 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым большая часть «красно-белых» финнов была амнистирована и получила право вернуться домой. Те, кому в Финляндии угрожало уголовное преследование, остались под защитой англичан. Впоследствии они (в том числе и О.Токай) получили разрешение переселиться в Канаду [45].

Оставшийся без вооруженной опоры «Карельский национальный комитет» продолжал тщетно взывать о помощи.

Командование союзников подтвердило передачу всех продовольственных складов Архангельска и Мурманска в распоряжение белогвардейского «северного правительства» Миллера и отклонило просьбу об открытии границы с Финляндией для завоза продовольствия в Карелию. Правительство Миллера, со своей стороны, объявило, что карельские деревни несут коллективную ответственность за успешный ход мобилизации в белую армию – уклоняющихся лишали подвоза продовольствия, попытки сопротивления подавлял сербский батальон. Что же касается правительства Финляндии, то оно **фактически заняло позицию стороннего наблюдателя**. Отказав «Карельскому комитету» в какой-либо политической или военной помощи, оно согласилось лишь предоставить ему кредит в 2 млн. марок для закупки продовольствия. Да еще в ноябре 1919 г. министр иностранных дел Финляндии Холсти заявил представителям белогвардейского правительства в Хельсинки «решительный протест» против насильственной мобилизации карелов и связанных с этим массовых расстрелов. В эти же самые месяцы осени 1919 г. правительство Финляндии, в полном единодушии с англичанами, категорически отклонило настойчивые призывы Маннергейма направить регулярную финскую армию (а она в тот момент насчитывала более 35 тыс. человек) на помощь Юденичу, безуспешно штурмующему Петроград.

Понять логику русских белогвардейцев нетрудно: осенью 1919 г. победа в Гражданской войне казалась им возможной и близкой, и они высокомерно отказались от поддержки сепаратистских движений, за какую-то поддержку им пришлось бы в дальнейшем расплачиваться территорией «единой и неделимой». Можно понять и позицию руководства Финляндии – народ, только что переживший кошмар братоубийственной войны, хотел спокойствия и мира.

В стране была принята новая, республиканская конституция, и на первых президентских выборах 25 июля 1919 г. умеренный центрист Стольберг победил «белого генерала» Маннергейма с огромным перевесом голосов выборщиков (143 против 50). Свинхувуд и другие руководители «белых финнов» эпохи Гражданской войны были отстранены от руководства. Была объявлена амнистия для тех «красных финнов», кто смог пережить террор первых месяцев после подавления революции. Начала восстанавливать утраченные позиции и социал-демократическая партия Финляндии, получившая на выборах в парламент 80 мест из 200 [68]. В такой обстановке власти Финляндии просто не захотели обременять себя проблемами Карелии и России. А вот чем руководствовались в своих действиях лидеры Антанты, спасшие осенью 1919 г. Ленина, Троцкого и Ко от неизбежного поражения, так и осталось неразрешимой загадкой истории...

В конце зимы 1920 г., разгромив основные силы армий Колчака, Деникина и Юденича, Красная Армия смогла, наконец, обратить «карающий меч революции» на север. Гениальный замысел Ленина – дать противникам большевистской власти измотать и обескровить друг друга в междоусобных конфликтах на далеких окраинах империи – полностью оправдался. Части Красной Армии стремительно продвигались к Архангельску. 19 февраля 1920 г. генерал Мил-

лер бежал в Мурманск. 21 февраля большевистское восстание началось в самом Мурманске. В течение нескольких дней «северное правительство» и его армия просто исчезли. Уцелевшие при разгроме белогвардейцы сдавались в плен, пытались (по большей части безуспешно) прорваться в Финляндию или бежали в занятые финнами Реболы и Пора-ярви (Поросозеро).

С тем же результатом закончилась и гражданская война в южной, Приладожской Карелии, хотя ход событий там значительно отличался от того, как развивалась борьба в северной, Беломорской Карелии. Первым отличием был уже совершенно иной состав действующих лиц: в Олонце и Петрозаводске не было англичан и сербов, зато была советская власть и Красная гвардия, правда, не везде, не всегда и не сразу.

Известие о большевистском перевороте в Петрограде было встречено в столице Олонецкой губернии городе Петрозаводске с большой настороженностью. Петрозаводский Совет собрался 8 ноября 1917 г. на совместное совещание с Советом служащих Мурманской железной дороги, Комитетом воинских частей гарнизона Петрозаводска и другими революционными органами. Была принята резолюция, в которой Совету народных комиссаров (правительству Ленина) была обещана поддержка лишь при условии, что СНК гарантирует своевременный созыв Учредительного собрания.

Разгон Учредительного собрания вызвал бурную дискуссию в Петрозаводском Совете, которая поздним вечером 18 января 1918 г. закончилась насильственным изгнанием противников большевиков из зала заседания.

Первым постановлением нового президиума стал запрет всех демонстраций в Петрозаводске. Затем была создана подчиняющаяся только большевикам Красная гвардия и ревтрибунал. *«Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насильем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами. Эта простая истина, истина, ясная как божий день для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи...»* (В.И. Ленин). Эту простую истину большевики еще раз продемонстрировали в июне – июле 1918 г. Левые эсеры получили тогда большинство не только в сельских районах (там большевики и раньше не имели никакой поддержки), но и в исполкоме Олонецкого губернского Совета. Ничуть не смутившись этим волеизъявлением «несознательной мещанской сволочи», большевики разогнали Совет и передали всю полноту власти в руки созданного ими «военно-революционного комитета». Впрочем, власть ревкома фактически не распространялась за пределы двух городов: Петрозаводска и Олонца. Для того чтобы контролировать разбросанные по лесному бездорожью села и деревни, у большевиков тогда просто не хватало военной силы.

Хрупкое равновесие, сложившееся в Приладожской Карелии, было нарушено весной 1919 г. вмешательством извне. В начале апреля группа финнов-добровольцев обратилась к Маннергейму (который тогда исполнял обязанности регента, т. е. временного главы государства) с предложением организовать военную экспедицию с целью освобождения Олонецкой Карелии от власти большевиков. 4 апреля 1919 г. Маннергейм ответил, что одобряет идею похода на Олонец, так как *«Финляндия не может равнодушно смотреть на страдания родственных народов, оказавшихся под гнетом большевиков»*. Эту фразу охотно цитируют современные российские историки, почему-то забывая довести ее до завершения. А именно: Маннергейм заявил добровольцам, что они могут рассчитывать на поддержку официальных властей Финляндии лишь в том случае, **если правительство получит одобрение этого плана со стороны Антанты**. Согласие союзников так никогда и не было получено, и поход «Олонецкой освободительной армии» был подготовлен полулегальным порядком. В «армию» собралось порядка 1 тыс. добровольцев, в основном участников гражданской войны в Финляндии [27, 45]. Одним из четырех «батальонов» (по реальной численности – стрелковой ротой) командовал майор П. Талвела, в будущем – известный финский полководец.

В ночь с 20 на 21 апреля 1919 г. финские добровольцы перешли границу и тремя группами начали продвижение вдоль берега Ладожского озера и на Петрозаводск. Через три дня, 24 апреля «освободительная армия» заняла Олонец и Пряжу, т. е. прошла не менее 70–80 км на юго-восток от границы (речь идет о границе 1919 г., современная российско-финляндская граница проходит значительно западнее). Такой темп наступления лучше любых свидетельств очевидцев свидетельствует о том, что финские добровольцы в карельских деревнях, по меньшей мере, не встречали сопротивления. К моменту выхода на подступы к Петрозаводску «Олонецкая армия» выросла за счет местных ополченцев до 3000 человек. Теперь эта «армия» по своей численности уже соответствовала стрелковому полку. Петрозаводские большевики еще не успели как следует испугаться, как английский генерал Мейнард и русский белогвардеец Миллер потребовали от Хельсинки объяснений. Результатом организованного Антантой и ее ставленниками давления стали телеграммы финского правительства, отправленные в начале мая (т. е. всего через две недели после начала «Олонецкого похода») в Лондон и Париж (участникам Парижской мирной конференции). Правительство Финляндии заверяло, что «Олонецкий поход» предпринят исключительно с целью борьбы против большевиков и что без одобрения великих держав никто не дерзает менять границы Карелии [45].

Тем временем в Олонце было организовано «временное Олонецкое правительство». В состав «правительства» вошли только местные карельские активисты, хотя в сложившейся военно-политической ситуации влияние финнов было, конечно же, решающим. В освобожденных от власти большевиков (или оккупированных «Олонецкой армией» – читатель вправе выбрать любое определение) восьми волостях Приладожской Карелии прошли собрания жителей и выбраны уполномоченные делегаты на съезд, который состоялся 5–7 июня 1919 г. Было принято решение о присоединении к Финляндии по образцу Ребольского уезда (с сохранением экономической самостоятельности и освобождением жителей от призыва в финскую армию на 30 лет с момента объединения). Мощное наступление Красной Армии (в нем наряду с местными красногвардейскими отрядами участвовали регулярная стрелковая дивизия, части «красных финнов», бежавших из Финляндии весной 1918 г., и корабли Онежской флотилии, с которых в тылу противника был высажен десант) отбросило «Олонецкую освободительную армию» от Петрозаводска. В начале августа добровольцы вынуждены были отступить за финскую границу. «Олонецкий поход» закончился поражением, если не считать перехода под финляндское управление села Пораярви (Поросозеро) и одноименной волости, жители которой в июле проголосовали за присоединение к Финляндии (после чего финские войска заняли Пораярви в сентябре 1919 г.) [45].

В начале 1920 года антибольшевистские силы в Карелии были окончательно разгромлены, еще ранее Мурманск и Архангельск покинули вооруженные силы Антанты. Продвижение Красной Армии к бывшей административной границе Великого княжества Финляндского привело в последние дни февраля 1920 г. к первым столкновениям с частями регулярной финской армии. В районе Пораярви (Поросозеро) завязались бои местного значения, продолжавшиеся две недели и закончившиеся отходом финнов из двух небольших деревень (Янкяярви и Соутярви). Становилось очевидным, что для недопущения дальнейшей эскалации конфликта советская Россия и Финляндия должны, наконец, определиться с двумя основными вопросами: государственная граница и карельская автономия.

Первый обмен нотами между министром Холсти и наркомом Чичериным показал наличие существенных расхождений в принципиальных подходах сторон. Финны апеллировали к «ленинскому принципу» права наций на самоопределение, каковой принцип должен быть распространен и на карелов. Большевики честно отвечали, что главным «принципом» для них является борьба за диктатуру пролетариата в мировом масштабе и в буржуазную Финляндию они карельских трудящихся не отдадут. Не следует забывать и о том, что весной 1920 г. в крем-

левских кабинетах распространилась опасная болезнь, позднее названная товарищем Сталиным «головокружение от успехов». Троцкий и Тухачевский готовили Красную Армию к походу на Варшаву и Берлин, и в такой обстановке церемониться с какой-то Финляндией никто не собирался.

Тяжелое поражение Красной Армии под Варшавой и последующее беспорядочное отступление под ударами польской армии на восток от «линии Керзона» отрезвили излишне горячие головы. 28 июля в эстонском городе Тарту (Юрьев) возобновились переговоры финляндской и советской делегаций по вопросу заключения мирного договора. Отчетливо понимая, что в то время, когда по всей Европе на развалинах рухнувших империй (германской, австро-венгерской, российской и турецкой) возникали десятки новых независимых государств, уклониться от обсуждения вопроса о праве карельского народа на автономию на переговорах с финской делегацией не удастся, большевистское руководство сделало ловкий – по его мнению – ход.

8 июня 1920 года ВЦИК принял следующее Постановление: «В целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии... образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке ст. II Конституции РСФСР областное объединение – Карельскую Трудовую Коммуну. Поручить Карельскому Комитету приступить немедленно к подготовке созыва *съезда Советов Карельской Трудовой Коммуны, который определит организацию органов власти в Карельской Трудовой Коммуне*» [37].

Дело оставалось за малым – найти в Карелии подходящих для «трудовой коммуны» трудящихся. Эта задача была проста только на первый взгляд. Промышленность в дореволюционной Карелии была развита слабо, Александровский завод боеприпасов в Петрозаводске был едва ли не единственным крупным предприятием региона, так что фабричные рабочие были в абсолютном меньшинстве. Столь ценимое большевиками «беднейшее крестьянство» (т. е. спившиеся деревенские люмпены) в Карелии были ликвидированы как класс за сотни лет до рождения Ленина (если они там вообще когда-нибудь существовали). Причина этого феномена предельно проста: в суровых природных условиях Беломорья мог выжить только человек с трезвой головой и мозолистыми руками. Впрочем, в одиночку там нельзя было выжить и с мозолями, вот почему вплоть до начала 20-го века и карелы, и русские поморы жили трех-четырёхпоколенной семьей, по 30–40 человек в одном большом домохозяйстве.

Такая социальная структура (кстати говоря, в полном соответствии с учением Маркса и Ленина) категорически препятствовала имущественному расслоению и появлению нищих пролетариев. В довершение своей полной контрреволюционности, значительная часть русских и карел Беломорья были старообрядцами, а в таких семьях хмельное не пили даже по большим праздникам. Крепостного права в Олонецкой и Архангельской губерниях отродясь не было, что сказалось вполне определенным образом и на характере его жителей. «*Наиболее характерной особенностью финских племен, населяющих Карелию, можно считать трудолюбие, честность, но, с другой стороны, им присуще и другое качество: это упрямство и замкнутость. Почти все жители отличные охотники и меткие стрелки*» (это запись из отчета работника Главного штаба РККА К. Соколова-Страхова об изучении опыта гражданской войны). Ну, как же было делать «пролетарскую революцию» с таким народом? Не пьют, не воруют, работают, но при этом упрямятся и хорошо стреляют! Кулачье, чистой воды кулачье! А кулаки, как учил товарищ Ленин, суть «*самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры... Кулак бешено ненавидит советскую власть и готов перебить, перерезать сотни тысяч рабочих...*».

Можно ли было доверить таким диким зверям «*организацию органов власти в Карельской Трудовой Коммуне*»? Так никто им и не доверил. 4 августа 1920 г. за подписями Калинина и Ленина вышло совместное Постановление ВЦИК и СНК, в соответствии с которым «*Временным* (разумеется, «временным», на короткий период до полной победы мировой револю-

ции) *высшим органом власти на территории Карельской Трудовой Коммуны*» был объявлен *«Ревком Карельской Трудовой Коммуны»* [37]. Фактически же власть в этом странном полугосударственном новообразовании была передана в руки бывших «красных финнов» во главе с Э. Гюллингом, прибывших в Карелию в обозе наступающей Красной Армии.

Разумеется, представители Финляндии на переговорах в Тарту отказались признать предъявленную им «Карельскую Трудовую Коммуну» (КТК) за политическую структуру реальной автономии карельского народа. Но сделали это как-то очень невнятно. В результате в тексте мирного договора, подписанного 14 октября 1920 г., появилась статья 10, в которой упоминалась некая «Восточно-Карельская автономная область» (что это?), якобы образованная карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и «имеющая право национального самоопределения». Таким образом, эта несуществующая «автономная область» вроде бы признавалась УЖЕ созданной. С другой стороны, к договору было приложено специальное Заявление советской делегации «О самоуправлении Восточной Карелии», в котором за карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний признавалось право «*образовать в своих внутренних делах область, входящую в состав Российского государства на началах федерации*» [67]. Эту фразу можно было толковать так, что структура карельского самоуправления на момент заключения договора ЕЩЕ НЕ существует и ее предстоит создать в будущем. В любом случае, КТК и ее славный «Ревком» не упоминались в мирном договоре ни разу.

Трудно сказать с уверенностью, была ли такая размытость формулировок результатом обдуманной интриги или элементарной юридической безграмотности. Обращает на себя внимание в высшей степени странный состав советской делегации, подписавшей в Тарту мирный договор. Если договор с «социалистической рабочей Финляндией» или Постановление о создании КТК подписывали первые лица государства (Ленин, Троцкий, Калинин, Сталин), то в Тарту были отправлены второразрядные чиновники: руководитель РОСТА (российское телеграфное агентство) Керженцев, бывший генерал царской армии Самойло, бывший капитан 1-го ранга Беренс (военные эксперты) и сотрудник НКВД Тихменев. Единственной заметной фигурой был глава делегации Ян Берзин, будущий руководитель советской военной разведки.

Как бы то ни было, «мина замедленного действия», заложенная в виде двусмысленных формулировок мирного договора, сработала меньше чем через год после его подписания. В августе 1921 г. правительство Финляндии, апеллируя к обязательствам советской России по Тартускому договору, стало требовать создания Карельской автономии. Советское правительство, с выражением оскорбленной невинности, отвечало, что таковая уже давно создана в форме КТК. Когда же Финляндия предложила рассмотреть спорный вопрос о толковании условий мирного договора в Лиге Наций, Москва ответила в том же духе, в каком через 18 лет, в первые дни «зимней войны», будет изъясняться газета «Правда» а именно: «Не дадим империалистическим свиньям совать свое грязное рыло в наш советский огород».

Пока в дипломатических кабинетах шла словесная перебранка, карельские и русские крестьяне практически знакомились с той властью, которую им принесла на своих штыках «Рабоче-крестьянская Красная Армия». Результат был совершенно стандартный, в нем не было ничего специфически местного, карело-финского. Отнюдь не только в Карелии, но и в Поволжье, на Тамбовщине, на Урале, в Западной Сибири крестьяне поднимали массовые восстания против грабежа и произвола «комиссародержавия». Разница была лишь в том, что от Тамбова до Лондона и Парижа слишком далеко, и свалить вину за организацию «антоновщины» на империалистов Антанты сегодня не рискнет ни один вменяемый российский историк. Карелия же непосредственно граничила с Финляндией, участие финских добровольцев в антибольшевистской борьбе есть бесспорный факт, и этот факт позволяет недобросовестным авторам даже на рубеже XXI века писать такие перлы: *«Карельская авантюра»: белофинская интервенция 1921–1922 гг. с целью отторжения от РСФСР территорий Восточной Карелии от Белого моря до Балтики и создания Великой Финляндии»* [67].

Во всей этой фразе есть лишь одно слово правды: «авантюра». Без серьезной поддержки со стороны демократических стран Западной Европы – а этой поддержки не было – крестьянское восстание в Карелии (равно как и все прочие) было обреченной на поражение авантюрой. Или актом «мужества отчаяния» – читатель опять же вправе выбрать любое определение.

Восстание началось в октябре 1921 г. и вскоре охватило огромную территорию Северной Карелии от Поросозера до Кестеньги. Впрочем, ни о каком «сплошном фронте» в заснеженной таежной глуши говорить не приходится. Были отдельные очаги, отдельные деревни и села, занятые повстанцами, между которыми лежали десятки и сотни верст лесного бездорожья. Центром восстания был сначала поселок Тунгуда, затем – Ухта. Крестьяне («кулацкие бандиты» в терминах советских и некоторых российских историков) создали очередной «Временный Карельский комитет» и очередную (на этот раз – уже последнюю) «Карельскую освободительную армию» численностью порядка 3 тыс. человек. Участие Финляндии в этих событиях **свелось к моральной поддержке восставших и неявном согласии властей на сбор добровольцев.** В конечном итоге под командованием все того же П. Талвела собралось 500 человек, карелов и финнов, которые в ноябре 1921 г. двумя группами перешли почти не охраняемую советско-финскую границу в районе Поросозера и Реболы (по условиям Тартуского мирного договора эти два уезда были возвращены России, жителям, поддержавшим присоединение к Финляндии, была объявлена амнистия, но части регулярной Красной Армии в Поросозере и Реболы не вводились) и соединились с восставшими.

Командование Красной Армии отнеслось к восстанию вполне серьезно. На территории Карельской Трудовой Коммуны и Мурманской области было введено военное положение. Была сформирована Оперативная группа войск Карелии численностью в 8,5 тыс. штыков, по данным советских историков, или 13 тыс. – по оценкам финских историков [27]. Активное участие в подавлении восстания приняли воинские формирования «красных финнов»: лыжный батальон под командованием Т. Антикайнена и батальон Петроградской интернациональной военной школы под командованием А. Инно. Значительный перевес в численности и подавляющий перевес в вооружении (Оперативная группа войск Карелии получила 166 пулеметов и 22 орудия) позволили достаточно быстро подавить мятеж. В начале января 1922 г. части Красной Армии заняли Поросозеро и Реболы, 25 января вошли в Кестеньгу и в начале февраля 1922 г. заняли Ухту – главный центр восстания. Более 8 тыс. человек – уцелевшие участники восстания, их семьи и соседи – ушли на территорию Финляндии. Остался в живых и П.Талвела, впереди у которого был еще один поход в Карелию...

11 февраля 1922 г. председатель Реввоенсовета Л. Троцкий подписал приказ № 141: *«Советская Карелия очищена красными полками от белых банд, организованных финляндским офицерством на средства финляндской и иной буржуазии. В тяжчайших условиях севера, в пустынных холодных пространствах солдаты революции снова выполнили свой долг до конца. Преступление правящих классов Финляндии и ее покровителей дало трудовым массам России новые лишения и жертвы и внесло в историю Красной Армии новые подвиги героизма»* [37].

Отдадим должное товарищу Троцкому – он (в отличие от позднейших советских историков) не стал рассказывать про то, как 500 добровольцев Талвела вознамерились создать «Великую Финляндию от моря и до моря». Финляндское «офицерство» в Карельском восстании действительно участвовало: среди добровольцев было 27 бывших егерей (бойцов элитной части белой армии Маннергейма, прошедших военное обучение в Германии), и они, скорее всего, стали командирами подразделений в крестьянской «освободительной армии» [27]. Условия для ведения боевых действий были и вправду «тяжчайшими», противник был вооружен и упрям, многие красноармейцы, несомненно, совершили «подвиги героизма». Что делать – в огне гражданской войны у каждой стороны была своя правда...

В боях при подавлении Карельского восстания войска «Оперативной группы» потеряли убитыми 352 человека.

Сравнение этой печальной цифры с цифрами безвозвратных потерь Красной Армии в других операциях 1921–1922 гг. позволяет оценить **реальное место «карельской авантюры» в истории первых лет советской власти:**

- подавление мятежа в Кронштадте – 1912 человек;
- подавление Западно-Сибирского мятежа – 3744 человека;
- подавление мятежа Сапожникова на Урале и Нижней Волге – 4164 человека;
- подавление мятежа Антонова на Тамбовщине – 6096 человек;
- оккупация Армении и Грузии – 9388 человек;
- боевые действия в Белоруссии против белогвардейских отрядов Булак-Булаховича и других – 14602 человека [9].

Как видно, **никаких причин называть бои в Карелии «войной», да еще и «советско-финской войной», нет.** «Карельская авантюра» была всего лишь одним из – причем не самым заметным и значимым – эпизодов Гражданской войны в России. Ни одно подразделение регулярной армии Финляндии в боевых действиях не участвовало. Позиция официальных властей Хельсинки по отношению к добровольцам, на свой страх и риск записавшимся в отряд Талвела, была отнюдь не самой доброжелательной (пограничная охрана препятствовала как переходу добровольцев в Карелию, так и проникновению карельских беженцев в Финляндию; дело дошло до многочисленных вооруженных столкновений и убийства министра внутренних дел Финляндии одним из карельских повстанцев). Да и количество «красных финнов», принявших участие в подавлении восстания, было ничуть не меньшим, чем число «белых финнов» в отряде Талвела...

Казалось бы, после подписания мирного договора с Финляндией и фактической стабилизации военно-политической обстановки на севере России «Карельскую Трудовую Коммуну» можно было распустить: «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Но этого не произошло! КТК просуществовала два года, после чего, в соответствии с совместным Постановлением ВЦИК и СНКот 25 июля 1923 г., была преобразована в *«Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику, как федеративную часть РСФСР»*. Председателем Совета Народных Комиссаров АКССР стал все тот же Э. Гюллинг. Продолжилась и даже усилилась политика последовательной «финнизации» автономной республики. Финскому языку был придан статус государственного, на него переводили обучение в карельских школах, на финском языке издавались газеты и книги. И это, заметим, при том, что финны составляли ничтожно малую долю населения республики (встречаются цифры от 5 до 0,9 %). Как и ранее в КТК, все ключевые посты в руководстве АКССР занимали «красные финны». Первым секретарем Карельского обкома РКП(б) был назначен И. Ярвисало, а после его смерти в мае 1929 г. – Г.Ровио.

В октябре 1925 года был проведен первый призыв в «Отдельный Карельский егерский батальон». Первым его командиром стал «красный финн» (по национальности – швед) Э. Маттсон. В 1927 году его сменил Урхо Антикайнен (младший брат одного из главных руководителей Красной гвардии Финляндии Тойво Антикайнена). В 1931 году на базе Карельского батальона была развернута «Отдельная Карельская егерская бригада». Командиром бригады был назначен все тот же Э. Маттсон. Наименование «егерская» было для Красной Армии совершенно уникальным. Оно было предложено руководством АКССР по аналогии с составившими элиту финской армии егерскими частями. Командный состав «Карельской егерской бригады» целенаправленно подбирался из военнотружущих финской национальности.

Что это было? Точного ответа на этот вопрос не существует. Одну из гипотез можно построить, внимательно ознакомившись с тем, что писал в 1928 г. товарищ Э. Гюллинг в одной

из своих статей. Описывая ход переговоров с правительством Ленина в Москве (тех самых, которые завершились подписанием 1 марта 1918 г. «Договора об укреплении дружбы и братства»), он вспоминал, что: *«Согласно революционным принципам национальной политики были использованы новые решения, которые принимали во внимание тот факт, что к востоку от границы Финляндии живет население, родственное финнам, отделенное от Финляндии в царское время по различным надуманным причинам. Было бы естественным, если бы после завоевания пролетариатом власти как в Финляндии, так и в Карельской Республике, пограничная черта между двумя братскими народами исчезла»* (подчеркнуто мной. – М.С.)... Кровавой иронией судьбы выглядят попытки пришедших к власти в Финляндии националистов и капиталистов прикрыться названием финской народной партии... *Задумав революцию в своей стране, они оказали тем самым родственным Финляндии народам медвежьёу услугу, т. е. воспрепятствовали продвижению их вперед, так, как это было задумано изначально...*» [45].

Можно предположить (ни доказать, ни опровергнуть эту версию документально едва ли удастся), что в 20-е годы в Москве еще надеялись на то, что «завоевание пролетариатом власти в Финляндии» может произойти в самом ближайшем будущем, и в расчете на такое развитие ситуации держали наготове «запасную Финляндию», к которой можно будет присоединить реально существующую Финляндию после победы в ней революции по большевистскому образцу.

Это – гипотеза. Безусловным фактом является лишь полное истребление во второй половине 30-х годов всего руководящего состава «красных финнов», укравшихся в 1918 году в советской России.

Первые аресты начались весной 1930 года. Тогда ОГПУ арестовало группу командиров отдельного Карельского егерского батальона. Вторая волна арестов среди командного состава Карельской егерской бригады началась осенью 1932 года и закончилась расстрелом двух десятков арестованных командиров. В 1933 году ОГПУ «раскрыл» очередной «заговор финского генштаба», что повлекло за собой новые репрессии и окончательное расформирование Карельской егерской бригады в 1935 году. Но это были лишь первые удары поминального колокола.

В марте 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расформировании всех финских территориальных частей, а также отделений в военно-учебных заведениях, где готовились национальные кадры финских офицеров. Из 257 офицеров и курсантов только 30 человек не подверглись аресту. 90 % арестованных было расстреляно или погибло в лагерях (38, стр. 17). С августа 1935 г. в Советском Союзе развернулась полномасштабная кампания борьбы с «финским буржуазным национализмом». В октябре 1935 г. на 5-м Пленуме Карельского обкома ВКП(б) сообщалось, что начиная с 1933 г. доблестные чекисты *«изъяли 1350 всякого рода шпионов»*. Осенью того же 1935 г. Г.Ровио был снят с поста Первого секретаря обкома. Уже к концу 1935 года в Карелии из партии было исключено 835 человек, 219 из них – арестованы. (71, стр. 156–158). Всего в результате проведенной органами НКВД «спецоперации» только в Карелии было арестовано 4688 чел. финской национальности, что составило порядка 40 % всех проживавших в Карелии финнов (38, стр. 16–17).

15 октября 1935 г. Петрозаводский и другие карельские комитеты Компартии Финляндии были закрыты. Одновременно ликвидируются организации КПФ в Ленинграде, расформировывается финское отделение Университета национальных меньшинств в Ленинграде. В конце 1935 года был арестован организатор и лидер КПФ, бывший руководитель «красной Финляндии» К.Маннер. 28 мая 1936 г. арестован первый командир Карельской егерской бригады Маттсон (ему несказанно повезло – он дожил до реабилитации в 1957 году). В следующем, 1937 году были арестованы и затем расстреляны Э.Гюлинг и Г.Ровио. Первым секретарем Карельского обкома был назначен Г.Н. Куприянов, русский, многие годы проработавший в партийном аппарате Ленинграда (в Петрозаводск его перевели с должности секретаря райкома

партии). Про финский язык в Карелии боялись и вспоминать, публичное высказывание на тему о том, что карелы и финны находятся в некотором родстве, стало равносильным самоубийству. Практически полностью была свернута деятельность находящейся в СССР эмигрантской части КПФ. Из 200 человек партийного актива уцелело не более десяти [25]. Оставленные в живых писали в ЦК ВКП(б) письма, в которых горячо благодарили органы НКВД за проявленную революционную бдительность и горько раскаивались в собственной «беспечности»...

В соответствии с недоброй памяти приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. (с него, как принято считать, и начался Большой Террор 1937–1938 гг.) на Карельскую автономную республику была выделена относительно небольшая «разнарядка»: 300 человек следовало изъять по «1-й категории» (расстрел) и 700 по «2-й категории» (арест и лагерь). Фактически уже к 15 апреля 1938 г. было арестовано 8744 человека [71]. Были «ликвидированы» практически все руководители партийных и советских органов, в том числе и главные организаторы «первой волны» репрессий (1-й секретарь обкома П. Ирклис, 2-й секретарь обкома, член «тройки» Никольский, нарком юстиции КАССР Полин, нарком НКВД КАССР Тенисон). Об общем масштабе репрессий в Карелии можно судить по тому, что в 1954–1961 гг. было реабилитировано более 10 тыс. человек [71]. По оценкам современных финских историков, в годы террора погибло не менее 20 тыс. финнов, проживавших в СССР [25].

Газеты публиковали торжественные рапорты об успехах НКВД. Если на минуту забыть о том, что за всем этим горячечным бредом скрывается гибель тысяч людей, то нижеследующий текст читается как образец черного юмора: *«НКВД Карельской АССР вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация. Эта организация возникла в 1920 году с приездом в Карелию группы буржуазных националистов (Гюллинга, Мяки, Форстена), которые возглавили работу Карельского ревкома. Путем дальнейшего расширения контрреволюционной деятельности и включения в нее бывших членов финской социал-демократической партии (Ровио, Матсон, Вильми, Усениус, Саксман, Ярвимаки и другие) контрреволюционной организацией были захвачены командные высоты в партийном и советском аппарате Карелии... Овладев в самом начале командными высотами в республике, националистическая организация проводила подготовку вооруженного восстания путем создания стрелковой егерской бригады, укомплектованной национальным комсоставом и политработниками, которые проводили контрреволюционную обработку личного состава...»* [37].

Так трагически закончилась первая глава истории «социалистической рабочей Финляндии». Но товарищи Сталин и Молотов начинали уже писать новую главу.

Глава 1.2 «Крупные пограничные инциденты в деревне Майнила...»

В начале 30-х годов со всей очевидностью сбылось гениальное предвидение К. Маркса («предложите капиталисту 300 % прибыли – и нет такого преступления, на которое он не пойдет даже под страхом виселицы»). В обстановке глубокого экономического кризиса (Великая депрессия) крупная буржуазия промышленно развитых стран мира (США, Англии, Франции, Германии) наперегонки бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки, лаборатории, целые заводы в полной комплектации. Безрассудная, безнравственная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и гулаговских рабов) в горы оружия и военной техники.

Уже в 1937 году на вооружении советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов – примерно столько же было два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых [92].

К 1 октября 1939 г. самолетный парк советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны [34]. По числу танков (14 544, не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная Армия летом 1939 г. ровно в два раза превосходила армии Германии (3419), Франции (3286) и Англии (547), вместе взятые (34, стр. 83, 601). На момент начала Второй мировой войны Советский Союз был вооружен и очень опасен. И он начал действовать в первые же недели войны.

17 сентября 1939 г. Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 г. между СССР и Польшей, и огромными силами (21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 моторизованные бригады, всего 618 тыс. человек и 4733 танка) [34] нанес удар в спину польской армии, сражавшейся в это время против германского вермахта. Для лучшего понимания слов и дел Сталина стоит отметить, что **предлог для оправдания этого вероломного нападения менялся три раза на протяжении одной недели.**

10 сентября 1939 г. Молотов в беседе с послом фашистской Германии в СССР графом Шуленбургом сказал, что *«советское правительство намеревалось заявить о том, что Польша разваливается на куски, и вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия»* (подчеркнуто мной. – М.С.) (10, стр. 87). Это предложение вызвало взрыв негодования в Берлине. 15 сентября министр иностранных дел Риббентроп шлет Шуленбургу срочную телеграмму: *«Указание мотива такого рода есть действие невозможное! Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве (имеется в виду Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретный дополнительный протокол о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе. – М.С.) и, наконец, представит всему миру оба государства (Германию и СССР. – М.С.) как врагов»* [10].

Молотов тотчас же дал «задний ход». 16 сентября 1939 г. Шуленбург сообщает в Берлин: *«Молотов согласился с тем, что планируемый советским правительством предлог содержал в себе ноту, обидную для чувств немцев, но просил, принимая во внимание сложную для советского правительства ситуацию, не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути»* (10, стр. 94). После этого был молниеносно изготовлен предлог № 2. Оказывается, *«рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами – помещиками и капиталистами».*

Далее, в процитированном выше приказе № 01 Военного совета Белорусского фронта от 15 сентября 1939 г. перед войсками фронта ставилась боевая задача: *«содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши»* (подчеркнуто мной. – М.С.) *в свержении ига помещиков и капиталистов»* [34]. Итак, новый предлог № 2 был на самом деле самым старым, он возвращал бойцов и командиров в славную эпоху Гражданской войны и мечтаний о мировой революции. Эта красивая схема прожила ровно один день. К концу дня «те, кому положено» поняли, что борьба польских рабочих и крестьян, да еще и поддержанных несокрушимой Красной Армией, должна была бы закончиться победой. Но эта победа не планировалась. Планировалось нечто совсем иное – с конца сентября 1939 г. и вплоть до 22 июня 1941 г. Польша (даже в совершенно секретных, для публики не предназначенных документах) называлась исключительно и только «бывшей Польшей» или даже совсем уже на гитлеровский манер «генерал-губернаторством».

Затем появился предлог № 3, каковой мы и встречаем в приказе Военного совета Белорусского фронта за номером 005 от 16 сентября 1939 года: *«Польские (подчеркнуто мной. – М.С.) помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины... бросили наших белорусских и украинских братьев (польских «братьев», как видим, уже нет. – М.С.) в мясорубку второй империалистической войны...»* [34]. Еще более четким был текст обращения В.М. Молотова к «гражданам и гражданкам нашей великой страны», переданный по радио 17 сентября и опубликованный в газетах 18 сентября 1939 г. В обращении Молотова уже не было ни «трудящихся», ни «панско-буржуазных поработителей». Была только «кровь» – чужая польская и родная украинско-белорусская: *«События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства... От советского правительства нельзя требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше, и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям украинцам и братьям белорусам, населяющим Польшу...»*

Эта замечательная аргументация пережила своих авторов и пользуется спросом по сей день. На нее не повлияли ни тот факт, что в 1945 году значительную часть так называемой «Западной Белоруссии» (бывшее Белостокское воеводство) пришлось вернуть назад в Польшу, ни то, что «братья украинцы» уже 15 лет назад вышли из состава советской империи и благодарить Россию за «руку помощи» явно не собираются...

Покончив за две недели с Польшей, Сталин, не теряя ни дня на передышку и отдых, продолжил реализацию своих «прав», зафиксированных в секретном дополнительном Протоколе. 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан «Договор о взаимопомощи» (примечательно, что слово «дружба» не было использовано!) между СССР и Эстонией. 5 октября 1939 г. аналогичный по названию и содержанию договор был подписан с Латвией, а 10 октября 1939 г. – с Литвой. Во всех трех случаях «взаимопомощь» предполагала размещение на территории прибалтийских государств советских воинских контингентов, примерно равных по численности армиям этих государств. Так, в Эстонию были введены части 65-го стрелкового корпуса (65-й СК) общей численностью 21 тыс. человек, в Латвию – части 2-го СК общей численностью 22 тыс. человек, в Литву – 16-го СК общей численностью 19 тыс. человек. При этом численность армии мирного времени трех этих государств составляла соответственно 20, 25 и 28 тыс. человек [34].

Следует особо отметить тот факт, что дислоцированные в Эстонии, Латвии и Литве части Красной Армии представляли собой лишь малую часть той группировки, которая была развернута на границах этих государств в конце сентября– начале октября 1939 г. Тогда, для того чтобы «подкрепить» дипломатическое предложение о «взаимопомощи» в полосе от южного берега Финского залива до левого берега Западной Двины (Даугавы), были сосредоточены три

армии (8-я, 7-я, 3-я) и отдельный стрелковый корпус в составе 20 стрелковых и 4 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад общей численностью 437 тыс. человек (34, стр. 180). При чем, как стало сейчас известно, задача этих войск отнюдь не сводилась к одной только «демонстрации флага».

Документы, рассекреченные в 90-е годы, однозначно свидетельствуют о том, что командование Красной Армии была подготовлена операция по разгрому вооруженных сил прибалтийских государств и насильственной оккупации их территории. Директива наркома обороны СССР № 043/оп от 26 сентября 1939 г. требовала *«немедленно приступить к сосредоточению сил на эстона-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября»*. Войскам была поставлена задача *«нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам... разбить войска противника и наступать на Юрьев и в дальнейшем – на Таллин и Пярну... быстрым и решительным ударом по обеим берегам реки Двина наступать в общем направлении на Ригу...»*. 28 сентября 1939 г. командование Краснознаменного Балтфлота получило приказ привести флот в полную боевую готовность к утру 29 сентября. Перед флотом была поставлена задача *«захватить флот Эстонии, не допустив его ухода в нейтральные воды, поддержать артиллерией сухопутные войска на побережье Финского залива, быть готовым к высадке десанта...»* [34]. Добровольное согласие правительств Эстонии и Латвии на заключение договора с СССР сделало запланированную военную акцию излишней, и документы о ее подготовке на многие десятилетия скрылись в недрах военных архивов.

Финляндия была самой «многолюдной» среди четырех балтийских стран, отданных в советскую «сферу влияния» (численность ее населения составляла в 1939 году 3,65 млн. человек, в то время как в Литве – 2,9 млн., Латвии – 2 млн. и в Эстонии 1,1 млн.). Что же касается территории Финляндии, то она почти в два раза превышала по площади территорию трех прибалтийских стран, вместе взятых. Да и расположена Финляндия была «очень неудобно» для потенциального агрессора: большая часть огромной, 1300-километровой советско-финской границы проходила по безлюдной, бездорожной лесисто-болотистой местности, переходящей на севере в заполярную лесотундру. Не было секретом для советского командования и наличие на Карельском перешейке полосы долговременных укреплений, прикрывающих кратчайший путь из Петербурга в Гельсингфорс через Виипури (Выборг). Последнее по счету, но первое по значимости – в Москве знали, что руководство Финляндии занимает твердую позицию в деле отстаивания суверенитета своей страны, к сомнительным предложениям Советского Союза относится с большим недоверием, и поэтому простым запугиванием решить вопрос едва ли удастся.

Отчетливо понимая, что Финляндия окажется «крепким орешком», военно-политическое руководство Советского Союза начало планирование военной операции задолго до того, как 5 октября 1939 г. глава правительства СССР и народный комиссар иностранных дел Молотов позвонил финскому послу в Москве и сообщил ему, что Советский Союз желает обсудить с правительством Финляндии «некоторые политические вопросы». Уточнить, какие именно «политические вопросы» будут обсуждаться, Молотов отказался, но потребовал приезда финской делегации в Москву в кратчайшие сроки. В. Таннер (участник этих переговоров, а с начала «зимней войны» – министр иностранных дел Финляндии) в своих мемуарах пишет: *«7 октября Молотов стал настаивать на ответе. На следующий день Деревянский, советский посол в Хельсинки, позвонил Эркко (тогдашнему министру иностранных дел. – М.С.), чтобы сказать, что Москва буквально «кипит от негодования», поскольку ответ до сих пор не получен; что отношение Финляндии к приглашению разительно отличается от реакции на него стран Балтии – это может отрицательно повлиять на двухсторонние отношения. Эркко ответил, что он не знает, как вели себя страны Балтии, но финское правительство ведет себя в соответствии с ситуацией...»* [23].

На беду или к счастью – финляндское правительство не знало тогда всей «ситуации». Мы тоже не знаем всего, но некоторые фрагменты картины подготовки Советского Союза к войне с Финляндией в настоящий момент уже известны. Так, уже 30 декабря 1938 г. заместитель начальника Генштаба РККА комдив Смородинов направил Военному совету Ленинградского округа директиву на проведение «окружной оперативной игры, с привлечением к ней Военного совета и руководящего состава штаба Уральского округа». Условия обстановки этой «игры» формулировались следующим образом: *«Восточная сторона. 1-я и 2-я армии Северного фронта с целью наиболее прочно обеспечить Ленинград, во взаимодействии с КБФ и Ладозжской флотилией, развивают наступательную операцию с основным направлением на Вишпури (Выборг), Сан-Михель (Миккели)»*. Разработанный материал по игре приказано было представить в Генштаб к 1 апреля 1939 г. [233].

Готовились к «наиболее прочному обеспечению Ленинграда» и в штабах Краснознаменного Балтийского флота. Уже 17 марта 1939 г. в штабе КБФ (по указанию Главного морского штаба) было разработано задание на проведение *«двухсторонней оперативной игры»*. Игра должна была состояться 26–28 марта 1939 на Главной базе КБФ в Кронштадте. Примечательно, что в задании на «игру» были указаны вполне конкретные даты начала наступления:

«...2. Приморские группы Красной армии на Карперешейке и на южном побережье Финского залива на рассвете 27.07.39 переходят в наступление на Вишпури (Выборг) и Раквере (город на территории Эстонии).

3. Флоту Красных одновременной высадкой десанта захватить острова восточной части Финского залива...»

Однако самое интересное в задании на эту игру заключается в описании обстановки, предшествующей началу боевых действий: *«На Карперешейке 22–23.07. 39 в районе деревни Майнила имели место ряд крупных пограничных инцидентов с Синими... В 10.00 24.07 в районе маяка Кальбодарунд неизвестная ПЛ (подводная лодка) утопила ТР (транспорт) красных...»* [234].

Ясновидение составителей задания не может не потрясти воображение. За восемь месяцев до «наглой провокации белофинской военщины» (каковая провокация состоялась, как известно, 26 ноября 1939 г.) была уже известна **и географическая точка (деревня Майнила), и, по сути дела, точная дата (за четыре дня до начала «освободительного похода»)**. «Неизвестная подводная лодка» также не осталась без дела. 27 сентября 1939 г., в момент начала переговоров с эстонской делегацией в Москве, советское радио (а затем и центральные газеты) сообщили о потоплении у берегов Эстонии советского грузового судна «Металлист». Но Эстония (как было уже сказано выше) уступила сталинскому диктату без боя, война на южном берегу Финского залива так и не началась, и про «Металлист» приказано было забыть...

Об этих удивительных «играх» стало известно только в начале XXI века. Но еще в самые что ни на есть «застойные годы» прошли все виды цензуры и были опубликованы воспоминания маршала К.А. Мерецкова, в которых тот рассказывает, как в конце июня 1939 г. его (в то время – командующего войсками Ленинградского военного округа) вызвали в Москву, к Сталину:

«У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля (что верно, то верно, «деятель» известный. – М.С.) ВКП(б) и мирового коммунистического движения О.Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства...» В этой связи Мерецкову было приказано разработать план *«контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны... Форсировать подготовку войск в условиях, приближенных к боевым. Все приготовления держать в тайне...»* [93].

Примечательно, что пресловутые «опасения» возникли в Москве именно тогда, когда Советский Союз создал и вооружил огромную, самую большую в Европе, армию. Ранее, на рубеже 20—30-х гг., когда в СССР еще только начинала реализовываться грандиозная программа модернизации и милитаризации экономики, на границе с Финляндией было сосредоточено всего четыре стрелковые дивизии [35]. И это было вполне понятно и обоснованно: Финляндия была отделена ото всех потенциальных противников Советского Союза морскими пространствами, а переброска значительных воинских контингентов морским путем требовала времени, ресурсов, исключала возможность нанесения внезапного удара, да и была весьма небезопасна для потенциального агрессора, учитывая, что подходы к портам Финляндии (Финский и Ботнический заливы) находились в зоне досягаемости Краснознаменного Балтфлота и советской авиации. После того, как Германия согласилась на переход Прибалтики в советскую «сферу влияния», а у англо-французского блока в связи с началом большой европейской войны появилось слишком много других забот, оснований для «опасений» должно было стать еще меньше. Тем не менее, именно осенью 1939 г. подготовка вторжения в Финляндию перешла в плоскость практических дел.

16 сентября 1939 г. в соответствии с приказом НКО № 0052 на базе управления 33-го стрелкового корпуса была сформирована Мурманская армейская группа (в дальнейшем – 14-я армия), получившая задачу развернуть свои силы на границе с Финляндией к 1 октября 1939 г. 14 сентября 1939 г. в соответствии с директивой НКО № 16664 создаются две армии: 8-я на базе Новгородской армейской группы (создана 13 августа на основании приказа НКО № 0129) и 7-я на базе войск Калининского военного округа. В последних числах сентября 1939 г. эти две армии развертываются на границах Эстонии и Латвии, но уже к 26 октября 1939 г. штаб 8-й Армии перемещается в Петрозаводск [59].

В соответствии с приказом НКО № 0145 от 24 октября три стрелковые дивизии 7-й армии (49-я, 75-я и 123-я сд) выдвигались к границе с Финляндией на Карельском перешейке. Значительно раньше началась передислокация соединений Красной Армии в Приладожской и Северной Карелии, где из-за крайне слабого развития дорожной сети для этого требовалось значительно больше времени, нежели в Ленинградской области. Так, уже 17 сентября начала марш из Петрозаводска к границе с Финляндией 18-я стрелковая дивизия, на следующий день в район Реболы начала выдвижение 54-я горно-стрелковая дивизия [14]. В конце октября пришли в движение еще три дивизии (139-я сд, 155-я сд и 163-я сд) [95]. Позднее, в период с 6 по 23 ноября, 75-я сд была перевезена кораблями Ладожской военной флотилии из Шлиссельбурга на восточный берег Ладожского озера, где она была включена в состав войск 8-й армии.

Одновременно с начавшейся переброской войск к финской границе шла отработка плана того, что Мерецков в своих мемуарах деликатно назвал *«планом контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны»*. Одним из документально известных ныне вариантов плана был подписанный самим Мерецковым Доклад командующего войсками ЛВО № 4587 от 29 октября 1939 г. [97]. Доклад был адресован наркому обороны Ворошилову и начинался такими словами: *«Представляю план операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии...»* Пункт 5 этого основополагающего документа гласил: *«План операции намечается следующий. По получении приказа о наступлении наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии на всех направлениях, с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии»*.

Главные силы наших войск ударом с видлицкого (Видлица – поселок на восточном берегу Ладожского озера в 30 км к северу от г. Олонец) направления и с Карельского перешейка громят главную группировку финской армии в районе Сортавала, Вишпури, Какисалми (Кексгольм).

На севере (мурманское направление), с разрешением перехода границы, наши войска овладевают Петсамо (Печенга), предварительно нанося удар авиацией по находящимся там вой-

скам противника. На кемском (Кемь – город в Беломорской Карелии) направлении задача наших войск – действовать в направлении Оулу (Улеаборг), разбить финские противостоящие части и не допустить возможности подхода войск противника с севера, имея конечной целью овладение Оулу» (крупный город на побережье Ботнического залива, выход к Оулу означал, что территория Финляндии будет полностью «перерезана» в ее наиболее узком участке. – М.С.)

Стоит отметить, что выход на линию Выборг – Иматра – Сортавала понимался разраб-отчиками «плана контрудара» лишь как первая оперативная задача войск. В пункте 6–6 читаем: *«По выполнении этой задачи быть готовым к дальнейшим действиям вглубь страны по обстановке»*. Для решительного и быстрого выполнения поставленной задачи – разгрома финской армии – планировалось создать подавляющее превосходство в силах и средствах: 2,5 к 1 – по числу пехотных батальонов; 5,5 к 1 – в артиллерии (в т. ч. 12 к 1 – по числу орудий крупного калибра); 12 к 1 – в авиации и 74 к 1 – в танках. Как известно, эти расчеты были объявлены позднее «излишне оптимистичными» или даже «авантюристическими», а факти-ческая численность советских войск к концу «зимней войны» в три раза превысила изначально запланированную Мерецковым.

Во второй половине ноября 1939 г. подготовка к вторжению в Финляндию была прак-тически завершена. Не считая соединения 14-й (Мурманской) армии, только на Карельском перешейке, в Приладожской и Северной Карелии было сосредоточено 17 стрелковых дивизий, 6 танковых и моторизованных бригад. 17 ноября (т. е. за 10 дней до пресловутого «обстрела в Майниле») нарком обороны отдал приказ № 0205/оп, в котором была поставлена задача *«закончить сосредоточение и быть готовым к решительному наступлению с целью в крат-чайший срок разгромить противника»*.

На основании этой директивы Военный совет ЛВО своим приказом № 4715 от 21 ноября поставил конкретные боевые задачи армиям и флотам, при этом было указано, что срок начала операции будет указан дополнительно [34].

Далее командующие армиями и корпусами отдали боевые приказы своим подчиненным. Например, командир 19-го СК (7-я армия, Карельский перешеек) 23 ноября 1939 г.

(т. е. ровно за неделю до начала боевых действий) издал Боевой приказ № 2, в котором было сказано:

«п. 3. 19-й стрелковый корпус ударом в направлении кирки Кивенаппа (ныне – поселок Первомайское на Выборгском шоссе, примерно в 30 км от границы 1939 г.) уничтожает про-тивостоящие части финнов, не допуская их отхода на основной укрепленный район...

п. 7. День перехода в наступление будет указан особо» [95].

Даже в заполярном Мурманске готовились «отбросить финские войска от Ленинграда». Причем очень далеко. 28 ноября Военный совет 14-й Армии приказал: *«При выходе к швед-ской и норвежской границе границу ни в коем случае не нарушать... военнослужащих шведской и норвежской армий при встрече на границе приветствовать отдаванием чести, не вступая в переговоры...»* [99]. Аналогичные по содержанию приказы (с требованием «границу со Шве-цией не пересекать») были найдены и в штабных документах двух дивизий 9-й армии, разгром-ленных в начале января 1940 г. в сражении при Суомуссалми (центральная Финляндия) [22].

Поздней осенью 1939 г. планирование операций Балтфлота и Ладожской флотилии также перешло от стадии «двусторонних штабных игр» к разработке боевых приказов. 23 ноября 1939 г. Военный совет КБФ издал директиву № 5/оп: *«Прервать морские коммуникации Фин-ляндии, не допуская подвоза извне войск и боевого снаряжения, уничтожить броненосцы бере-говой обороны и подводные лодки противника в море и заливе, не допуская их уход в террито-риальные воды Швеции»* [100].

В составленном уже после окончания «зимней войны» докладе командующего Ладож-ской флотилией капитана 2-го ранга Смирнова отмечено, что *«первой задачей, которая по приказанию Военного совета КБФ была разработана штабом флотилии в октябре 1939 г.*

(подчеркнуто мной. – М.С.), *была высадка десанта в составе усиленного полка в заливе Сор-танлак»* [37]. 23 ноября Военный совет КБФ в своей директиве № 7/оп поставил перед командованием Ладужской флотилии более масштабные задачи:

- «– уничтожить финские корабли в Ладужском озере;
- не допустить высадки диверсионных десантов на Ладужском озере...
- поддержать огнем артиллерии фланги 7-й и 8-й армий;
- быть готовой к высадке диверсионных групп на фронте Сортавала – Кякисалми (Кекс-гольм);

...Начало боевых действий по сигналу «Факел» (оружие применять, война началась)» [37].

Наряду с главной, военной составляющей, «план контрудара» включал в себя и политико-пропагандистскую часть.

Надо было организовать ту самую *«военную провокацию со стороны вооруженных сил Финляндии»*, в ответ на которую будет нанесен контрудар с *«выходом к шведской и норвежской границе»*. И, что гораздо более значимо, нужно было заранее создать те псевдосамостоятельные государственные структуры, которым будет формально передана власть в Хельсинки после того, как советские войска *«уничтожат противостоящие части финнов, не допуская их отхода»*. Если с методикой и техникой организации вооруженной провокации особых сложностей не наблюдалось (ОГПУ-НКВД накопило к тому времени огромный опыт), то с «народным правительством» и «революционной армией» были большие проблемы. Кадры, как учил товарищ Сталин, решают все, но кадров-то как раз и не было. Кадры, как нам уже известно, были поголовно ликвидированы в ходе многолетней борьбы с «финским буржуазным национализмом». В Карелии и Ленинграде уцелевших почти не осталось, поэтому руководителей для будущей советской Финляндии пришлось искать в более безопасных местах. Одним из таких безопасных (по сравнению с Советским Союзом образца 1937 г.) мест была охваченная огнем гражданской войны Испания. Там, в качестве военного советника интербригад воевал «красный финн», выпускник Военной академии им. Фрунзе, товарищ А. Анттила. Его и назначили командиром 106-й стрелковой дивизии Ленинградского ВО.

Дивизия эта, несмотря на стандартное обозначение, была совсем необычной – личный состав набирался исключительно из лиц, владеющих финским или карельским языком. Приказ о ее формировании был подписан наркомом Ворошиловым 11 ноября 1939 г., (т. е. **за 20 дней до того, как изумленному миру было предъявлено «народное правительство демократической Финляндии»**). Впрочем, российский историк П. Аптекарь, многие годы работавший с документами РГВА, утверждает, что приказ от 11 ноября лишь формально завершил процесс формирования «карело-финской дивизии», начавшийся еще в середине октября [95]. Как бы то ни было, дивизия была сформирована, командир назначен, и уже 23 ноября 1939 г. на базе 106-й дивизии начал формироваться «1-й горно-стрелковый корпус народной армии Финляндии». Предполагалось развернуть корпус в составе четырех дивизий, но людей, увы, не хватало. За январь – февраль 1940 г. было подано всего 1441 заявление о добровольном вступлении в «народную армию» [41]. Этого могло хватить для комплектования двух стрелковых батальонов, но никак не четырех дивизий.

Разумеется, некомплект личного состава дивизий «народной армии» не имел ни малейшего военного значения.

Все, что от них требовалось, – это пройти парадным маршем перед президентским дворцом в Хельсинки. Для парада и полутора тысяч человек было вполне достаточно. А вот отказ товарища Туоминена возглавить «народное правительство» чуть было не поставил всю пропагандистскую часть операции под угрозу срыва. Эрво Туоминен относился к поколению молодых финских коммунистов (в 1918 г. ему было всего 24 года). В 20—30-е гг. он работал (т. е. призывал финских рабочих не работать, а свергать правительство) в Финляндии, где стал

одним из известных лидеров (в дальнейшем – секретарем ЦК) ФКП и в этом качестве был приглашен на работу в Коминтерн в Москву. В Москве Туоминену сказочно повезло – его не расстреляли. Более того, в начале 1938 г. он обратился с просьбой к О. Куусинену отправить его для продолжения революционной борьбы в Стокгольм, и эта просьба была удовлетворена. В результате осенью 1939 г.

Э.Туоминен мог считаться идеальным кандидатом на роль руководителя «демократической Финляндии»: он был живой, он почти всю свою жизнь провел вне пределов СССР, и его знали в Финляндии (с хорошей или плохой стороны, но знали).

13 ноября 1939 г. Туоминен получил письмо за подписями Куусинена и Димитрова с требованием немедленно вернуться в Москву. В следующем письме было указано, что ему предстоит выполнить важную и ответственную миссию в деле налаживания новых взаимоотношений между Финляндией и СССР. Э.Туоминен все понял и 17 ноября написал письмо, в котором отказался от такой «честь». 21 ноября из Москвы в Стокгольм прибыл курьер, который привез еще более строгий приказ Туоминену прибыть в СССР на следующий день московским самолетом. Туоминен и на этот раз отказался [23]. В дальнейшем он открыто порвал со Сталиным и большевизмом. Примечательно, что в открытом письме, адресованном руководителю Коминтерна Г. Димитрову, Туоминен объяснял свое решение так: *«Вы и некоторые другие из секретарей Коминтерна по крайней мере уже 13 ноября знали, что на Финляндию будут наступать и решено о создании «народного правительства» [104].*

В скобках заметим, что далеко не все финские коммунисты, обосновавшиеся в уютном и спокойном Стокгольме, пошли по пути, который указал товарищ Туоминен. Отнюдь. В архиве Коминтерна лежат пожелтевшие листки бумаги: *«Совершенно секретно. О работе КПФ в последние месяцы»*. Документ составлен 12 июля 1940 г., подписал товарищ И. Странд. Читаем: *«Работа партийного аппарата в Швеции сконцентрировалась в начале войны вокруг создания саперных групп, которые при приближении Красной Армии перешли бы границу и затруднили отступление врага» [105].*

Враг, которого собирались взрывать при попытке отступления финские коммунисты, – это финская армия...

Неповиновение (можно сказать, попытка к бегству), проявленное бывшим товарищем Туоминеном, вызвало взрыв негодования в Кремле. А гнев, как известно, – плохой советчик в делах. Только излишними эмоциями можно объяснить невероятное решение назначить «главой правительства освобожденной Финляндии» О.Куусинена – известного во всем мире секретаря Исполкома Коминтерна, безвылазно живущего с 1918 г. в Москве, а ко всему этому еще и члена ЦК ВКП(б). Назначение Куусинена превращало весь спектакль с «восставшими» в дачном поселке Териоки «рабочими» и провозглашением «демократической Финляндии» в глупый и грубый фарс. Маннергейм описывает в своих воспоминаниях первые дни войны так: *«по радио передали обращение (было целых два «обращения»: от имени ЦК КПФ и от имени «народного правительства» Куусинена. – М.С.), адресованное финскому народу, которое обнажило не только лицо противника, но и его цели... листовки, которые вместе с бомбами разбрасывались над столицей и обещали «испытывающему голод народу Финляндии хлеб», не могли вызвать ничего иного, кроме смеха. По сути, эта пропаганда только укрепляла наш внутренний фронт» [22].*

Но что интересно – по другую сторону границы нашлись люди, которые всерьез поверили в то, что товарищ Сталин готов отдать «правительству Куусинена» какие-то территории. В результате в советской Карелии, в районах, которые одним росчерком пера перешли в несуществующую «демократическую Финляндию», началась легкая паника. Не только русские, но и коренные карелы, давно и прочно подкованные на лекциях в «красном уголке», не захотели оказаться «в мире нищеты, бесправия и зверской капиталистической эксплуатации». Дело дошло до того, что в середине декабря 1939 г. в Петрозаводске собрали республиканский

партхозактив, на котором первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) товарищ Куприянов (вероятно, и сам ничего не понимающий в этой шутовской клоунаде) разъяснял собравшимся текущий момент следующим образом: *«Стремление удрать из районов, отходящих к Финляндии, не может расцениваться иначе, как позорное дезертирство. Это пренебрежение интересами партии и Родины»* [41].

Да, много всякого бывало в истории КПСС и СССР, бывали времена, когда к самовольному выезду из Страны Советов в официальных документах применялся термин «побег» – как будто речь шла о тюрьме или концлагере, а не о родине трудящихся всего мира. Но вот чтобы **желание остаться в СССР приравнялось к дезертирству** – это уже что-то запредельное...

Строго говоря, на этом краткий обзор событий, предшествовавших началу «зимней войны», можно было бы завершить. Но – некоторые наши читатели будут удивлены (если не сказать – возмущены) тем, что автор обошел молчанием такую важную тему, как советско-финляндские переговоры, состоявшиеся в Москве в октябре – ноябре 1939 г. Рассмотрим и этот вопрос. Все советские (да и многие современные российские) историки хором уверяют нас в том, что Сталин не хотел войны с Финляндией и только упрямое и высокомерное нежелание финского руководства удовлетворить очень скромные требования Советского Союза (четыре крохотных островка в Финском заливе, небольшая «передвижка» границы на Карельском перешейке) вынудило Сталина начать войну. На наш взгляд, это комплексное утверждение необходимо разделить на две части. Тогда станет предельно просто оценить каждую из них по отдельности.

Сталин действительно не хотел войны с Финляндией. Сталин хотел включить Финляндию в состав своей строящейся империи. Все, что мы сегодня знаем о Сталине, о его политике, о его тактике, о его характере, приводит нас к предположению о том, что Сталин не хотел войны, не любил войну (да и с красноармейцами в окопах ни разу не беседовал) и все, что можно было забрать без войны – обманом, хитростью или угрозами, – забирал мирным путем. В этом смысле наш главный герой не был похож ни на Петра I, ни на Наполеона. С вероятностью, близкой к 100 %, можно предположить, что Сталин согласился бы осуществить аннексию Финляндии в тех же мирных формах, в каких были аннексированы и включены в состав СССР Эстония, Латвия и Литва.

Что же касается упрямого нежелания правительства Финляндии удовлетворять кого бы то ни было, то считать это законным поводом к войне можно только в рамках диких понятий «закона джунглей». Финляндия не обязана была отдавать ни одного квадратного сантиметра своей территории. Более того, она даже не обязана была участвовать в таких «переговорах», предметом которых является принудительный «обмен территориями» или какая-то странная «аренда», согласиться на которую принуждают угрозой войны и т. п. Все это также бесспорно, как и то, что **нежелание жертвы изнасилования добровольно удовлетворять «минимальные запросы» насильника ни в одном суде мира не будет расцениваться как обстоятельство, смягчающее вину преступника.** Единственное, что Финляндия (равно как и СССР!) была обязана выполнять, так это Договор о мире, подписанный в 1920 г. в Тарту, и Договор о ненападении, заключенный между Финляндией и СССР в 1932 году. Договора должны выполняться. Но именно от обсуждения этой составляющей советско-финляндских отношений Москва уклонялась. *«Мы постоянно ссылались на мирный договор, заключенный в Тарту, а также на Пакт о ненападении, заключенный в 1932 году по инициативе СССР и подтвержденный в 1936 году. Эти ссылки были бесполезными; их буквально пропускали мимо ушей»*, – пишет в своих мемуарах В.Таннер [23].

Едва ли во всех этих очевиднейших вопросах есть предмет для дискуссии. И совершенно не случайно 26 ноября 1939 г. была организована инсценировка обстрела позиций Красной

Армии в Майниле – даже Сталин с Молотовым понимали, что одного только нежелания финнов «меняться территориями» мало для того, чтобы придать развязанной ими войне хотя бы легкую видимость законности. Именно поэтому за четыре дня до войны и произошел запланированный еще в марте 1939 г. «инцидент в Майниле», а на второй день войны появилось «правительство Куусинена», по просьбе которого Красная Армия и пошла громить «белофинские маннергеймовские банды».

Значит ли это, что московские переговоры были пустой формальностью или что они были организованы лишь в качестве прикрытия для трудоемкой и неизбежно длительной передислокации армейских соединений в лесную глухомань Карелии? Большая доля здравого смысла в версии о «маскировочной» задаче переговоров (такую максималистскую точку зрения высказал профессор Ю.Кишин), безусловно, присутствует [14]. Дорожная сеть в Приладожской Карелии обладала весьма низкой пропускной способностью, в ряде мест дорог как таковых не было вовсе, и войска выдвигались к границе пешим маршем, условно говоря «со скоростью черепахи». И тем не менее, одним только прикрытием сосредоточения войск задача, которую Сталин и Молотов хотели решить на переговорах с финской делегацией, не исчерпывалась. Советская сторона реально стремилась к достижению договоренностей на тех условиях, которые она выдвигала на переговорах. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно перечитать меморандум советского правительства, который был вечером 14 октября вручен главе финской делегации. Приведем резюмирующую часть этого документа практически полностью.

«...Действуя на основании вышеизложенных предложений, необходимо урегулировать следующие вопросы по взаимному согласию и к обоюдной выгоде:

1. Предоставление в аренду советскому правительству на 30 лет порта Ханко и прилегающей территории в радиусе от пяти до шести морских миль к югу и востоку, вооружение ее береговой артиллерией, способной своим огнем совместно с огнем базы в Палдиски на южном берегу перекрыть доступ в Финский залив. Для обороны морской базы Финляндия позволит Советскому Союзу разместить в порту Ханко следующий персонал...

2. Предоставление Советским ВМФ права использовать залив Лаппохья (рядом с полуостровом Ханко. – М.С.) в качестве якорной стоянки.

3. Уступка Советскому Союзу следующих районов с соответствующей территориальной компенсацией:

– островов Суурсаари, Лавенсаари, Большой Тюттерс и Малый Тюттерс (Гогланд, Мощный, Малый, Сескар) и Койвисто (Березовый);

– части Карельского перешейка от поселка Липола (Котово) до южной окраины города Койвисто (Приморск);

– западной части полуострова Рыбачий общей площадью 2761 квадратный километр в соответствии с прилагаемой картой.

4. В возмещение районов, упомянутых в пункте 3, Советский Союз уступит Финляндской Республике советскую территорию около Ребола и Пориярви (Поросозеро) общей площадью 5529 квадратных километров в соответствии с прилагаемой картой.

5. Усиление пакта о ненападении, действующего в настоящее время между Советским Союзом и Финляндией, дополнение его условием, по которому страны-участницы обязуются воздерживаться от участия в таких группировках или союзах стран, которые могут прямо или косвенно представлять собой угрозу для другой страны-участницы.

6. Разрушение обеими сторонами укрепленных районов вдоль финско-советской границы на Карельском перешейке, оставляя вдоль линии границы обычную пограничную стражу» [23].

Как известно, выступая по всесоюзному радио 29 ноября 1939 г., за несколько часов до начала войны, Молотов заявил: «Единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда». Если под этим углом зрения посмотреть на советский меморандум, то мы можем обнаружить в нем единственный пункт,

который, действительно, можно считать предложением, направленным на укрепление безопасности СССР. Это подпункт первый п. 3 – передача Советскому Союзу цепочки островов, которая тянется вдоль основного судоходного фарватера в Финском заливе. Не создавая особых дополнительных проблем для Финляндии, Советский Союз укреплял таким образом позиции своего флота в заливе. **И на это предложение финны согласились!** Уже 16 октября, при первом же обсуждении советского меморандума в Государственном совете было принято решение согласиться на уступку островов в Финском заливе. Затем это решение было подтверждено правительством и президентом Финляндии и включено в те инструкции, с которыми финская делегация 21 октября отправилась в Москву, на второй раунд переговоров [23]. Так что традиционное для советской историографии утверждение о том, что «финны высокомерно отвергли ВСЕ предложения советского правительства», является заведомой ложью.

Связать же с обеспечением «безопасности города Ленина» вопрос о западной части полуострова Рыбачий, расположенного на расстоянии 1400 км от Ленинграда, можно только в порядке неуместной шутки. На переговорах в Тарту в 1920 г. было решено разделить полуостров и предоставить равные условия для рыболовства обеим странам – две бухты на западном берегу отдали Финляндии, две бухты на восточном – Советскому Союзу. Поскольку никакой связи с «обороной Ленинграда» в данном случае нельзя было даже придумать, в преамбуле советского меморандума от 14 октября появилась такая чудная аргументация: *«Отдельно следует решить вопрос о полуострове Рыбачьем, где граница определена искусственно, поэтому должна быть пересмотрена в соответствии с прилагаемой картой»* [23].

И тем не менее вопрос о западной части полуострова Рыбачий был поставлен не случайно, и отнюдь не в целях улучшения снабжения советских трудящихся норвежской селедкой. Западная часть Рыбачьего – это вход в бухту порта Петсамо (Печенга). Это северные морские ворота Финляндии, а в условиях войны – единственная точка, через которую будет возможна связь Финляндии с внешним миром (проще говоря – с английским флотом), т. к. морское сообщение через Финский залив планировалось парализовать действиями Краснознаменного Балтфлота, а сухопутная связь с портами Норвегии зависела от доброй воли двух правительств: норвежского и шведского.

Если появление Красной Армии и флота на западном берегу полуострова Рыбачий могло блокировать связь Финляндии с вероятными союзниками физически, то пункт 5 меморандума блокировал эту связь политически. Коварная (хотя и легко разгадываемая) формулировка (*«в таких группировках или союзах стран, которые могут прямо или косвенно представлять собой угрозу для другой страны»*) позволяла Москве предъявить Финляндии обвинение в нарушении условий договора в случае практически любой попытки Финляндии обратиться за международной помощью и поддержкой.

Пункт 6 совершенно явно и прямо призывал к снижению (вместо декларируемого повышения) безопасности обеих договаривающихся сторон. Разумеется, для Финляндии разрушение полосы укреплений было смерти подобно, в то время как для Советского Союза, с его огромной армией и авиацией, эффект снижения оборонных возможностей был меньшим. И тем не менее – если бы Сталин действительно считал возможным появление на территории Финляндии крупной вражеской армии (германской или англо-французской), то он ни в коем случае не стал бы даже обсуждать вопрос **о разрушении укреплений на советской стороне границы**, да еще и в непосредственной близости от Ленинграда – крупнейшего промышленного, научного и транспортного центра страны. Смысл и цель пункта 6 советского меморандума не вызывает ни малейших сомнений – это фактически открытое требование распахнуть ворота перед Красной Армией, наступающей на Выборг и далее *«вглубь страны по обстановке»*.

Сходные последствия могло иметь и выполнение советских требований о передвижке границы на Карельском перешейке до города Койвисто и передаче Советскому Союзу одно-

именного острова (ныне город Приморск и остров Березовый). От Койвисто до центра Ленинграда более 100 км. Артиллерии с такой дальностью стрельбы просто не существует, так что «держат город Ленина под угрозой обстрела» из Койвисто невозможно в принципе. Зато передача этих территорий разрывала «линию Маннергейма» на самом главном, Выборгском оперативном направлении и лишала финские войска огневой поддержки двух артиллерийских фортов (Сааренпя с шестью орудиями калибра 10 дюймов и Хюмалыйоки с шестью орудиями калибра 6 дюймов). Для Красной Армии, в которой счет орудий полевой артиллерии шел на десятки тысяч, а орудий крупного калибра – на тысячи, вопрос о судьбе 12 пушек едва ли заслуживал внимания. Но для нищей финской армии береговые батареи острова Койвисто составляла четвертую часть всей крупнокалиберной артиллерии! К тому же орудия эти находились внутри железобетонных казематов, т. е. были относительно надежно укрыты от ударов советской авиации, превосходство которой (количественное и качественное) было подавляющим. Оперативное значение этих батарей еще более возрастало с учетом того, что в зоне их огня находились две основные дороги Карельского перешейка – автомобильная и железная. И хотя форты острова Койвисто с их максимальной дальностью стрельбы, соответственно 23 и 18 км, не создавали никакой угрозы ни Ленинграду, ни Кронштадту (до которого было более 70 км), **Сталин упорно настаивал на передаче этого острова** вплоть до самого конца переговоров [23].

Пунктом первым в перечне «минимальных требований» Сталина стоял полуостров Ханко. И этот вопрос действительно заслуживал первого места. Если «мирный захват» Койвисто и разрушение долговременных укреплений на Карельском перешейке выводили Красную Армию всего лишь на подступы к Выборгу – а от него до Хельсинки еще 240 км, – то советская военная база на Ханко представляла собой не что иное, как «револьвер, приставленный к виску» Финляндии. Порт Ханко не замерзает почти всю зиму, имеет 1500 м оборудованных причалов и, что самое главное, автомобильную и железнодорожную ветку, соединяющую Ханко со столицей. От Ханко до центра Хельсинки 110 км по шоссе. Имея такой готовый плацдарм для высадки войск, как порт Ханко, Красная Армия могла нанести удар по Хельсинки с двух сторон одновременно: с запада от Ханко и с востока от Выборга. Намерения Сталина были слишком очевидными, поэтому их пришлось маскировать. Сделано это было, как всегда, грубо и безграмотно.

И преамбула, и пункт 1 советского меморандума обосновывали претензии на Ханко желанием *«перекрыть доступ в Финский залив огнем береговой артиллерии совместно с огнем базы в Палдиски на южном (эстонском) берегу залива»*.

Действительно, на географической карте крупного масштаба синенькая полоска морской поверхности у входа в Финский залив кажется очень тоненькой, и «перекрыть» ее огнем больших пушек кажется возможным. Вся беда в том, что карта – плоская, а Земля – круглая. Кривизна земной (морской) поверхности приводит к тому, что дистанция прямой видимости составляет порядка 10 морских миль (18–20 км). Все. Дальше – горизонт, и за ним ничего не видно. Поэтому прицельная стрельба в морском бою на дистанциях более 10–12 миль невозможна в принципе – какими бы огромными орудиями ни был оснащен корабль. Практически же на море бывает туман, каждый день наступает ночь, поэтому без радиолокаторов и сложных систем управления огнем прицельная стрельба и на дальность в 10 миль остается лишь мечтой. Да и с локаторами, дальнобойными орудиями и опытнейшими канонирами не всегда удается «перекрыть» проход вражеских судов. В чем практически убедились англичане 12 февраля 1942 г., когда три немецких корабля (линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» и тяжелый крейсер «Принц Евгений») прошли сквозь невидимые лучи радиолокаторов и под дулами крупнокалиберных береговых батарей через Ла-Манш. И это при том, что англичане ждали этого события и готовились к нему несколько лет. Ширина Ла-Манша в самом узком месте, в районе Дувра,

составляет всего 34 км, а от Ханко до Палдиски – 76 км. И никаких радиолокаторов. Что же тут можно было «перекрыть артиллерийским огнем»?

С другой стороны, перекрыть вход вражеского флота в Финский залив возможно. Уже после Первой мировой войны морские офицеры точно знали, как это делается. А в июне 1941 года все смогли убедиться в эффективности такого метода. Минные заграждения, установленные немцами и финнами в считанные дни, намертво перекрыли выход Краснознаменного Балтфлота в большую Балтику [106]. И в дальнейшем, во время злосчастного «таллинского перехода», основные потери КБФ понес именно от мин. В 1939–1940 гг., имея в своем распоряжении огромный флот и две крупные военно-морские базы (Кронштадт и Таллин), КБФ имел все возможности для того, чтобы покрыть воды Финского залива сплошными минными полями. Смешить военных специалистов предложениями «перекрыть вход в залив артиллерийским огнем» не было никакой нужды.

Таким образом, нетрудно убедиться в том, что советские предложения на московских «мирных» переговорах не были случайными, да и переговоры не были простой «говорильней», устроенной лишь с целью потянуть время. Перед финнами не стоял выбор: мир или война. **Фактически им было предложено два варианта войны: война немедленно (в случае отказа от договоренности с Москвой) или война с небольшой отсрочкой.** В первом случае Финляндия могла вступить в войну, имея оборудованные оборонительные позиции и некоторую надежду на получение помощи извне. Во втором случае – после удовлетворения «минимальных требований» Сталина – Финляндии пришлось бы вступить в войну в совершенно безнадежном положении, не имея ни союзников, ни полосы укреплений на Карельском перешейке, ни возможности воспрепятствовать высадке крупного советского десанта в 100 км от столицы. Дальнейшие события показали, что в этой тяжелейшей, трагической ситуации Финляндия сделала правильный выбор.

Глава 1.3 Многогранное чудо «зимней войны»

Первая советско-финская война (30 ноября 1939 г. – 13 марта 1940 г.) достаточно подробно описана в современной российской историографии. Скрупулезно, едва ли не по дням и часам разобран ход боевых действий, опубликован ряд крупных монографических исследований [16, 18, 20, 21, 30, 31]. Особо стоит отметить фундаментальный труд [33], построенный на использовании огромного массива первичных документов из советских и финских архивов. Стараясь не повторять без нужды уже сказанное, отметим лишь несколько моментов, имеющих непосредственное отношение к двум главным, «сквозным» темам нашего исследования: реальные внешнеполитические цели и устремления сталинского руководства, реальное состояние и боеспособность советских Вооруженных сил.

Военные результаты финской кампании повергли в шок как друзей, так и врагов Советского Союза. Огромная мировая держава бросила в бой 900-тысячную армию, оснащенную тысячами танков и самолетов, но при этом так и не смогла – выражаясь языком газеты «Правда» ноября 1939 года – *«обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ»*. В своих мемуарах К. Маннергейм предельно кратко и четко сформулировал общее мнение: *«Первое, что бросалось в глаза, – это диспропорция между огромным вкладом и ничтожным результатом»*. Столь же определенно высказался и генерал вермахта, он же – автор классического труда по истории Второй мировой войны К. Типпельскирх: *«Русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, что во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии»* [51]. Такая оценка долгие годы считалась общепринятой и бесспорной. Более того, к подобной оценке стала склоняться даже «позднесоветская» историография. Характерный пример: составители сборника [9], повторив в краткой вступительной статье, посвященной событиям «зимней войны», все лживые штампы советской пропаганды, тем не менее признали, что *«война с Финляндией славы победителю не принесла»*.

В этом вопросе, как и во многих других, «нарушителем спокойствия» выступил историк и публицист В. Суворов.

Как всегда ярко и страстно, В. Суворов рассказал читателям про то, как он моделировал «зимнюю войну» 1939–1940 гг. на английском суперкомпьютере, а также ставил эксперимент на себе, забравшись (без зимнего обмундирования, с одной только бутылкой водки) в лютый мороз на елку. Якобы и вычислительная машина, и личные ощущения замерзшего до бесчувствия историка пришли к одному и тому же выводу: прорвать «линию Маннергейма» без атомной бомбы нельзя. Никак нельзя. Соответственно *«Красная Армия, проломав «линию Маннергейма», опровергла и опрокинула представления мировой военной науки... Красная Армия совершила чудо. Ненужное, бестолковое, но чудо... С точки зрения чисто военной, это была блистательная победа, равной которой во всей предшествующей и во всей последующей истории нет...»* [58].

Как ни странно, но версия яростного антикоммуниста В. Суворова удивительно точно «улеглась» в матрицу сознания, подготовленного многолетней коммунистической пропагандой. Пропаганда эта неизменно старалась свести все события «зимней войны» исключительно и только к боям на пресловутой «линии Маннергейма». Такой подход позволял решить сразу **три задачи**. Во-первых, подкрепить ключевой для всей советской историографии тезис о том, что единственной целью войны была «защита северных подступов к Ленинграду», какую «защиту» и пытались достигнуть путем небольшой передвижки границы на Карельском перешейке. Линия финских укреплений мешала этой «передвижке» – вот ее и пришлось снести с лица земли. Во-вторых, постоянное напоминание про «железобетонные ДОТы, извер-

гавшие смертоносный огонь» воспринималось далекими от теории военного дела читателями как вполне «уважительная», «объективная» причина огромных потерь личного состава частей Красной Армии. В-третьих, состоявшийся к исходу третьего месяца войны прорыв «линии Маннергейма» можно было преподнести и как крупный успех, и как разумное объяснение того, почему война неожиданно прекратилась. Увы, с реальными историческими событиями все это имеет очень мало общего.

Начнем с самого простого. С арифметики и географии. Протяженность советско-финляндской границы составляла порядка 1350 км. На строительство «великой финляндской стены» такой протяженности не хватило бы ресурсов не только Финляндии, но даже и огромного Советского Союза. В реальности линия долговременных финских укреплений на Карперешейке прикрывала участок границы протяженностью порядка 100 км. Менее одной десятой общей протяженности границы. Другими словами – девять десятых финской границы не было прикрыто ни одним «извергающим смертоносный огонь ДОТом». Соответственно, с «линией Маннергейма» можно было поступить точно так, как вермахт в мае – июне 1940 г. поступил с несравненно более мощной французской «линией Мажино», т. е. обойти ее, отнюдь не пытаясь пробить укрепрайон «в лоб». Слухи об абсолютной якобы «непроходимости местности» к северо-востоку от Карельского перешейка сильно преувеличены. Южная Финляндия – это вполне обжитой и обустроенный регион, в полосе Сортавала – Лаппеенранта – Котка существовала достаточно густая дорожная сеть. Местность становится еще более проходимой именно в условиях зимней войны, когда мороз сковывает поверхность озер и болот крепким льдом.

Это – теория. Теперь обратимся к практике. Идея глубокого флангового обхода финских укреплений вокруг северного побережья Ладожского озера неизменно присутствовала и в довоенных планах советского командования, и в действиях войск в ходе самой «зимней войны». Обратимся еще раз к «Плану операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» от 29 октября 1939 г. [97]. *«По получении приказа о наступлении наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии **на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника** (подчеркнуто мной. – М.С.) и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии. Главные силы наших войск ударом с видлицкого направления и с Карельского перешейка громят главную группировку финской армии в районе Сортавала, Вишпури (Выборг.), Кякисалми (Кексгольм).*

*а) Видлицкое направление – семь сд (стрелковых дивизий), три корпусных артполка, один артполк РГК, один танковый и химический батальоны... Задача войск этого направления – разбить финские части в районе Суоярви, Сортавала, Салми, овладеть их укрепленной полосой между оз. Янис-Ярви и Ладожским озером, **наступать в юго-западном направлении, в тыл группировки противника, действующей на Карельском перешейке** (подчеркнуто мной – М.С.), содействовать 7-й армии в разгроме этой группировки...*

б) Карельский перешеек – восемь стр. дивизий, пять корпусных артполков, пять артполков РГК, два отдельных артдивизиона БМ(большой мощности), три танковых бригады... Задача – разбить части прикрытия, овладеть укрепленным финским районом на Карперешейке и, развивая наступление в северо-западном и северном направлениях, во взаимодействии с войсками видлицкого направления, разгромить главную группировку войск противника в районе Сортавала, Вишпури, Кякисалми...»

Как видим, идея обхода «линии Маннергейма» и удара во фланг и тыл финских войск, развернутых на Карельском перешейке, прописана в плане вполне конкретно. Стоит обратить внимание и на то, что группировка советских войск на «видлицком направлении» (т. е. 8-я армия в Приладожской Карелии) отнесена разработчиками плана к «главным силам наших войск», а по числу стрелковых дивизий эта группировка лишь немногим уступает 7-й армии на Карперешейке (семь и восемь дивизий соответственно).

Кроме этих двух, главных группировок, предусматривалось еще и создание двух вспомогательных группировок (в реальности они были организационно сведены в одну 9-ю армию), которые, наступая по сходящимся направлениям – с севера от Кандалакши через Рованиemi, с юга от Реболы через Кухмо и Каяаани, должны были, *«овладев районом Кемпи, Оулу (Улеборг), отрезать сообщение Финляндии со Швецией через сухопутную границу»*.

Даже не принимая во внимание наличие еще одного операционного направления (Мурманского) и численность развернутой на этом направлении 14-й армии, нетрудно убедиться в том, что по числу стрелковых дивизий 9-я армия (122-я, 163-я, 54-я дивизии) и 8-я армия (155-я, 139-я, 56-я, 18-я и 168-я дивизии) в первые дни войны даже превосходили наступающую на «линию Маннергейма» 7-ю армию (шесть дивизий) [33]. В дальнейшем шло непрерывное наращивание сил Красной Армии на всех операционных направлениях (в частности, в Приладожскую и Северную Карелию было дополнительно переброшено не менее 13 дивизий), но при этом в прорыве «линии Маннергейма» на любом этапе войны было задействовано **не более половины** личного состава частей и соединений действующей армии.

Конкретно в цифрах ситуация была такова: при среднемесячной численности всей группировки войск в размере 849 тыс. человек, среднемесячная численность войск Северо-Западного фронта (7-я армия и сформированная в конце декабря 1939 г. 13-я армия) составляла 423 тыс. человек. 9-я армия (Северная Карелия) имела среднемесячную численность в 94 тыс. человек, 8-я и 15-я армии (Приладожская Карелия) – 271 тыс. человек [9].

Таким образом, на расстоянии в сотни километров от ближайшего дота «линии Маннергейма» действовала огромная группировка советских войск общей численностью **более 350 тыс. человек**. Какое же «чудо» совершила там Красная Армия? Какие «блистательные победы, равных которым нет в истории», одержала?

Первым «чудом» было само планирование операции, в рамках которого войскам 9-й армии был задан темп наступления 22 км в день. Зимой, через заваленную снегом лесную глухомань центральной Финляндии. И это при том, что на своей собственной территории выдвижение стрелковых дивизий к границе шло с темпом 12–16 км в день, да и при этих темпах тылы и артиллерия постоянно отставали [33]. Другим «чудом» можно считать сосредоточение столь крупных сил на местности, почти лишенной автомобильных и железных дорог. Примечательно, что по предвоенным расчетам Маннергейма *«в Карелию близ Ладоги в связи с трудностями транспортировки русские могли забросить максимум три дивизии»*. Фактически же к концу войны в Приладожской Карелии было сосредоточено (или выдвигалось к фронту) порядка 15 дивизий.

Поскольку советское военно-политическое руководство вплоть до самого начала боевых действий так и не определилось с главным вопросом – готовится ли оно к войне или к «триумфальному маршу» – запасы горючего и боеприпасов, накопленные в Карелии, были минимальными. Так, по вышеупомянутому плану Мерецкого войскам «видлицкого направления» требовалось *«боеприпасов 3,5 боекомплекта и горючего для транспортных машин 6—7 заправок»*. После того, как война приобрела затяжной характер, а войска понесли огромные потери в живой силе и технике, советское командование «неожиданно» для себя выяснило, что доставлять подкрепления и боеприпасы практически нечем. Войска 14-й, 9-й, 8-й и 15-й армий завязли в безлюдной, лишенной местных ресурсов местности, а все снабжение держалось на одной нитке Мурманской (Кировской, как она называлась тогда) железной дороги, скорость продвижения воинских эшелонов по которой из-за снежных заносов и огромной перегрузки линии снизилась до 5–6 км в час. Только отсутствие у финнов мощной бомбардировочной авиации, способной разрушить два железнодорожных моста через Свирь, спасало советские войска в Карелии от полной катастрофы [14]. Впрочем, и без того результаты боевых действий оказались крайне неутешительными.

В первые дни войны войска 8-й и 9-й армий успешно и относительно быстро продвигались вглубь финской территории. Как пишет Маннергейм, *«наши слабые подразделения вынуждены были отойти под нажимом превосходящих сил. Противник, поддерживаемый танками, продвигался неожиданно быстро; внезапное появление машин, одетых в броню, парализующе действовало на наши войска, из которых лишь редкие подразделения успели получить оружие для борьбы с танками»*. Наибольшего успеха добились части 8-й армии, которые на направлении Суоярви – Толвоярви прошли 100–120 км от госграницы вглубь Финляндии. Но уже в середине декабря финны произвели частичную перегруппировку своих хилых сил и начали активные контратаки. Искусно маневрирующие лыжные батальоны «разрезали», окружали и уничтожали по частям огромные и неповоротливые колонны советских стрелковых дивизий. К 24 декабря 1939 г. 75 и 139-я стрелковые дивизии 8-й армии были отброшены на восток от Толвоярви более чем на 50 километров. О состоянии этих соединений можно судить по тому, что 139-я дивизия оставила на поле боя 2247 винтовок, 165 станковых и 240 ручных пулеметов, а к началу января в ее стрелковых ротах оставалось по 30–50 человек, то есть не более 30 % штатной численности [33]. Немногим лучше было и положение в 75-й дивизии.

В начале января 1940 г. финны перешли в крупное (по их меркам) наступление и силами семи пехотных батальонов окружили у северо-восточного побережья Ладожского озера, в районе города Питкяранта, 18-ю стрелковую дивизию и 34-ю танковую бригаду из состава 8-й армии. Несмотря на наличие у окруженных большого числа танков, боеприпасов и горючего (даже к концу февраля в частях 18-й дивизии и 34-й танковой бригады оставалось до 12 тыс. снарядов и две заправки горючего для танков [33]), их командование выбрало тактику пассивного ожидания помощи извне. Уже после окончания войны, 17 апреля 1940 г., корпусной комиссар Вашугин на совещании высшего комсостава РККА описал эти события следующим образом:

«Финны окружали наши дивизии небольшими частями. Мне представлялось, что для того, чтобы дивизию окружить, нужно иметь три дивизии. А как там получилось? Это окружение создавало психоз у окруженных...»

Я очень подробно выяснил окружение 97-го стрелкового полка 18-й дивизии. Что из себя представляло окружение 97-го стрелкового полка? Командир полка заявил, что с запада было около роты противника, с востока было меньше усиленного взвода, с севера были регулярные войска – около батальона, который занимал укрепленные позиции в лагере, но в последнее время наши ходили в разведку в этот лагерь и не находили там вовсе противника. Они нигде противника не видели. С юга же противника никогда не было. И считали себя в окружении... Мы его выводили очень просто. Пришла пара разведчиков, которые сказали, что полку приказано выйти из окружения. Гарнизон поднялся и ушел» [20].

Не везде, однако, все закончилось так просто и благополучно. В ходе длительных боев финны расчленили на отдельные группы и к концу февраля практически полностью уничтожили окруженную группировку. Неоднократные попытки деблокировать окруженных крупными силами (в общей сложности было задействовано четыре дивизии: 60-я сд, 11-я сд, 72-я сд и 25-я кд) оказались безрезультатными. В качестве трофеев финнам досталось 128 танков, 91 орудие, 120 автомашин и тракторов, и даже Боевое знамя 18-й стрелковой дивизии [22, 33]. Лишь прекращение Боевых действий 13 марта 1940 г. избавило от такого же разгрома еще одну, 168-ю стрелковую дивизию. Командир 18-й дивизии комбриг Г.Ф. Кондрашев был ранен, 4 марта арестован и впоследствии расстрелян. Командир 34-й танковой бригады комбриг С.И. Кондратьев, начальник штаба бригады Н.И. Смирнов и начальник Особого отдела бригады капитан Доронин застрелились. Покончили жизнь самоубийством также начальники политотделов дивизии и бригады И.А. Гапанюк и И.Е. Израецкий. 8 марта застрелился коман-

дир 56-го стрелкового корпуса (в состав которого входили 18 и 168-я дивизии) комдив И.Н. Черепанов [33].

«Надо сказать прямо, что на петрозаводском направлении финны взяли в середине декабря инициативу в свои руки и держали ее почти до конца войны», – вынужден был признать начальник Генерального штаба РККА Шапошников, выступая на уже упомянутом совещании высшего комсостава 16 апреля 1940 г. [20]. Серьезное заявление – принимая во внимание планы, соотношение сил и состав вооружения сторон.

Сходным образом развивались события и среди глухих лесов центральной Финляндии, в полосе наступления 9-й армии. С 30 ноября по 7 декабря (в этот день 163-я стрелковая дивизия заняла важный дорожный узел в поселке Суомуссалми) соединения 9-й армии, отбросив от границы два батальона финских резервистов, наступали, что называется, «малой кровью». Так, общие потери 163-й дивизии составили 243 человека [33]. Ситуация резко изменилась после прибытия в район боев 27-го пехотного полка и назначения командующим всеми частями финской армии в районе Суомуссалми полковника Сииласвуо (в дальнейшем генерала, одного из наиболее знаменитых и удачливых финских военачальников). 15 декабря финны отбили Суомуссалми, а к 21 декабря лыжными группами окружили большую часть сил 163-й стрелковой дивизии.

На помощь 163-й дивизии советское командование выдвинуло 44-ю стрелковую дивизию. Эта дивизия, входившая в состав войск Киевского военного округа, прибывала из недавно «освобожденного» польского Тарнополя в обычном осеннем обмундировании: шинелях и кирзовых сапогах. Тем временем необычайный мороз в районе боев опустился до 40 градусов. Сииласвуо пишет в своих послевоенных воспоминаниях: *«Мне было непонятно и странно, почему русские не имели лыж и поэтому не могли оторваться от дорог»*. К. Маннергейм прослужил в русской армии 30 лет. Поэтому, не высказывая никакого удивления, он просто констатирует: *«Сопротивление группы 163-й дивизии было сломлено 30 декабря. На месте осталось убитыми более 5 тысяч солдат противника, около 500 человек были взяты в плен. Трофеи были весьма значительными: 27 орудий, 11 танков, 150 грузовых автомобилей, огромное количество оружия пехоты и боеприпасов»* [22].

По документам советских штабов потери 163-й дивизии за все время боев составили 3043 человека убитыми и пропавшими без вести, 8558 ранеными и обмороженными, т. е. примерно 70 % штатного состава. В качестве «стрелочника» Особый отдел 9-й армии выбрал командира и комиссара 662-го полка 163-й дивизии полковника Шарова и батальонного комиссара Подхомутова. Они были преданы суду военного трибунала и расстреляны.

В первых числах января была окончательно окружена и разгромлена 44-я дивизия. Сииласвуо пишет: *«Паника окруженных все росла, у противника большие не было совместных и организованных действий... Лес был полон бегущими людьми... В полдень 7 января противник начал сдаваться. Голодные и замерзшие люди выходили из землянок... Мы захватили немислимо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли мечтать даже во сне. Досталось нам все вполне исправное, пушки были новые, еще блестящие... Трофеи составили 40 полевых и 29 противотанковых пушек, 27 танков, 6 броневых автомобилей, 20 тракторов, 160 грузовых автомобилей, 600 лошадей...»* [33].

В этой цитате важно отметить слова: «люди выходили из землянок». В полной противоположности с общепринятым мифом (финны сидят в теплом доте, красноармейцы идут в атаку на лютом морозе по пояс в снегу) финские части непрерывно маневрировали на 40-градусном морозе, в то время как окруженные советские дивизии имели возможность наладить хотя бы минимальные условия для обогрева личного состава. Стоит отметить и то, что, по данным штаба 9-й армии, потери вооружения и техники 44-й дивизии были даже большими, чем смог насчитать Сииласвуо: 4340 винтовок, 350 пулеметов, 87 орудий разных калибров, 14 минометов и 37 танков [33].

Военный трибунал признал командира 44-й стрелковой дивизии комбрига Виноградова, начальника штаба полковника Волкова и начальника политотдела Пахоменко виновными в том, что они *«преступно игнорировали приказы высшего командования... разбросали части дивизии на отдельные отряды и группы... спасая свою шкуру позорно бежали с небольшой группой людей в тыл»*. Приговор был приведен в исполнение 11 января 1940 года перед строем остатков личного состава дивизии.

Сокрушительный и позорный разгром главных сил 9-й армии не остудил, однако, «наступательный порыв» советского командования. Идея «перерезать» Финляндию и захватить Оулу продолжала витать в высоких кабинетах. Так, в плане (практически не реализованном) операции Балтфлота по захвату Аландских островов, составленном 21 января 1940 г., важность установления полного контроля над судоходством в Ботническом заливе аргументировалась следующим образом: *«С переходом нашей армии в наступление и перерезанием сухопутной коммуникации в районе Улеборга, морская коммуникация остается единственно возможной для Финляндии»*[235].

В реальности же вместо всех этих «маниловских прожектов» усилия командования 9-й армии, многочисленные подкрепления, которые она непрерывно получала, и напряженная боевая работа авиации были направлены главным образом на спасение от полного разгрома еще одной дивизии, окруженной в районе Кухмо (примерно 100 км южнее Суомуссалми) – 54-й горно-стрелковой. Также, как и на других участках бескрайнего Карельского фронта, финны разорвали растянувшуюся на 25 км колонну 54-й дивизии на восемь отдельных групп и с 1 февраля приступили к их методичному окружению и истреблению. Несмотря на то, что эта дивизия – в отличие от многих других, брошенных в ледяное пекло финской войны – была «старой», кадровой дивизией, специально подготовленной к действиям на северном театре военных действий, ее командование и личный состав оказались неспособны к решению каких-либо боевых задач.

Командующий ВВС 9-й армии (в дальнейшем – командующий ВВС всей Красной Армии) П. Рычагов докладывал 16 апреля 1940 г. на Совещании высшего комсостава: *«Гусевский (командир дивизии) каждый день, а иногда по несколько раз в день, слал паникерские телеграммы... Под влиянием этих телеграмм угробили почти все резервы 9-й армии, какие там были и подходили, туда бросали множество людей и не могли организовать никакого наступления по освобождению... Авиация обязана была бомбить, стрелять, охранять его в течение 45 дней. Дивизия кормилась 80-м авиapolком в течение 45 дней, и этот полк фактически спас ее, бездействующую дивизию, от голода и гибели, не давая финнам покоя день и ночь. Ежедневно при малейшей активности финнов там поднималась паника, туда давали все постепенно прибывавшие эскадроны и батальоны лыжников... На самого Гусевского повлиять никак не могли, а порядка в осажденном гарнизоне не было»* [20]. *«Заключение мира, – пишет Маннергейм, – спасло сильно потрепанную 54-ю дивизию, потерявшую почти половину своего состава и вооружения»* [22]. Судя по данным советских архивов, оценка финского маршала была весьма точной – потери дивизии исчислялись в 2691 человек убитыми и пропавшими без вести, 3732 ранеными и обмороженными, что составляло 60 % от штатного расписания советской горно-стрелковой дивизии [33].

Таким образом, ни одна из поставленных перед войсками 8-й и 9-й армий задач не была выполнена. Ни о «выходе к шведской границе», ни об ударе во фланг и тыл финских войск, оборонявших «линию Маннергейма», не приходится даже говорить. На момент окончания боевых действий войска 8-й армии продвинулись вперед на расстояние всего 20–30 км от линии границы 1939 года на направлении Лоймола – Суоярви, 60–70 км на правом фланге армии, в направлении Иломанси. Войска 9-й армии были практически повсеместно отброшены назад, на исходные позиции.

За такие, весьма скромные, результаты была заплачена огромная цена. Потери Красной Армии за три месяца боев в Карелии составили 141 тыс. человек. Безвозвратные потери 9-й армии составили 13,5 тыс. человек, общие потери – 46 тысяч. 8-я и 15-я армии потеряли 31 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, общие потери двух этих армий составили 95 тыс. человек [9]. Для сравнения отметим, что действовавшие в Приладожской Карелии 12-я и 13-я пехотные дивизии финской армии (вместе с приданными им отдельными батальонами) потеряли в общей сложности 4 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, 9,5 тыс. человек ранеными [33]. То, что потери атакующей (причем успешно атакующей) финской армии оказались **в 7–8 раз меньше потерь** Красной Армии по праву может быть названо «чудом, которое опровергло и опрокинуло представления мировой военной науки...».

Необходимо отметить и тот факт, что приведенная выше ужасающая цифра потерь войск 8-й, 9-й и 15-й армий скорее всего занижена. Дело в том, что в результате проведенной в 1949–1951 гг. Главным управлением кадров Министерства обороны СССР работы по составлению поименных списков военнослужащих, погибших и пропавших без вести в ходе советско-финской войны, было выявлено расхождение с данными, представленными в свое время штабами частей и соединений. **31.527 человек пропали неизвестно куда** [9]. Они не вошли ни в число погибших, ни в число пропавших без вести, которые были учтены в донесениях войск до конца марта 1940 г. Разумеется, установить сегодня судьбу этих 31 527 человек нет никакой возможности, но с очень большой долей вероятности можно предположить, что большая их часть погибла именно в хаосе отступления и окружений в Карелии, а не на Карельском перешейке, где происходили относительно организованные и упорядоченные бои на «линии Маннергейма». Если это предположение верно, то тогда приходится констатировать, что потери Красной Армии в Карелии, «в стороне от линии Маннергейма», **составили почти половину** (47 %) от общих потерь «зимней войны».

Нельзя забывать и о том, что «зимняя война» велась не только на суше, но и в воздухе. Даже не открывая ни одного справочника, можно уверенно утверждать, что никакой «летающей линии Маннергейма» не было и в помине. Тем не менее, действия советских ВВС в ходе «зимней войны» можно считать ярчайшим примером того, что сам маршал Финляндии назвал «огромным вкладом и ничтожным результатом».

В фондах Российского Государственного военного архива (РГВА) сохранился примечательный документ: перевод статьи «Советская воздушная война против Финляндии» некоего господина Боргмана из г. Хельсинки, опубликованной в трех номерах (28 июня, 5 и 12 июля 1940 г.) немецкого военного журнала «Дойче Вер» [96]. На первой странице машинописного текста – резолюция начальника Оперативного отдела штаба ВВС Красной Армии генерал-майора Теплинского: *«Сверить цифры с нашими данными. Сделать сводку основных цифр»*. По данным подчиненных генерала Теплинского, *«СССР к началу военных действий имел 1800 самолетов на фронте, к концу войны 3353 самолета, из них 60 % – бомбардировщики»*. Но надо иметь в виду, что в штабе ВВС РККА не учли весьма многочисленную авиацию Балтийского и Северного флотов. По современным данным, группировка советской авиации на финляндском ТВД на момент окончания боевых действий насчитывала **3885 самолетов** (из них 508 самолетов в составе ВВС флотов), в том числе 1732 бомбардировщика. За все время войны этой группировкой было выполнено более **101 тысячи** боевых самолетов-вылетов [52].

Все познается в сравнении. Для того, чтобы по достоинству оценить эту цифру – 101 тысяча боевых вылетов, – следует сравнить ее с количественными показателями применения авиации в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны: Курская битва – 118 тысяч вылетов с 5 июля по 23 августа 1943 г, Сталинградская битва – 114 тысяч вылетов за семь месяцев (с июля 42 г. по февраль 43 г.). Не менее показательным является и сравнение численности группировки советской авиации и интенсивности ее применения на финском фронте

с цифрами, характеризующими действия люфтваффе. Как известно, максимальная по численности группировка немецкой авиации была создана перед началом наступления на Западном фронте (вторжение во Францию, Бельгию и Голландию) 10 мая 1940 г. – 3641 боевой самолет (без учета транспортной, санитарной, связной и разведывательной авиации). К началу наиболее ожесточенных боев «битвы за Британию» (по состоянию на 13 августа 1940 г.) численность группировки люфтваффе была заметно ниже – 3067 самолетов, в том числе 1847 бомбардировщиков. Значительно меньшие силы немецкой авиации были сосредоточены у западных границ СССР утром 22 июня 1941 г. – 2344 самолета, в том числе 1236 бомбардировщиков [48].

Как видим, группировка советской бомбардировочной авиации на фронте войны с «финляндской козьявкой» ничуть не уступала по численности силам бомбардировочной авиации люфтваффе, которым предстояло «выбомбить Британию из войны». По интенсивности использования – значительно превышала. Советские бомбардировщики за все время «зимней войны» (три месяца и 12 дней) выполнили 44.962 вылета, а немецкая бомбардировочная авиация за три месяца и шесть дней (с 1 июля по 6 октября) выполнила всего лишь 16.850 боевых вылетов [52, 53]. Правда, последнее сравнение не вполне корректно, так как советская бомбардировочная авиация на финском ТВД действовала главным образом по войскам и укреплениям на поле боя, в то время как люфтваффе бомбило крупные площадные цели (проще говоря – города) в глубине английской территории.

Уместнее будет сравнить действия люфтваффе в ходе «битвы за Британию» с результативностью налетов советской бомбардировочной авиации по тыловым объектам (железнодорожные станции и перегоны, порты, промышленные предприятия, административные центры) Финляндии. В вышеупомянутой статье «Советская воздушная война против Финляндии» г. Боргман приводит такие количественные параметры: совершено 2075 налетов на 516 объектов, в ходе которых было выполнено 14.640 самолето-вылетов, сброшено 100 тысяч бомб всех типов. Современные историки приводят несколько меньшие (и, вероятно, более реалистичные) цифры: 55 тысяч фугасных и 41 тысяча зажигательных (т. е. гораздо более легких) бомб [52]. Эти цифры – 14,6 тыс. вылетов и 55 тыс. фугасных бомб – вполне сопоставимы с показателями боевого применения бомбардировщиков люфтваффе (16,9 тыс. вылетов за три месяца, 30 тыс. фугасных авиабомб, сброшенных на Лондон также за три месяца, с сентября по ноябрь 1940 г.). Абсолютно несопоставимыми оказались только результаты.

Немецкие бомбардировки вызвали колоссальные разрушения и привели к многочисленным жертвам. Уже в ходе первого налета на Лондон 300 человек было убито и более 1300 тяжело ранено. За первый месяц массированных бомбардировок, в сентябре 1940 г. в Лондоне погибло более 7 тысяч человек. Всего в ходе «битвы за Британию» с августа 1940 г. по май 1941 г. в английской столице было уничтожено 84 000 зданий, 250 тыс. жителей осталось без крова. Вот как описывает в своих мемуарах У. Черчилль один из налетов, состоявшийся 10 мая 1941 г.:

«В городе вспыхнуло свыше двух тысяч пожаров, причем мы не могли тушить их, так как бомбардировками было разрушено около 150 водопроводных магистралей. Были повреждены 5 доков и более 70 важнейших объектов, половину из которых составляли заводы. Все крупнейшие железнодорожные станции, за исключением одной, были выведены из строя на несколько недель, а сквозные пути полностью открылись для движения только в начале июня. Было убито и ранено свыше 3 тысяч человек» [55].

В Манчестере самые страшные налеты случились 23 и 24 декабря 1940 года. За два дня (точнее говоря – за две ночи) погибло 2500 человек и 100 тысяч остались без крова. В ночь на 14 ноября 1940 года 449 бомбардировщиков люфтваффе разрушили дотла город Ковентри. Огромный ущерб был причинен Бирмингему, Белфасту, Ливерпулю, Шеффилду, Бристолу, Саутгемпτονу... В общей сложности по всей стране было разрушено порядка одного миллиона

зданий. По сведениям, приводимым У. Черчиллем, общее число потерь населения составило 43 тыс. убитых и 51 тыс. тяжелораненых.

Результат боевых действий советской авиации по тыловым объектам Финляндии (действий, за которые Советский Союз «заплатил» не только огромными материальными затратами, связанными с обеспечением 14 тысяч боевых вылетов, но и потерей последних остатков международной репутации и позорным исключением из Лиги Наций) оказался фактически мизерным. Вот что пишет в своих мемуарах Маннергейм: *«Несмотря на огромную численность (примерно 2500 самолетов (эта цифра занижена. – М.С.), советские ВВС не оказали решающего воздействия на ход войны. Удары, наносимые по войскам с воздуха, особенно в начале войны, были робкими, и бомбардировки не смогли сломить волю нации к обороне... Стратегическую задачу – разорвать наши внешние коммуникации и добиться развала движения транспорта – русским выполнить совсем не удалось. Наши судоходство, сконцентрированное в Турку, не было парализовано, хотя город и бомбили более 60 раз... Единственным путем, связывающим Финляндию с границей, была железная дорога Кемь – Торнио. По ней шла самая большая часть экспорта и завоз военного оборудования. Этот путь остался целым и невредимым до самого конца войны. Правда, некоторые железнодорожные перевозки приходилось совершать в ночное время, но в основном железные дороги с честью справились со своими задачами. Небольшие повреждения, наносимые им вражеской авиацией, быстро ликвидировали. Производство военного снаряжения также шло без больших срывов»* [22].

Всего в городах и поселках Финляндии было полностью разрушено 256 каменных и 1764 деревянных строений [52]. Другими словами, для разрушения одной деревянной избышки в среднем расходовалось 7 самолето-вылетов, сбрасывалось 27 фугасных и 20 зажигательных бомб. Боргман оценивает потери гражданского населения Финляндии в 646 убитых и 538 тяжелораненых, Маннергейм пишет, что *«более семисот гражданских лиц было убито, а ранено вдвое больше»* [22]. Современные историки называют цифру в 960 погибших при бомбежках мирных жителей [52].

В любом случае, эти цифры совершенно несопоставимы с числом жертв гражданского населения Англии.

Разумеется, читатель, мало знакомый с историей Сталина и его империи, может предположить, что столь малые жертвы мирного населения были связаны с тем, что советская авиация наносила исключительно точные, снайперские удары по сугубо военным объектам. Не говоря уже о том, что при наличии желания у Сталина была возможность уменьшить число жертв среди финских трудящихся до нуля (достаточно было просто не начинать войну), факты и документы отнюдь не подтверждают гипотезу о «точечных» бомбардировках. Первые авианалеты на Хельсинки и Ханко вследствие крайне низкой точности бомбометания привели к многочисленным разрушениям и жертвам в жилых районах. Две бомбы разорвались даже рядом со зданием советского полпредства, легко ранив нескольких сотрудников. Учитывая крайне нежелательные на том этапе войны (Советский Союз готовился посадить в Хельсинки «народное правительство» Куусинена) политические последствия, а также понимая невозможность немедленного и радикального повышения качества летной и тактической подготовки экипажей бомбардировочной авиации, Ворошилов издал приказ о «категорическом и безусловном» запрете бомбардировок «городов и мирного населения». Однако все эти «игры в демократию» быстро закончились, когда стало ясно, что вместо триумфального марша Красная Армия втянулась в жестокую, затяжную, кровопролитную войну.

21 декабря 1939 г. начальник Главного автобронетанкового управления РККА комкор Павлов пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову: *«Надо потрясти беспощадно всю Финляндию, чтобы другим неповадно было (через полтора года именно так Сталин и расправится с Павловым: беспощадно, чтоб другим неповадно было. – М. С.). Я уверен, что как кончим с Финляндией (независимо от применения средств и способов), так про*

нее забудут и англичане и французы. Исходя из этого считаю, что можно и должно подвергнуть полному разрушению все ж/д узлы, гавани и административные центры управления страной. Разрушить военные заводы, посеять смертельный страх на дорогах днем и ночью» [72]. Советы Павлова (вероятно, и не его одного) были приняты и одобрены. 3 января 1940 г. советские ВВС получили подписанный Ворошиловым, Сталиным и Шапошниковым приказ, который требовал «в ближайшие десять дней наносить систематические и мощные удары по глубоким тыловым объектам, административным и военно-промышленным пунктам» [52]. Разумеется, потрясти за 10 дней Финляндию не удалось, и все нарастающие по мощи удары сыпались на финские города и поселки вплоть до самого конца войны.

Резидент советской разведки в Финляндии Е. Синицын в своих мемуарах описывает свой первый после окончания «зимней войны» визит в Хельсинки так: «Город показался мне мертвым, грязным и запущенным. Были видны разрушения и обгорелые остовы зданий. Редкие прохожие торопливо протискивались среди мешков с песком у каждого подъезда...» [156].

Примечательно, что работники оперативного отдела штаба ВВС оставили на полях статьи Боргмана комментарий, из которого следует, что «не считая УРы, мосты, ж/д перегоны» бомбардировке подверглись «около 100 населенных пунктов». Отметил господин Боргман и массовое применение боеприпаса неизвестного ему нового типа. Судя по описанию, речь идет о РРАБ (ротационно-разбрасывающая авиабомба), прозванной в Финляндии «хлебная корзина Молотова». Это простое и эффективное устройство позволяло засыпать стеклянными шариками с зажигательной смесью КС площадь до одного гектара. Понятно, что РРАБы сбрасывались отнюдь не для разрушения «УРов, мостов и ж/д перегонов», а для создания массовых пожаров в населенных пунктах с деревянными постройками.

Красным карандашом начальник оперативного отдела штаба ВВС Красной Армии подчеркнул следующие фразы в статье Боргмана: «Советской авиации не удалось ни сковать транспорт, ни помешать работе военной промышленности, ни нарушить производство и распределение, ни сломить волю населения к сопротивлению... Совершенно не была подвергнута бомбардировке железнодорожная линия Кемь—Торнио...»

На последнем замечании стоит остановиться подробнее. Так же, как и в России, территория Финляндии заселена и освоена крайне неравномерно. Соответственно, густая сеть железных дорог на юге страны становится все более разреженной в центре, пока не превращается в одну-единственную «нитку», которая вдоль северного берега Ботнического залива, через города Оулу (Улеаборг) — Кемь — Торнио уходит на запад, в Швецию и Норвегию, связывая финские железные дороги с незамерзающими норвежскими портами. Огромное стратегическое значение линии Оулу — Кемь должно было бы быть очевидным. Столь же очевидным и бесспорным являлось наличие авиационно-технических возможностей для систематических бомбардировок этой магистрали (от Кеми до советско-финляндской границы не более 250 км по прямой). И что самое удивительное, — забыв про железную дорогу, советское командование организовало систематические бомбардировки крупного (в масштабах северной Финляндии) губернского центра Рованиеми, расположенного всего в 97 км по шоссе от Кеми.

По данным финского историка авиации К. Геуста, на Рованиеми было совершено 19 авианалетов, в ходе которых было сброшено 700 фугасных бомб. Особенно крупными были налеты 1 февраля (ДБ-3—8; и СБ-26) и 21 февраля (ДБ-3—13; СБ—26). Перед самым концом войны, 10 марта 1940 г. для авиаудара по Рованиеми было даже задействовано 6 четырехмоторных гигантов ТБ-3. Последний налет на этот злосчастный город был совершен в 11 часов утра 13 марта, всего за один час до окончания боевых действий «зимней войны» [52]. В результате всех усилий в городе, не имевшем сколь-нибудь заметного военного значения, было убито 25 мирных жителей, но расположенная всего в сотне километров к юго-западу стратегическая железная дорога «совершенно не была подвергнута бомбардировке...»

Обсуждение эффективности использования бомбардировочной авиации невозможно в отрыве от учета степени противодействия противника. Летом – осенью 1940 г. немецким бомбардировщикам противостояла хотя и относительно малочисленная (относительно численности группировки люфтваффе), но хорошо подготовленная, оснащенная радаром раннего обнаружения и вполне современными самолетами английская истребительная авиация. Оговорка об «относительной» малочисленности истребителей Королевских ВВС сделана не случайно. Даже в самые критические моменты августа 1940 г. численность боеготовых «харрикейнов» и «спитфайров» сохранялась на уровне 700–750 машин [48]. Численность и возможности финских истребителей были совершенно иными.

По данным современных историков, к началу войны ВВС Финляндии имели 145 самолетов всех типов, из них 119 в боевых эскадрильях, в том числе порядка 50 самолетов, которые с большей или меньшей натяжкой можно было отнести к разряду «истребителей» [52]. Самыми современными среди них были **36 голландских «фоккеров» Д-21**, по своим тактико-техническим характеристикам соответствовавших советским И-16 ранних модификаций (до «ишаков» образца 1939 г. «фоккеры» не дотягивали по всем параметрам). Ко дню прекращения боевых действий (13 марта 1940 г.) из-за границы в Финляндию поступило и было введено в строй 130 боевых самолетов, в то время как безвозвратные потери финской авиации за все время войны составили 71 самолет (в т. ч. 36 сбито советскими истребителями и стрелками бомбардировщиков, 6 – сбиты зенитным огнем, 29 разбились в авариях) [52]. Такое соотношение потерь и поставок позволило не только поддерживать на примерно постоянном уровне численность самолетов в боевых частях финских ВВС, но и даже увеличить ее. Так, к 1 марта 1940 г. количество относительно современных истребителей в составе боевых эскадрилий составляло уже **77 самолетов** (24 «фоккера», 25 французских «моранов», 17 английских «гладиаторов», 11 итальянских «фиатов») [52].

Такими силами финская авиация выполнила 5693 самолето-вылета и нанесла противнику огромные потери.

Уже 14 февраля 1940 г. начальник Главного управления ВВС Смушкевич в письме № 487821 на имя наркома обороны Ворошилова предлагал выделить *«на восполнение убыли самолетов для фронта»* 800 боевых самолетов (ДБ-3—180; СБ—320; И-16—100; И-153—200) [66]. Безвозвратные потери советской авиации (причем потери, посчитанные не по докладам финских летчиков и зенитчиков, а по рассекреченным документам советских архивов!) составили порядка 600–650 самолетов, из которых не менее половины сбито противником, а остальные потеряны в результате аварий [52, 64]. Безнадёжно устаревшие (вернем советским «историкам» это их любимое выражение) «фоккеры» сбили (по финским данным) 120 самолетов советских ВВС, потеряв в воздушных боях только 10 своих истребителей [52]. В целом же, при финальном соотношении численности авиационных группировок 26 к 1, соотношение боевых потерь составило 8 к 1 в пользу крохотной финской авиации!

Самолет-истребитель не является единственным противником бомбардировщика. Есть еще и зенитная артиллерия. Правда, попасть неуправляемым снарядом в самолет, летящий на большой высоте и с огромной скоростью, почти невозможно. Ничтожную вероятность попадания приходится компенсировать большим числом зенитных орудий и колоссальным расходом боеприпасов. Например, по состоянию на 22 июня 1941 г. в советских Вооруженных силах числилось 7200 (семь тысяч двести) зенитных орудий среднего калибра (76 мм и 85 мм) и 1400 зениток малого калибра (37-мм и 40-мм) [9]. В частности, на вооружении войск Московской зоны ПВО было 779 зенитных орудий среднего и 248 малого калибра, на вооружении войск Ленинградской зоны ПВО было 864 орудия среднего и 16 пушек малого калибра [54, 56]. К началу войны было накоплено 5,03 млн. зенитных выстрелов калибра 76 мм и 0,495 млн. зенитных выстрелов калибра 85 мм [74]. План производства боеприпасов на 1941 год, утвержденный на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 14 февраля 1941 г., предусматривал изготов-

ление 5 млн. зенитных выстрелов калибра 85 мм и 76 мм [75]. Все советские и многие современные российские историки оценивают эти количества как совершенно недостаточные. Так, авторы авторитетнейшего статсборника пишут: *«Красной Армии в начале войны явно не хватало зенитных средств. В результате наши войска оказывались беззащитными при ударах противника с воздуха...»* [9].

«Беззащитными при ударах противника с воздуха...» Финляндия встретила войну с Советским Союзом, имея на вооружении **38 (тридцать восемь) зенитных орудий среднего калибра** (76-мм «Бофорс» М/29) с боезапасом 188 выстрелов на одно орудие и 53 (пятьдесят три) малокалиберных 40-мм «Бофорс» М/38. К концу войны, благодаря срочным закупкам за рубежом, численность финской зенитной артиллерии указанных калибров возросла до 81 и 100 орудий соответственно. Для сравнения отметим, что на одной только военно-морской базе Краснознаменного Балтфлота в Кронштадте было 48 зенитных орудий калибра 76 мм и 8 зениток калибра 85 мм, и все это – лишь в дополнение к мощнейшей корабельной артиллерии [106].

Учитывая, что досягаемость по высоте малокалиберной зенитной артиллерии тех лет не превышала 2–3 км, ее использование имело смысл только для защиты боевых порядков войск от вражеских штурмовиков и низколетящих бомбардировщиков. Для обороны же городов Финляндия фактически имела лишь полсотни 76-мм зенитных орудий. Проще и точнее говоря – большая часть тыловых объектов Финляндии вообще не имела никакого зенитного прикрытия, и советские бомбардировщики могли действовать над ними, как на учебном полигоне. В таких-то условиях *«советской авиации не удалось ни сковать транспорт, ни помешать работе военной промышленности»*. Более того, финские зенитчики заявили об уничтожении 314 советских самолетов. Даже с учетом того, что эта цифра завышена примерно вдвое, эффективность финской зенитной артиллерии следует оценить как невероятно высокую. Так, расход боеприпасов составил всего 168 снарядов 76 мм на один сбитый (сбитый по финским данным) самолет [52]. Это феноменальный показатель. Прodelав простейший расчет, читатель сможет убедиться в том, что если бы хотя бы **одна десятая от 5,5 млн. советских зенитных снарядов была израсходована с такой же результативностью**, то вся группировка люфтваффе на Восточном фронте была бы уничтожена до последнего самолета, одной только зенитной артиллерией, без помощи истребителей...

В холодных водах Балтики также не было обнаружено никакой «плавающей линии Маннергейма». Тем не менее, результативность действий Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) оказалась изумительно низкой. К слову сказать, сам Маннергейм, выразив удивление тем, что *«русские для борьбы с нашим судоходством не сосредоточили легкие силы флота в портах Балтики»*, объясняет это в мемуарах тем, что *«они с самого начала рассчитывали на «молниеносную войну»*. В данном случае маршал ошибся. Планы и намерения советского военно-политического руководства были самые серьезные и далекоидущие. Уже 26 октября 1939 г. (это не опечатка, именно октября!), в то время, когда в Москве с финской делегацией еще велись «мирные переговоры» по вопросу передачи Советскому Союзу нескольких островков в Балтийском море и небольшой «передвижке» границы на Карельском перешейке, Военный совет КБФ издал директиву № 1 оп/575сс. В ней 2-й бригаде подводных лодок приказывалось выйти на позиции на случай *«ведения неограниченной подводной войны против Финляндии»*, а также для разведки *«за развертыванием и действиями шведского (и это тоже не опечатка) флота»* [57].

12 ноября, задень до того, как советско-финляндские переговоры окончательно зашли в тупик, Военный совет КБФ в директиве № 1 оп/606сс поставил подводным силам флота уже вполне конкретные задачи:

«– уничтожить финские броненосцы береговой обороны;

– вести разведку разворачивания и деятельности шведского флота;
– прекратить подвоз снабжения в Финляндию через Балтийское море и из портов Швеции через Ботнический залив».

23 ноября 1939 г. приказ командующего КБФ № 5/оп еще раз, в самых категорических выражениях, сформулировал задачи флота: *«Прервать морские коммуникации Финляндии, не допуская подвоза извне войск и боевого снаряжения, уничтожить броненосцы береговой обороны и подводные лодки противника в море и заливе, не допуская их уход в территориальные воды Швеции»* [57].

Через неделю началась война. Первым делом выяснилось, что из 49 подводных лодок, входивших в боевой состав КБФ, к участию в военных действиях способны только 27 (55 % от общего числа). Потопив по ошибке эстонский пароход «Кассари» (в нейтральных водах, вне объявленной зоны морской блокады), подводные силы КБФ не смогли, однако, выполнить ни одну из поставленных перед ними задач. 26 декабря 1939 г. нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов в своей директиве № 4747 констатировал, что действия подводных лодок по блокаде Финляндии являются пассивными, и потребовал от командиров *«действовать более решительно, с должным риском»*. В тот же день командующий КБФ В.Ф. Трибуц отправил командирам дивизионов подводных лодок радиogramму следующего содержания; *«т. Сталин требует решительной, смелой, дерзкой борьбы с противником на коммуникациях, подходах к портам и в самих портах...»* [57].

В первых числах февраля 1940 г., вследствие небывалых холодов, большая часть Балтики покрылась льдом, что сделало невозможным продолжение боевых действий флота. Наступило время подведения итогов. Они оказались обескураживающими. Игнорируя объявленную «морскую блокаду», в порты Финляндии с начала ноября 1939 г. до середины января 1940 г. благополучно прошло 349 (триста сорок девять) транспортных судов. Из 27 подводных лодок КБФ хотя бы один раз атаковали противника только восемь. 19 подводных лодок Краснознаменного Балтфлота так и не смогли за два месяца хотя бы один раз обнаружить и атаковать транспорт противника. И это не в безбрежных просторах Атлантики, а в узкой «горловине» Финского залива (максимальное расстояние от финского до советского берега не более 80–100 км). Восемь подводных лодок атаковали в общей сложности 11 судов, из которых 10 не имели охранения и какого-либо вооружения. Из 11 атакованных судов потоплено всего 5 (пять), включая злополучный эстонский «Кассари». Два транспорта были потоплены торпедами, при этом было израсходовано 11 торпед. Три безоружных парохода были потоплены артиллерийским огнем (более чем странное применение подводных лодок!), при этом было израсходовано 6 снарядов калибра 100 мм и 602 снаряда калибра 45 мм [57].

Таким образом, **почти не встречая вооруженного противодействия** ни в море, ни в небе над Балтикой, подводные силы КБФ **смогли потопить лишь 1,1 % от общего числа прошедших в порты Финляндии транспортов**. Такая вот получилась «морская блокада». Что же касается задачи *«уничтожить финские броненосцы береговой обороны»*, то эти корабли (а их и было ровно два: «Ильмаринен» и «Вяйнямёйнен») остались целы и невредимы, несмотря на все усилия Краснознаменного Балтфлота и его бомбардировочной авиации. Остается предположить, что имена героев древних сказаний «Калевалы», данные финским броненосцам, спасали их от гибели...

Теперь мы можем вернуться к легенде о супермощной и почти непреодолимой «линии Маннергейма». Вот как выглядит характерный фрагмент этой «ненаучной фантастики» в блестящем исполнении талантливого публициста В. Суворова:

«Линия Маннергейма» строилась как абсолютный рубеж со стопроцентной гарантией непреодолимости...В ее строительстве участвовали лучшие инженеры-фортификаторы мира... За бескрайними минными полями, за противотанковыми рвами и гранитными

надолбами, за железобетонными тетраэдрами и проволочными заграждениями в десять, двадцать, тридцать, сорок семь рядов густой колючей проволоки на металлических кольях, так вот, за этими заграждениями – железобетонные казематы: три, четыре, пять этажей под землю, перекрытия – полтора-два метра фортификационного железобетона, напольные (это значит «обращенные к полю боя». – М.С.) стенки прикрыты броневыми плитами, все это завалено многотонными гранитными валунами и засыпано грунтом... Внутри у них, в каждом каземате – склад боеприпасов и топлива, внутри – теплые спальные помещения, комната отдыха, и кухня, и столовая, и туалет, и водопровод, и электростанция, узлы связи, госпитали – все под землей, все под бетоном... Финские солдаты знают, что в случае ранения их ждет операционная палата глубоко под землей, там чисто, сухо и опять же – тепло...» [58].

Многое в этом тексте вполне соответствует действительности. В частности – проволока, рвы и надолбы. Остается только разобраться в том, что все это означает на практике.

Есть такое мудрое высказывание: «Генералы готовятся к прошлой войне». Это правило как нельзя лучше подходит к оценке линии долговременных финских укреплений на Карельском перешейке. «Сорок семь рядов густой колючей проволоки на металлических кольях», про которые с таким восхищением пишет В. Суворов, равно как и эшелонированные на глубину в 90 км ряды пулеметных дотов, представляли собой поистине непреодолимую преграду для пехоты и конницы эпохи Первой мировой и Гражданской войн. Впрочем, большая (две трети) часть оборонительных сооружений была построена в 1921–1924 годах, когда ничего более опасного, нежели кавалерийская лава конницы Буденного, на южных рубежах Финляндии и не ожидалось. К слову говоря, с 1919 по 1931 год сам Карл Густав Маннергейм никаких официальных должностей в военном ведомстве Финляндии не занимал, так что его «авторство» на эти сооружения является еще одним мифом. Но главное, разумеется, в другом – к зиме 1939 года пресловутая «линия Маннергейма», так и не успев сделать ни одного выстрела по неприятелю, уже безнадежно устарела. Причин этому было ровно две. **Одна из них называется «танк», другая – «самолет».**

Самый массовый легкий советский танк Т-26 был действительно «легким» – но только по сравнению с другими танками, средними и тяжелыми. Весил же он 9750 кг (были и более увесистые модификации), и эта стальная махина на гусеничном ходу могла порвать семь, сорок семь или сто сорок семь рядов «густой колючей проволоки» с той же легкостью, с какой Гулливер порвал тоненькие ниточки, которые в понятиях «связавших» его лилипутов были толстыми канатами. Расчистив местность от «густой проволоки» и попутно выворотив из земли злополучные «металлические колья», легкий танк Т-26 мог подойти к доту вплотную – так как пулеметные пули ружейного калибра способны были лишь высекать искорки на его 15-миллиметровой броне. Дальше было два возможных варианта действий, в зависимости от того, какой это был танк и как были расположены амбразуры в доте. Обычный («линейный») Т-26 мог несколькими выстрелами бронебойным 45-мм снарядом разбить бронезаслонку на амбразуре дота, вывести из строя пулемет и стрелков. Огнеметный («химический») вариант танка Т-26 (ОТ-130) мог вылить на амбразуру, смотровые щели и воздухозаборники дота 360 литров огнесмеси КС. Всего лучше было бы действовать поочередно: сначала линейный танк разбивает бронезаслонки, затем огнеметный танк выжигает внутренности бетонной коробки. Был еще и третий, самый гуманный способ нейтрализации пулеметного дота: танк подъезжает к амбразуре и просто закрывает ее своим бронированным корпусом.

Вот поэтому с появлением на поле боя массы танков **укрепрайон, лишенный мощного противотанкового вооружения, потерял свою былую ценность.** Другими словами, пулеметные доты необходимо было дополнить (именно дополнить, а не заменить – для борьбы с пехотой и конницей противника скорострельный пулемет достаточно эффективен) дотами с артиллерийским вооружением. Что прекрасно понимали советские командиры и инженеры-фортификаторы. Так, уже в составе 13 укрепрайонов 1-й очереди (постройки 1928–

1937 гг.) уже были артиллерийские огневые сооружения. Правда, было их очень мало (в среднем не более 9 % от общего числа дотов, да и вооружены они были устаревшими «трехдюймовками» начала XX века).

Например, в составе Могилев-Ямпольского УРа было 279 пулеметных дотов, и 18 оружейных полукапониров [60]. В Минском УРе на фронте в 160 км стояло 242 пулеметных дота (одно-, двух- и трехамбразурных), 9 дотов противотанковой обороны с вращающимися башнями танка Т-26, 16 оружейных полукапониров на два 76,2-мм орудия и один 4-орудийный капонир. Летичевский УР (Украина) на фронте в 122 км имел 354 дота, в том числе 11 артиллерийских. Примечательно, что летом 1941 г. командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин оценил эти 343 пулеметных дота (без малого три на один километр фронта!) словами: «УР невероятно слаб» [50].

Во второй очереди укрепрайонов (постройки 1938–1940 гг.) доля артиллерийских сооружений поднялась до 22–22 %. Наконец, укрепрайоны на «новой» (образца 1939–1940 гг.) советской границе (так называемая «линия Молотова») на 40–45 % состояли из дотов с артиллерийским вооружением. Причем в качестве этого вооружения использовались уже не старые, списанные пушки, а новейшие полуавтоматические артсистемы с великолепной перископической оптикой.

Разумеется, молодая Финляндская республика с ее тощим военным бюджетом (и отсутствием многомиллионной армии бесплатной рабсилы из заключенных ГУЛАГа) не могла позволить себе и малой толики такой роскоши. В 1921–1924 годах было построено 168 бетонных сооружений всех назначений, в т. ч. 114 простейших одноэтажных, одноамбразурных пулеметных дотов и только 7 дотов – артиллерийских. От крайней бедности доты строились из бетона марки 350–450 (советские стандарты требовали использования в фортификационных сооружениях бетона марки 750 и выше) и с «гибким армированием» (т. е. вместо прочной стержневой арматуры использовалась обыкновенная проволока). В ходе боев по прорыву «линии Маннергейма» некоторые доты были разбиты 40-кг снарядами 152-мм гаубиц, хотя «лучшие инженеры-фортификаторы мира» проектировали их с расчетом на сопротивляемость прямому попаданию 100-кг снаряда 203-мм гаубицы. Пучки проволоки, торчащие из обломков бетонных глыб, отлично видны на современных фотографиях развалин дотов [62].

Большая часть дотов располагались на поверхности, и лишь некоторые из них были частично врезаны в склоны холмов и складки местности. Никаких «трех, четырех, пяти этажей под землей» не было и в помине. Причина этого очень простая: на Карельском перешейке грунт либо скальный, либо, напротив, очень близки к поверхности грунтовые воды, либо дот вообще приходилось строить на болоте.

В 1930 г. началось строительство второй очереди сооружений «линии Маннергейма». Это были уже вполне добротно сделанные, но по-прежнему пулеметные (двух- или трехамбразурные) доты. Всего же в тот период было построено или реконструировано (в частности, путем установки тех самых бронеплит на напольных стенах, о которых пишет В.Суворов) 48 дотов. Наконец, в 1937–1939 гг. было построено несколько (в разных источниках называются разные цифры: от 5 до 8) крупных многоамбразурных фортов (так называемые доты-«миллионники»), в каждом из которых размещалось несколько пулеметов и 1–2 орудия калибра 75 мм или 155 мм. Общее количество дотов на всех оборонительных рубежах протяженностью по фронту в 135 км не превышало 170–200 [61,62,63].

Точную цифру назвать трудно, так как разные авторы по-разному учитывают огневые и вспомогательные сооружения, включают или не включают в общий перечень укрепления Выборга и береговых батарей Тайпале (восемь 120-мм и 155-мм орудий) и Койвисто (двенадцать 155-мм и 254-мм орудий). Стоит отметить, что только этим батареям сам Маннергейм дал высокую оценку: *«Единственными укрепленными сооружениями, о которых стоит упомянуть, были форты береговой артиллерии, прикрывавшие фланги главной оборонительной*

линии на берегу Финского залива и Ладожского озера». Впрочем, даже тяжелое морское орудие способно вести прицельный огонь по танкам лишь в пределах прямой видимости, т. е. на удалении не более 1,5–2 км, в то время как 100 км пространства между этими фортами почти повсеместно не было прикрыто огнем укрытых в бетонные казематы противотанковых пушек.

Полутораметровый слой снега, каковой, по рассказу В. Суворова, изумил электронные мозги английского суперкомпьютера и лег непреодолимым препятствием на пути советских танков, появился отнюдь не в первый день, и даже не в первый месяц войны. Обратимся еще раз к мемуарам Маннергейма: *«У противника было техническое преимущество, предоставленное ему погодой. Земля замерзла, а снега почти не было. Озера и реки замерзли, и вскоре лед стал выдерживать любую технику... К сожалению, снежный покров продолжал оставаться слишком тонким, чтобы затруднять маневрирование противнику»*. На вооружении финских пехотных дивизий противотанковые пушки были, но в мизерных количествах (*«в последний момент мы получили на вооружение 37-мм противотанковые орудия «Бофорс». Их сейчас в распоряжении армии насчитывалось примерно с сотню»*) [22].

Фактически главным средством противотанковой обороны «линии Маннергейма» были пассивные заграждения: рвы, контрэскарпы, гранитные глыбы и надолбы. Это, конечно, лучше, чем ничего. И это вполне соответствовало представлениям военной науки 20-х годов. Но при массированном применении танков и артиллерии разрушение таких заграждений является лишь вопросом времени. Причем весьма непродолжительного времени, что летом 1941 года наглядно продемонстрировали танковые части вермахта, стремительно преодолевшие бесконечные ряды противотанковых рвов на советской территории. И это несмотря на наличие на вооружении Красной Армии 14 900 противотанковых пушек [9].

Только грустную улыбку могли вызвать у финских ветеранов «зимней войны» восторженные рассказы В.Суворова про «теплые спальные помещения, комнаты отдыха, столовые, электростанции, узлы связи, госпитали под землей, в тепле и чистоте». Доты первой очереди постройки (а это две трети от общего количества!) представляли собой бетонную коробку безо всякого внутреннего оборудования. В них не было ни электричества, ни водопровода, ни отхожего места, ни склада топлива для печки. На амбразурах не было бронезаслонок (так что «разбивать» броневой снарядом было нечего, можно было с ходу заливать внутренности дота огнесмесью...), входные двери были деревянные, в лучшем случае обитые листовым железом (такую дверь можно было выбить не только близким разрывом гаубичного снаряда, но даже связкой гранат). Телефонная связь с соседями и то была не в каждом доте, перископов наружного наблюдения не было вовсе. Самое существенное – в дотах не было принудительной вентиляции, и в безветренный день помещение за считанные минуты стрельбы заполнялось удушливой пороховой гарью. Только в крайне малочисленных «миллионниках» было кое-что из того, о чем пишет В.Суворов. Например, такое «чудо техники», как вентиляционная установка с ручным (!) приводом [31, 33, 61, 62, 63].

Примитивное оборудование и вооружение, слабость противотанковой обороны были характерной особенностью именно финской линии долговременной фортификации. Но и гораздо более совершенные «линия Мажино» и «линия Сталина», «Атлантический вал» и «Западный вал» не оправдали возлагавшихся на них надежд. И это не случайно, также как не случайно и то, что после Второй мировой войны дорогостоящее строительство «китайских стен» было навсегда прекращено. Чтобы понять причины этого, надо вернуться в исходную точку, в начало 20-го столетия, и разобраться в том, откуда вообще взялась в тот период идея стационарной обороны.

Самое массовое «трехдюймовое» орудие полевой артиллерии (например, советская дивизионная пушка ЗИС-3) весит 1,2 тонны и выбрасывает осколочно-фугасный снаряд весом в 6,2 кг. Снаряд «шестидюймовой» (152 мм) гаубицы весит уже 40–45 кг. Но и вес самой гаубицы составляет порядка 4 тонн. Для транспортировки такого орудия по пересеченной местно-

сти нужен трактор (гусеничный тягач) или, по меньшей мере, шестерка крепких «артиллерийских» лошадей; 203-мм снаряд советской гаубицы образца 1931 г. весил 100 кг, при этом вес самого орудия составлял 17,5 тонны. Такой калибр и вес можно считать практически предельными для орудий полевой артиллерии. Да, с точки зрения технологии производства возможно изготовление орудий гораздо большего калибра (вплоть до 14—15-дюймовых) весом в сотни тонн. Но такие орудия устанавливались только на тяжелых крейсерах и линкорах. Использовать их на суше мешала как ограниченная грузоподъемность мостов, так и закон синуса, в соответствии с которым уже при подъеме в горку с углом подъема всего в 30 градусов требуется тяговое усилие равное половине веса. Наглядной иллюстрацией ко всему сказанному могут служить цифры, характеризующие выпуск артиллерийских орудий в СССР. За четыре года Великой Отечественной войны Красная Армия получила 68,8 тыс. орудий калибра 76,2 мм, 5 тыс. пушек и гаубиц калибра 152 мм и всего 100 (сто) гаубиц калибра 203 мм [9]. Артсистемы большего калибра были сняты с производства еще до начала войны.

Наличие объективного предела для наращивания веса снарядов полевой артиллерии открывало – как показалось многим военным специалистам – возможность для создания практически неуязвимых долговременных огневых точек (дотов). Оставалось только рассчитать потребную толщину и марку железобетонного перекрытия, которое могло бы выдержать многократные попадания снарядов весом в 50—100 кг. Увлечшись этими расчетами, военные инженеры поначалу не обратили внимания на легкое жужжание, доносившееся с неба. По небу летел самолет-бомбардировщик, который даже в своих первых, фанерно-брезентовых образцах без труда поднимал 100-кг бомбу. В конце 30-х годов легкие двухмоторные бомбардировщики (советский СБ, английский «Бленхейм») поднимали бомбы единичным весом до 500 кг. Средний двухмоторный бомбардировщик ДБ-3 брал бомбу ФАБ-1000, его ровесники, английский «Веллингтон» и немецкий «Хейнкель-111», поднимали бомбы единичного веса в 1814 и 1800 кг соответственно. Тяжелый четырехмоторный ТБ-7 в перегрузочном варианте способен был взять 5-тонную бомбу, а в огромный бомбоотсек английского стратегического «Ланкастера» поместили даже специально разработанную сверхтяжелую 10-тонную бомбу [76].

С появлением боеприпасов такой мощности извечное соревнование «меча и щита» было окончательно и бесповоротно решено в пользу «меча». Строго говоря, потратив невообразимое количество бетона и стальной арматуры, можно построить дот, способный выдержать прямое попадание 5-тонной бомбы, но никакая страна не может позволить себе транжирить ресурсы на строительство «рукотворных горных хребтов»...

Так выглядит теория долговременной инженерной фортификации в самом кратчайшем изложении. Обратимся теперь к практике.

Летом 1941 года вдоль западной границы Советского Союза, от Балтики до Черного моря, протянулись следующие укрепрайоны: Тельпийский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский. На глубине в 200–250 км от них, за линией «старой» границы 1939 года располагались укрепрайоны «линии Сталина»: Кингисеппский, Псковский, Островский, Себежский, Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский. Количество дотов в составе одного УРа было различным и находилось в диапазоне от 206 до 439.

По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащенности специальным оборудованием (фильтро-вентиляционные установки, проводная и радиосвязь, электрооборудование, оптические приборы) **любой из этих дотов по меньшей мере не уступал** оборонительным сооружениям «линии Маннергейма». Примерно половина советских укреп-

прайонов были построены на берегах полноводных рек (Неман, Западная Двина, Буг, Днестр, Прут), что создавало дополнительную преграду для наступающего противника.

Результат известен. Через некоторые из вышеперечисленных УРов немцы прошли, даже не обратив внимания на опустевшие коробки брошенных при паническом бегстве дотов. Через другие – прорывались с боями. Как правило, сражения эти продолжались **не более двух-трех дней**. Особенно ожесточенные бои разгорелись в первые дни войны на линии новой границы: гарнизоны некоторых дотов Гродненского, Рава-Русского, Перемышльского укрепрайонов отчаянно сопротивлялись вплоть до 26–27 июня 1941 г. 3-я рота 17-го артпульбата Брестского УРа удерживала четыре дота на берегу Буга, у местечка Семятыче, до 30 июня. За редкими исключениями, немецкие танки обходили огневые сооружения укрепрайонов, не втягиваясь в затяжные и чреватые большими потерями бои.

Авиация люфтваффе (численность которой на тысячекилометровом фронте от Риги до Одессы была меньшей, чем число самолетов советских ВВС над Карельским перешейком в феврале 1940 г.) прокладывала огнем дорогу наступающим танковым дивизиям вермахта и к борьбе с дотами привлекалась лишь эпизодически. Огневые сооружения «линий Молотова и Сталина» быстро и уверенно разрушались совместными действиями артиллерии и специальных штурмовых групп немецкой пехоты. Артиллерия (включая зенитную и противотанковую) вела прицельный огонь по амбразурам дотов, подавляя их огонь. Тем временем штурмовые группы приближались к дотам вплотную и проламывали стены и перекрытия мощными фугасными зарядами. Как верно заметил А. Исаев: *«Механизм армии 20-го столетия без задержек перемолол бетонные коробки с пулеметами»* [50].

Зимой 1939/1940 г. командование Красной Армии сосредоточило на Карельском перешейке колоссальные силы.

Уже в первые десять дней войны в бой было введено девять стрелковых дивизий и шесть танковых бригад, 200 тыс. человек, 1,5 тыс. орудий и минометов, более 1000 танков и бронемашин. К началу «второго генерального наступления» (6 февраля 1940 г.) в составе войск Северо-Западного фронта, развернутого на Карперешейке, были включены двадцать одна стрелковая дивизия (7,24,42,43,51,70,80,90,100,113,123 и 138-я в 7-й армии; 4,8,17,49,50,62,136,142 и 150-я в 13-й армии). Помимо многочисленной дивизионной и корпусной артиллерии в составе фронта было 13 полков и 4 дивизиона артиллерии БМ (большой мощности). Всего 5,8 тыс. орудий и минометов (включая 767 пушек и гаубиц калибра 152 мм, 96 гаубиц калибра 203 мм и 28 сверхтяжелых 280-мм мортир, бросающих снаряд весом в 286 кг). В течение января-февраля 1940 г. в Ленинградский военный округ и на аэродромы Эстонии было перебазируется дополнительно 29 авиаполков, в т. ч. 3 тяжелобомбардировочных и 5 дальнебомбардировочных [77].

Но и это еще не было пределом возможностей великой державы, армия которой должна была спасти от позорного конфуза самого великого Сталина. В марте 1940 г. на фронте войны с «ничтожной блохой» было развернуто 58 дивизий [20]. В частности, на Карельском перешейке было сосредоточено более полумиллиона человек, 114 тыс. лошадей, 40 тыс. автомобилей, 7,1 тыс. орудий и минометов. Количество танков превысило 3 тысячи [9, 33]. Даже если вычесть из этого числа 492 легкие плавающие танкетки Т-37/Т38, получается, что на один дот «линии Маннергейма» в среднем наступало более 10 советских танков.

Сосредоточив такую подавляющую мощь, советское командование могло использовать – и использовало в реальности – все мыслимые способы прорыва укрепрайона. Авиация в ходе 19,5 тыс. самолето-вылетов сбросила на доты «линии Маннергейма» **10,5 килотонны бомб** (цифра, как видим, вполне эквивалентная мощности тактических ядерных боеприпасов, с той только разницей, что 10-килотонная атомная бомба создает сверхвысокое давление в одной-единственной точке, а тысячи фугасных бомб «накрывали» полосу укрепрайона гораздо шире и эффективнее).

«Не каждая бомба может точно попасть в цель, – докладывал на Совещании высшего комсостава командующий ВВС Северо-Западного фронта Е.С.Птухин, – но если бомба в 500 кг упадет рядом с дотом – это тоже действует морально и материально. Мы знаем случаи, когда бомба попадала рядом с дотом, а из дота вытаскивали людей, у которых из носа и ушей кровь шла, а часть совершенно погибала... У нас летало днем по 2,5 тыс. самолетов и ночью 300–400 самолетов... Посмотрите на Выборг – от него ничего не осталось. Город полностью разрушен» [20].

Советская артиллерия сутки напролет долбила бетонные коробки снарядами тяжелых гаубиц, **в отдельные дни на финские укрепления обрушивалось до 230 тыс. снарядов**. Неуязвимые для пулеметного огня танки подвозили на бронированных санях к стенам дотов саперов и фугасные заряды. Если бы при таком неравенстве в силах и средствах «линия Маннергейма» продержалась хотя бы одну неделю, это уже следовало бы назвать величайшим достижением. На большее перед войной не рассчитывал и сам маршал Маннергейм. В.Таннер в своих мемуарах так передает его мнение, высказанное в октябре 1939 г., накануне начала московских переговоров: *«Финляндия даже теоретически не могла вести войну: вооружение армии было недостаточным и устаревшим, боеприпасов хватило бы самое большее на две недели военных действий» [23].* Финны же сдерживали натиск бронированной орды целых три месяца! Вот к этому чуду вполне применимы слова В. Суворова про *«блистательную победу, равной которой во всей предшествующей и во всей последующей истории нет...»*.

И все же главное чудо произошло поздним вечером 12 марта 1940 г. К этому моменту общие потери финской армии (убитые и раненые) превысили 68 тыс. человек, т. е. составляли примерно 40 % от первоначальной численности действующей армии [22]. Оставшиеся в строю были предельно утомлены безостановочными боями без возможности смены и отдыха. Отступление финской армии к Выборгу (от вершины «треугольника» Карельского перешейка к его основанию) означало многократное увеличение протяженности фронта, который приходилось удерживать тающими на глазах силами. Соотношение сил сторон на Карельском перешейке в начале марта было таким: **6,5 к 1 в личном составе, 14 к 1 в артиллерии, 20 к 1 в авиации** [33]. Но даже и эти потрясающие воображение цифры не отражают всю безнадежность ситуации, в которой находилась Финляндия: в резерве у командования Красной Армии были сотни тысяч солдат, многие тысячи танков и самолетов, и оно могло непрерывно наращивать численность своей группировки вплоть до любого потребного уровня, в то время как у Маннергейма оставалось 14 последних батальонов плохо обученных резервистов [22]. Именно такой была обстановка на фронте в то время, когда 8 марта 1940 г. в Москве начались переговоры, завершившиеся в ночь с 12 на 13 марта подписанием мирного договора, в соответствии с которым боевые действия прекращались 13 марта в 12 часов дня.

Напоследок сталинское руководство успело совершить еще одно преступление против советского и финского народов. По условиям мирного договора город Виипури (Выборг) отходил к Советскому Союзу. Тем не менее, поздним вечером 12 марта части 7-й и 95-й стрелковых дивизий 7-й армии получили приказ взять город штурмом. Никто из красных командиров, прошедших жуткую «школу 37-го года», не решился воспрепятствовать этому безумию. Массовое и лишенное всякого военного (да и любого иного) смысла убийство советских и финских солдат, мирных жителей Выборга продолжалось вплоть до последних минут установленного договором срока прекращения огня. Полностью «овладеть» городом, который формально-юридически уже стал советским, так и не удалось. В 12 часов дня по финскому радио выступил министр иностранных дел В. Таннер и сообщил гражданам о подписании мирного договора. В 15 часов 30 минут финские войска спустили государственные флаги с крепости и вокзала Выборга и организованно покинули город. Война закончилась.

Глава 1.4 Почему Сталин помиловал Финляндию

Война закончилась. Измученные, смертельно уставшие люди, еще не до конца поверившие в то, что именно им посчастливилось выжить, выходили из лесов, блиндажей и землянок. Бдительные «органы» вынуждены были фиксировать случаи стихийного братания. А затем по обе стороны бывшего фронта начался непростой процесс осмысления итогов жестокого противостояния.

14 марта 1940 г. 72-летний маршал Маннергейм подписал свой последний приказ «зимней войны»:

«Солдаты славной армии Финляндии!

Между нашей страной и Советской Россией заключен суровый мир, передавший Советскому Союзу почти каждое поле боя, на котором вы проливали свою кровь во имя всего того, что для нас дорого и свято. Вы не хотели войны, вы любили мир, работу и прогресс, но вас вынудили сражаться, и вы выполнили огромный труд, который золотыми буквами будет вписан в летопись истории...

Солдаты! Я сражался на многих полях, но не видел еще воинов, которые могли бы сравниться с вами. Я горжусь вами так, как если бы вы были моими детьми... Я одинаково горжусь жертвами, которые принесли на алтарь Отечества простой парень из крестьянской избы, заводской рабочий и богатый человек...» [22].

С нескрываемой гордостью Маннергейм в своих мемуарах пишет, что этот приказ «передали по радио и вывесили на стенах всех церквей страны».

Маршал Ворошилов не сказал своим бойцам и командирам ничего подобного. И это не только потому, что малограмотный сталинский «выдвиженец» был лишен литературного таланта... Тем не менее, пропагандистская машина продолжала работать и с натужным скрипом штамповала новые «правды». Про «народное правительство господина Куусинена», про «границу со Швецией не переходить», про «красное знамя над президентским дворцом в Хельсинки» временно забыли. Оказывается, война велась из-за того, что «белофинны, надеясь на свои укрепления, хотели забрать Советский Союз до Урала, но Красная Армия все их укрепления разбила, и они, видя свою гибель, пришли к СССР с просьбой заключить мир». Эти слова в качестве характерного примера «здоровых высказываний основной массы красноармейцев» приводил в своем докладе от 18 марта 1940 г. начальник Особого отдела ГУГБ НКВД по Ленинградскому военному округу майор госбезопасности Сиднев [78].

Следом за обозами Красной Армии двигались тучные стада «инженеров человеческих душ», т. е. прикормленных партийных журналистов и писателей, спешивших восславить новые успехи советской власти: «...Знаменитый центр мракобесия, Валаамский монастырь прекратил свое существование... Документы монастырского архива убедительно показывают, что деятельность монастыря за последние два десятилетия превратилась в одно из важных звеньев в комплексе мероприятий, предпринимавшихся империалистами разных стран для создания плацдарма для нападения на СССР... Представители Красной Армии вывесили на колокольне Преображенского собора кумачовое полотнище флага. В аудитории, где сотни лет раздавались лишь гнусавые проповеди черноризцев, полным голосом зазвучала человеческая речь – бригадный комиссар Кадишев прочел перед красноармейцами доклад о международном положении...

...Мы заходим в большое трехэтажное здание, на крыше которого сверкают буквы «Кино». Здесь в свое время белогвардейцы демонстрировали антисоветские фильмы, а в фойе митинговали, призывая к крестовым походам на Ленинград и Урал... На улице, примыкавшей к центральному проспекту, помещалась русская библиотека. Здесь собирался так назы-

ваемый «кружок чтения», где догнивающая белогвардейщина поднимала свой дух антисоветскими беседами и чтением замусоленных книг...» [112].

Увы, дух «догнивающей белогвардейщины» никак не выветривался до конца. Упомянутый выше майор ГБ Сиднев вынужден был отметить в своем докладе *«имевшие место со стороны отдельных бойцов и командиров вылазки провокационного и пораженческого характера»*. Из приведенных т. Сидневым примеров следует, что, несмотря на жесточайший террор и непрерывную агитационную трескотню, далеко не все советские люди потеряли способность к адекватному восприятию пережитого и увиденного:

«— сколько людей погибло, а нам дадут только болота. Ведь все страны будут над нами смеяться, потому что мы даже маленькое государство и то не смогли победить...»

— хорошо, что заключили мирный договор с Финляндией, а то бы белофинны угробили половину Красной Армии...

— наши генералы, несмотря на то, что сутра 13 марта было известно, что мир заключен, все же начали артподготовку и атаку... Штурм Выборга — это демонстрация желания наших генералов принести лишние жертвы...

— вся война с Финляндией свелась к тому, что СССР присоединил кусок земли и понес сотни тысяч жертв...

И что совсем уже не понравилось т. Сидневу — в огне боя и в слепящей пелене снежной выюги красноармейцы успели все же разглядеть кусочек другой жизни: *«Белофинны живут лучше нашего, у них у всех хорошие дома, а у наших колхозников нет ни у кого таких домов, даже баня у финнов много культурнее и лучше, чем дом колхозника»* [78].

Одним словом, командующий 13-й армией комкор Грендаль имел все основания сокрушаться о том, что *«политическое воспитание нашего бойца заставляло желать много лучшего. Приходилось читать сводки особых органов, и выявлялась масса сволочи, отдельные моменты контрреволюционного характера... Над нашим бойцом нужно еще как следует поработать. 22 года существования Советской власти еще не вправили некоторым мозги»* [20].

Неотложные задачи и планы «вправления мозгов» обсуждались на совещании по вопросам идеологической работы в Красной Армии, состоявшемся 13 мая 1940 г. Там начальник Главпура (и заместитель наркома обороны по должности) т. Мехлис произнес совершенно восхитительную фразу: *«Столкновение с действительностью размагничивает нашего бойца и командира, привыкшего рассматривать население зарубежных стран с общей, поверхностной точки зрения»* [80]. Не вполне, правда, понятно: где и когда «бойцы и командиры» (в основной своей массе — беспаспортные колхозники, не имеющие ни права, ни возможности переехать в соседний город) приучились рассматривать «население зарубежных стран»? И почему заведомо ложные измышления ведомства Мехлиса насчет «беспросветной нищеты и зверской эксплуатации» должны считаться всего лишь «поверхностной» точкой зрения?

29 марта 1940 г. официальную оценку «текущего момента» дал, выступая на сессии Верховного Совета СССР, глава правительства и нарком иностранных дел В.М. Молотов: *«Известно, что выраженное еще в конце прошлого года стремление Германии к миру было отклонено правительствами Англии и Франции... Под предлогом выполнения своих обязательств перед Польшей они объявили войну Германии. Теперь особенно ясно видно, как далеки действительные цели правительств этих держав от интересов распавшейся Польши или Чехословакии. Это видно уже из того, что правительства Англии и Франции провозгласили своими целями разгром и расчленение Германии... Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще более усилилась, наглядно свидетельствуя, насколько глубоки классовые корни враждебной политики империалистов против социалистического государства»* [73].

Корни, действительно, были очень глубоки. Настолько глубоки, что во всех послевоенных советских учебниках прямо противоположные обвинения в адрес западных держав – обвинения в том, что они недостаточно активно противодействовали «стремлению Германии к миру», бросили Польшу на произвол судьбы и вели пассивную «странную войну», – также обосновывались ссылками на классовую враждебность мировой буржуазии к «первому государству рабочих и крестьян».

Отчитав своих будущих союзников по антигитлеровской коалиции, а также доложив собравшимся чабанам и дояркам о крепнущей с каждым новым актом агрессии дружбе с Гитлером (*«новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность»*), Молотов перешел, наконец, к подведению итогов финской войны: *«Народное правительство Финляндии высказалось за то, что в целях предотвращения кровопролития и облегчения положения финского народа следовало бы пойти навстречу предложению об окончании войны. Тогда нами были приняты (так в тексте, лучше было бы использовать слова «выработаны», «сформулированы») условия, которые вскоре были приняты финляндским правительством... Вскоре состоялось соглашение между СССР и Финляндией. В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что им и было осуществлено... Таким образом, цель, поставленная нами, была достигнута и мы можем выразить полное удовлетворение договором с Финляндией»* [73].

Судя по газетному отчету, последние слова Молотова были встречены бурными аплодисментами собравшихся.

И в самом деле – чего же лучше? Все произошло исключительно в соответствии с пожеланиями широких народных масс. Сначала восставшие из ада капиталистической эксплуатации трудящиеся Финляндии захотели свергнуть правительство «кровавых шутов» и «белофинских маннергеймовских бандитов». Пожалуйста – братский Советский Союз послал им на помощь миллионную армию и высыпал на финские города 55 тысяч фугасных авиабомб. Затем «народное правительство» решило наступить на горло собственной песне и самоликвидировалось. Отлично, поскольку никаких других целей, кроме как помогать во всем «господину» Куусинену, у советского руководства никогда и не было, оно с готовностью пошло навстречу новым пожеланиям трудящихся и прекратило войну.

Смех смехом, но никаких разумных объяснений прекращения войны официально не было названо вплоть до самороспуска самого Советского Союза в декабре 1991 года. Надеюсь, читатель извинит нас за то, что мы не будем относить «укрепление безопасности Ленинграда» (каковое «укрепление» якобы было достигнуто после разрушения полосы укреплений, отделявших Финляндию от СССР) к разряду причин неожиданного прекращения войны...

Главные итоги войны подводили, разумеется, не в Верховном Совете, а совсем в других кабинетах. С 14 по 17 апреля 1940 г. в ЦК ВКП(б) прошло Совещание начальствующего состава Красной Армии, посвященное анализу боевых действий финской войны. В Совещании приняло участие практически все высшее военно-политическое руководство страны (Сталин, Молотов, нарком обороны Ворошилов, заместители наркома Кулик и Мехлис, начальник Генштаба Шапошников, начальник Главного разведывательного управления Проскуров) и несколько десятков командиров в званиях от майора до командарма 2-го ранга (генерал-полковник).

Стенограммы выступлений участников Совещания были рассекречены и опубликованы в конце 90-х годов [20]. Изучение этих документов заставляет пересмотреть многие устоявшиеся стереотипы. Вопреки широко распространенному заблуждению, **Сталин вовсе не был удручен, потрясен или хотя бы просто огорчен уровнем боеспособности своей армии.** По крайней мере, именно такую линию поведения, такой характер обсуждения он задал высокому

собранию. Несмотря на то, что многие участники Совещания говорили о фактах неприглядных и даже трагических, привели массу примеров вопиющего разгильдяйства, неорганизованности, слабого и безграмотного управления на всех уровнях, товарищ Сталин был настроен вполне благодушно. Он отечески журил провинившихся, хвалил Красную Армию в целом, не забывая мягко указать на отдельные недостатки, охотно и много шутил. Обстановка была сугубо семейная – встреча строгого отца с любимыми и любящими сыновьями. Общий настрой трудно передать короткими словами, поэтому мы вынуждены предложить читателю пространственные цитаты.

Курдюмов. Я здесь докладываю с полной ответственностью о том, что воевать при 40-градусном морозе в ботинках, даже не в рваных, и в хороших сапогах, нельзя, потому, что через несколько дней будет 50 % обмороженных... Тут есть закон физиологии, на 5-й день получается такое охлаждение, что независимо от употребления водки, сала сопротивление организма будет понижаться.

Сталин. У товарища Курдюмова.

Сталин. У вас есть один агент в Англии, как его фамилия, Черный, кто он такой?

Проскуров. Он уже здесь, это не агент, а военно-воздушный атташе, комбриг Черный.

Сталин. Он писал, что через несколько дней будет большой налет авиации на нефтепромыслы Баку. Через несколько дней он писал, сообщает подробности. Прошло шесть дней, прошли две-три недели, а дополнений никаких нет.

Проскуров. Он приехал и ничего не мог доложить.

Сталин. И это Черный, человек, которому вы верите... Вы спорите, что он честный человек. Я говорю, что честный человек, но дурак. (Смех).

Оборин. Теперь насчет разведки. Я некоторую претензию предъявляю к разведке. Надо сказать, что у нас агентурная разведка отсутствовала.

Сталин. Ее нет. Есть ли она? Существует ли она? Должна ли она существовать?

Оборин. По-моему, должна. А у нас? Финляндия под рукой, а что она делает, мы не знали. А я уверен, что на это отпускаются деньги? Верно?

Сталин. Три-четыре туриста послать, и все сделают.

Оборин. Хотя я разведчик плохой, но если бы мне дали командировку туда, я бы все высмотрел (смех).

Чуйков. Пробраться к Гусевскому (командир 54-й дивизии 9-й армии) не было никакой возможности, чтобы его проверить, а он врал... Гусевский своими паническими телеграммами вводил нас в заблуждение...

Сталин. Каждый, попавший в окружение, считается героем.

Чуйков. Пробраться не удалось.

Сталин. Пробиваться не хотели... Вокруг окруженных круг суживается, и каждая точка пристреливается, и каждый финн, татарин, китаец пристреляется, если долго сидеть... Значит Гусевский в героях у вас не ходит?

Чуйков. Нет.

Сталин. Слава Богу.

Чуйков. 9-я финская дивизия, которая окружала 54-ю, понесла большие потери. В ней, кроме стариков от 40 лет и выше и женщин, никого не осталось.

Сталин. Но все же окружены были вы, а не старики...

Запорожец. Много было самострелов и дезертирства.

Сталин. Были дезертиры?

Запорожец. Много. (По сводкам Особых отделов НКВД с 25 января 1940 г. по конец войны задержано 3644 дезертира. – М.С.)

Сталин. К себе в деревню уходили или в тылу сидели?

Запорожец. Было две категории. Одна – бежала в деревню, потом оттуда письма писали... Я считаю, что здесь местные органы плохо боролись. Вторая – бежали не дальше обоза, землянок, до кухни. Таких несколько человек расстреляли... Когда появился заградительный отряд НКВД, он нам очень помог... Вот был такой случай в 143-м полку. В течение дня полк вел бой, а к вечеру в этом полку оказалось 105 самострелов. В одном полку 105 человек самострелов.

Сталин. В левую руку стреляют?

Запорожец. Стреляют или в левую руку, или в палец, или в мякоть ноги, и ни один себя не изувечит.

Сталин. Дураков нет. (Смех).

Штерн. Нечего греха таить, товарищи, начинали мы с вами в этой войне не блестяще. И то, что мы добились относительно быстрой, в труднейших условиях, исторической победы над финнами, этим мы обязаны, прежде всего тому, что тов. Сталин сам непосредственно взялся за дело руководства войной, поставил все в стране на службу победе. И «штатский человек», как часто называет себя тов. Сталин, стал насучить и порядку, прежде всего, и ведению операций, и использованию пехоты, артиллерии, авиации, и работе тыла, и организации войск.

Сталин. Прямо чудесный, счастливый человек! Как это мог бы сделать один я? И авиация, и артиллерия...

Штерн. Тов. Сталин, только Вы, при Вашем авторитете в стране, могли так необыкновенно быстро поставить все на службу победе и поставили, и нас подтянули всех и послали лучшие силы, чтобы скорее одержать эту победу...

Особое оживление, массу вопросов и критических замечаний с мест вызвало выступление начальника управления снабжения РККА товарища Хрулева. Сталин добродушно подбодрил его: «Вы не горячитесь, они вас запутают, нападать на вас будут, держитесь крепче» — затем начал задавать вопросы сам.

Сталин. Как сушеная рыба?

Хрулев. Я сейчас доложу.

Сталин. Как копченая колбаса?

Хрулев. Я доложу. Разрешите доложить о количествах, которых мы добились по мощности...

Сталин. О водке ничего не сказали.

Хрулев. О водке они знают лучше меня, потому что они пили, а я не пил.

Самые резкие оценки пришлось выслушать командующему 15-й армией Ковалеву. Едва ли именно он был самым виноватым (на фронт финской войны командарм 2-го ранга Ковалев прибыл 3 января, в командование 15-й армии вступил 12 февраля, когда окружение 18-й сд и 168-й сд, 34-й тбр стало уже свершившимся фактом), но так уж получилось – разговаривал с ним Сталин очень жестко. Конечный же вывод этого, самого жесткого за все время совещания, разговора свелся к необходимости перестройки.

Сталин. Тов. Ковалев, вы человек замечательный, один из редких командиров гражданской войны, но вы не перестроились по-современному. По-моему, первый вывод и братский совет – перестроиться. Вы больше всех опоздали в этой перестройке. Все наши командиры, которые имели опыт по гражданской войне, перестроились. Фролов хорошо перестроился, а Вы и Чуйков никак не можете перестроиться. Это первый вывод. Вы способный человек, храбрый, дело знаете, но воюете по-старому, когда артиллерии не было, авиации не было, танков не было, тогда людей пускали, и они брали. Это старый метод. Вы человек способный, но у вас какое-то скрытое самолюбие, которое мешает вам перестроиться. Признайте свои недостатки и перестройтесь, тогда дело пойдет.

Ковалев. Есть, тов. Сталин.

О соотношении сил сторон на суше, в воздухе и на море участники Совещания старались не говорить. Начальник Генерального штаба, который не мог об этом не говорить, дал такую оценку: *«Я считаю, что то превосходство сил, которое нами было сосредоточено на фронте, являлось совершенно правильным в стратегическом и тактическом отношениях»*. Практически единственным, кто вспомнил об огромных потерях Красной Армии, был заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления, будущий маршал Кулик. Правда, при этом он занизил число погибших почти втрое: *«Тот опыт, та кровь, пролитая нашими 50 тыс. товарищей, лучших бывших бойцов, должны использовать и не хвастать, а здесь была форма хвастовства. Не так гладко было, товарищи, на самом деле, как вы здесь рисовали...»* На последнем заседании, вечером 17 апреля, с заключительным словом выступил сам Хозяин. И вот он-то нарисовал такую «гладкую картину», до которой ни один из ранее выступавших товарищей в своем хвастовстве не посмел дойти.

Начал Сталин с того, что в своей излюбленной манере вопросов и ответов, с многократными повторами, объяснил высокому собранию, что «правительство» – т. е. он сам – ни в чем ни разу не ошиблось: *«Первый вопрос о войне с Финляндией. Правильно ли поступило правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества... Второй вопрос, а не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два-три-четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела... Там, на Западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда у них руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить (здесь и далее подчеркнуто мной. – М.С.)... Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на 20, потому что ведь всего не предусмотреть в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. **Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено.** Стало быть, благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и обеспечении государства была бы упущена...*

Третий вопрос. Ну, война объявлена, начались военные действия. Правильно ли разместили наши военные руководящие органы наши войска на фронте. Как известно, войска были размещены на фронте в виде пяти основных колонн... Правильно ли было такое размещение войск на фронте? Я думаю, что правильно.

Наибольшая колонна наших войск была на Карельском перешейке для того, чтобы исключить возможность для возникновения всяких случайностей против Ленинграда со стороны финнов... Во-вторых, разведать штыком состояние Финляндии на Карельском перешейке, ее положение сил, ее оборону. В-третьих, создать плацдарм для прыжка вперед и продвижения дальше... (После этого Сталин перечислил остальные оперативные группировки, странным образом именуемые «колоннами», по каждой из которых с подавляющей монотонностью были повторены две задачи: «разведка штыком» и захват плацдармов «для войск, которые потом подвезут».)

Почему нельзя было ударить со всех пяти сторон и зажать Финляндию? Мы не ставили такой серьезной задачи, потому что война в Финляндии очень трудная... Мы знали, что Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию... Мы знали, что после Петра I войну за расширение влияния России в Финляндии вела его дочь Елизавета Петровна два года. Кое-чего она добилась, расширила, но Гельсингфорс оставался в руках Финляндии. Мы знали,

что Екатерина II два года вела войну и ничего особенного не добила... Всю эту штуку мы знали и считали, что возможно война с Финляндией продлится до августа или сентября 1940 г... Война кончилась через 3 месяца и 12 дней только потому, что наша армия хорошо поработала...»

Наконец, финальные аккорды выступления Сталина загремели подлинным триумфальным маршем;

«...Наша армия стала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии...»

Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить – не бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей – немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию... Мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа! (Бурные аплодисменты, все встают, крики «Ура!». Возгласы: «Ура тов. Сталину!» Участники совещания устраивают в честь тов. Сталина бурную овацию.)

КУЛИК. Я думаю, товарищи, что каждый из нас в душе, в крови, в сознании большевистском будет носить те слова нашего великого вождя, товарища Сталина, которые он произнес с этой трибуны. Каждый из нас должен выполнить указания товарища Сталина. Ура, товарищи! (Возгласы «Ура!».)

Понять воодушевление собравшихся нетрудно, ибо они (участники Совещания) поняли самое главное: Хозяин доволен. Отец простил своих набедакуривших сыновей, наказывать – на этот раз – он никого не будет. А мог и наказать. Это знали все, и не более чем через полтора года, в конце своего короткого жизненного пути, в этом смогли убедиться многие участники исторического Совещания. В июне – июле 1941 г. будут арестованы и затем расстреляны Клич, Оборин, Павлов, Проскуров, Птухин, Рычагов, Штерн. Кулика арестуют и расстреляют позднее, 24 августа 1950 г. (причем не за реальные преступления – провал всех порученных ему операций, мародерство в зоне боевых действий и «бытовое разложение», а за то, что в пьяных разговорах товарищ Кулик позволял себе совсем иные, нежели на апрельском Совещании, высказывания о великом вожде тов. Сталине) [47,48].

Но все это будет потом. Тогда же, весной 1940 года, на Красную Армию, и прежде всего на ее командный состав, обрушился водопад наград, новых званий и новых назначений. Именно после окончания финской войны, 4 июня 1940 г. были введены генеральские звания. Центральные газеты несколько недель подряд печатали длиннющие списки на 949 новоиспеченных генералов. Высшей награды страны – звания Героя Советского Союза – было удостоено 412 человек (в четыре раза больше, чем будет награждено за мужество, проявленное в битве за Москву). Ордена и медали были вручены 50 тыс. бойцов и командиров; 70 частей и соединений были награждены орденами Ленина и Красного Знамени [66, 81].

Почти все участники апрельского Совещания поднялись по служебной лестнице. Комдив Гореленко в «зимнюю войну» командовал 50-м стрелковым корпусом, Великую Отечественную встретил в должности командира 7-й армии. Командир 100-й стрелковой дивизии комбриг Ермаков стал командующим 50-й армией. Командир 1-го стрелкового корпуса комдив Козлов стал командующим войсками Закавказского военного округа. Командир 39-й танковой бригады комбриг Лелюшенко стал командиром 21-го мехкорпуса. 2-й мехкорпус возглавил бывший командир 8-й стрелковой дивизии комбриг Новосельский. Командир 142-й стрелковой дивизии комбриг Пшенников стал командующим 23-й армией. Начальник артиллерией 7-й армии комкор Парсегов стал командующим артиллерией самого крупного в стране Киевского

Особого военного округа (КОВО). Командующий ВВС 9-й армии комкор Рычагов в 29 лет стал начальником Управления ВВС Красной Армии и заместителем наркома обороны.

Самый же головокружительный взлет пришлось пережить командиру 70-й стрелковой дивизии. В июне 1940 г. бывший комдив Кирпонос командует войсками всего Ленинградского военного округа, а с февраля 1941 г., уже в звании генерал-полковника, становится командующим КОВО. Под началом бывшего командира дивизии (до этого – начальника пехотного училища в провинциальной Казани) оказалась группировка войск, значительно превышающая по численности сухопутную армию Великобритании или США... Даже командующий 15-й армией Ковалев, хотя ему на Совещании пришлось выслушать от Сталина немало крепких слов, был отправлен в почетную и достаточно комфортную ссылку – на должность командующего Забайкальским фронтом.

Первым, главным и фактически единственным аргументом в пользу версии о том, что Сталин якобы был очень недоволен действиями Красной Армии, является факт смены руководства Наркомата обороны (май 1940 г.), а затем и Генерального штаба (август 1940 г.). При этом странным образом игнорируется другой факт – на освободившиеся после отставки Ворошилова и Шапошникова места были назначены самые главные «герои» финской войны. Наркомом обороны стал С.К. Тимошенко, занимавший с 7 января по 26 марта 1940 г. должность командующего войсками Северо-Западного фронта. Начальником Генерального штаба стал бывший командующий войсками ЛенВО и 7-й армией К.А. Мерецков, т. е. именно тот военачальник, который с самого начала руководил оперативным планированием войны и подготовкой театра военных действий к наступлению.

Столь же странным образом из поля зрения историков выпал другой факт – куда именно Сталин «выгнал в шею» Ворошилова. А ведь достаточно открыть любой, совершенно несекретный биографический справочник, чтобы узнать о том, что после освобождения от обязанностей наркома обороны товарищ Ворошилов в тот же день, все в том же высшем воинском звании маршала Советского Союза, стал председателем Комитета обороны при правительстве СССР. 30 июня 1941 г. Ворошилов вошел в состав Государственного Комитета Обороны, т. е. в число тех пяти человек (Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия), в руках которых формально-юридически была сосредоточена вся власть в стране. Кроме этой, высшей государственной должности, маршал Ворошилов получил и очень высокий пост в военном руководстве: 10 июля 1941 г. он был назначен Главнокомандующим войсками северо-западного стратегического направления.

Формально-декоративной, рассчитанной прежде всего на западных военных аналитиков, была и отставка Шапошникова. Освободив его от обязанностей начальника Генерального штаба, Сталин назначил Шапошникова (к которому он, по словам всех мемуаристов, испытывал неизменное уважение) на почетную «синекуру» заместителя наркома обороны СССР и наградил присвоением звания маршала Советского Союза. Через один месяц и одну неделю после начала Великой Отечественной войны маршал Шапошников снова стал начальником Генерального штаба. Он умер 26 марта 1945 г. и по специальному приказу Сталина был удостоен уникальных почестей: в его память в Москве был произведен салют в 24 залпа из 124 орудий. Едва ли все это может быть названо «опалой» и «изгнанием»...

Так почему же Сталин не довел вторжение в Финляндию до логического и всеми ожидаемого завершения?

В поисках ответа на этот, ключевой для понимания всех последующих событий, вопрос обратимся снова к речи Сталина на Совещании высшего состава 17 апреля 1940 г. Это, без преувеличения, удивительный и загадочный текст. Дешифровать его тайный смысл немногим легче, чем однозначно интерпретировать пророчества Нострадамуса. Прежде всего, бросается в глаза откровенное, неприкрытое, явное вранье (чего ранее за товарищем Сталиным не

наблюдалось). Кого Сталин хотел обмануть, рассказывая своим будущим генералам про то, что «зажать Финляндию» он и не планировал, целью операции якобы были всего лишь «разведка штыком» и захват плацдармов, на которые еще предстояло подвезти некие «главные силы», что воевать собирались до сентября 1940 года? Добро бы он выступал на полевом стане перед колхозниками (правда, в колхозы, равно как и на заводы с фабриками, Сталин как раз никогда и не ездил...), но ведь участники Совещания не просто знали про реальный план финской кампании. Они его разрабатывали. Именно они и рисовали красные стрелки на картах, промеряли с циркулем километры маршрутов, просчитывали потребное количество «сутодач продфуража для личного и конного состава». В планах, которые они разработали и которые затем вернулись к ним в виде обязательных для исполнения приказов и директив, **были совершенно конкретно указаны цель операции, ее сроки и рубежи.**

Цель: «нанести решительное поражение финской армии... разгромить главную группировку войск противника... захватить флот Финляндии и не допустить его ухода в нейтральные воды... уничтожить авиацию и аэродромные сооружения противника...»

Рубежи: «овладеть районом Хиитола, Иматра, Виипури (Выборг). По выполнении этой задачи быть готовым к дальнейшим действиям вглубь страны по обстановке... Разбить финские части в районе Суоярви, Сортавала, овладеть их укрепленной полосой между оз. Янис-Ярви и Ладожским озером. Овладеет районом Кеми, Оулу (Улеаборг), отрезать сообщение Финляндии со Швецией через сухопутную границу...»

Сроки: «проведение операции на видлицком направлении в течение 15 дней, на Карперейке 8—10 дней при среднем продвижении войск 10—12 км в сутки» [97].

Все это можно свести к одному короткому слову: разгром. Планировался полный разгром вооруженных сил Финляндии, причем в весьма короткие сроки. Ни о какой «разведке боем», ни о каком «отбрасывании белофиннов от стен города Ленина» речь не шла. Да и странно было бы разворачивать 58 дивизий только для того, чтобы разведать «положение сил и оборону» финской армии, которая в мирное время состояла из трех дивизий и одной бригады... Что же касается «дальнейших действий вглубь страны», то смысл, цель и содержание этих будущих действий были доведены до сведения не только высшего командного состава РККА, но и всех рабочих и колхозниц Страны Советов. *«Советское правительство не признает так называемое «финляндское правительство», уже покинувшее г. Хельсинки и направившееся в неизвестном направлении (это заведомое вранье не было новинкой – тов. Молотов просто продублировал те формулировки, которые были им использованы 17 сентября 1939 г. для обоснования вторжения и последующей оккупации Восточной Польши). Советское правительство признает только Народное правительство Финляндской демократической республики, с которым заключило Договор о взаимопомощи и дружбе».*

Этот замечательно ясный ответ тов. Молотова на запрос шведского посланника г. Винтера был опубликован 5 декабря 1939 г. на первой полосе «Правды» и теоретически должен был быть изучен в каждом трудовом коллективе. И если на страницах газеты «Правда» так называемое «народное правительство» больше не появлялось, то в секретных документах оно еще долго продолжало жить своей призрачной жизнью. Вот, например, 23 февраля 1940 г. член ЦК ВКП(б) тов. Куусинен шлет из Москвы в Москву, в ЦК ВКП(б) приветствие от имени «народного правительства Демократической Финляндии». В нем он выражает свою твердую уверенность в том, что *«с помощью славной Красной Армии и Военно-морского флота СССР наш народ скоро добьется своего полного освобождения от варварского ига плутократической шайки Маннергейма – Рюти–Таннера, преступных провокаторов войны, подкупленных иностранными империалистами»* [79]. Самое главное в этом документе – дата. За две недели до того, как «варварский главарь плутократической шайки», т. е. премьер-министр Финляндии Ристо Рюти, прибыл в Москву для подписания мирного договора, тов. Куусинен все еще надеялся на «скорое и полное освобождение».

Общепринятый, устоявшийся в исторической литературе ответ на все эти вопросительные знаки, равно как и на главный вопрос, вынесенный в заглавие данной главы, известен. Сталин в действительности был крайне обеспокоен, если не сказать «напуган» – но не огромными потерями и мизерными успехами своей армии, а планами и действиями англо-французского блока. **Именно это – боязнь оказаться втянутым в войну с объединенной коалицией «передовых государств Европы» – и привело Сталина к решению не испытывать судьбу и остановить поход на Хельсинки** на полпути (в прямом и переносном смысле этого слова).

«Решение Москвы прекратить войну объяснялось прежде всего опасениями перед вмешательством в конфликт Великобритании и Франции» [14]. «В условиях резко возросшей угрозы вмешательства в войну Англии и Франции советское руководство было вынуждено пойти на переговоры и заключение мира с законными финскими властями» [34]. «Может быть, признаки поддержки финнов Англией и Францией явились главным фактором, побудившим Советский Союз изменить свою позицию» [51]. «Продолжение боевых действий до полной военной победы над Финляндией вело к неминуемому вооруженному вмешательству в войну западных держав. В результате 6 марта советское руководство сообщило о своей готовности начать в Москве мирные переговоры с Финляндией» [52].

«Чтобы избежать угрожающих осложнений с западными державами, советскому руководству пришлось отодвинуть в сторону свои цели в отношении Финляндии и довольствоваться пока аннексией крупных территорий в Карелии» [65]. О том же самом – правда, на совершенно феерическом языке большевистской пропаганды – было сказано и в секретном директивном письме Исполкома Коминтерна от 18 марта 1940 г.: *«Новая победа миролюбивой политики Советского Союза перечеркнула англо-французские военные планы, позволила удержать Скандинавию от вступления в войну...» [82].* Примечательно, что даже в подцензурных воспоминаниях К.А. Мерецкова (издание 1984 г.) приводятся такие слова Сталина, сказанные им в телефонном разговоре с Мерецковым 10 марта 1940 г.: *«Затяжка войны позволит французам и шведам прислать подкрепления, и вместо войны с одним государством мы ввяжемся в войну с коалицией» [93].*

Строго говоря, прямых документальных подтверждений этой версии не существует. Скорее всего, их никогда и не удастся обнаружить: Сталин не доверял свои сокровенные мысли ни бумаге, ни даже ушам ближайших соратников. Выше мы уже подробно рассмотрели то, как он разговаривал с высшим командным составом своей армии. В полном неведении о многих реальных планах Сталина находились и высшие партийные чиновники. *«Какие конкретно территориальные претензии были выдвинуты, какие политические требования, какие взаимоотношения должны были сложиться, я сейчас не помню, но видимо какие-то условия были выдвинутые тем, чтобы Финляндия стала дружеской страной. Эта цель преследовалась, но как это выражалось, как формулировалось, я этого не знаю. Я даже эти документы и не читал и не видел».* Это не мемуары председателя колхоза из российской глубинки. Это фрагмент из знаменитых «Воспоминаний»

Н.С. Хрущева, на тот момент члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК самой крупной в СССР украинской республиканской компартии. Тем не менее, множество косвенных доказательств позволяют с большой долей вероятности предположить, что неожиданное (а именно так оно и было воспринято во всем мире) прекращение войны может быть объяснено только реакцией Сталина на изменившуюся внешнеполитическую обстановку.

В известном смысле такими «косвенными уликами» можно считать и те заклинания, которыми Сталин завершил свою речь 17 апреля 1940 г. (*«...немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию...»* Прекрасно зная, что никого он не победил, более того, даже побоялся вступить в прямой кон-

фликт с Западом, Сталин, вероятно, пытался таким образом утешить себя и своих зачарованных слушателей. Не менее показательна и красноречивая оговорка, которую допустил в своей речи Сталин (*«когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда у них руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить»*). Разумеется, Сталин хотел сказать всего лишь про благоприятную возможность для удара по Финляндии, возникшую в тот момент, когда «у них» (т. е. у англо-французского блока) «руки были заняты» войной против Германии. Но обида и скрытая ненависть «к ним» (т. е. к своим будущим союзникам, у которых осенью 1941 г. он будет выпрашивать не только оружие, но и солдат для защиты своей разваливающейся империи) выплеснулись из подсознания наружу в этом маленьком слове «их».

Несравненно более значимой является история с Петсамо (Печенгой). Этот заполярный город и незамерзающий порт на Баренцевом море, на стыке границ Норвегии, Финляндии и СССР, имел огромное экономическое (крупнейшие в Европе никелевые рудники) и военно-стратегическое (северные «морские ворота» Финляндии) значение. Петсамо был занят войсками 14-й армии в первые же дни войны. Затем наступление 14-й армии вглубь Финляндии успешно продолжалось, несмотря на тяжелейшие природные условия: полярная ночь, пурга и жуткие морозы, доходившие в отдельные дни до 50 градусов. К концу войны 52-я стрелковая дивизия дошла до 150-го километра на шоссе Петсамо – Рованиemi. Все эти достижения были сведены к нулю, когда по условиям мирного договора от 12 марта 1940 г. Петсамо был возвращен Финляндии. Ситуация становится еще более удивительной, если сравнить ее с тем, как был решен территориальный вопрос в Приладожской Карелии и на Карельском перешейке: **на всех участках линия границы прошла значительно (иногда на многие десятки километров) севернее и северо-западнее той линии фронта, которая сложилась по состоянию на 12 марта 1940 г.** В частности, Кексгольм, Антреа, Хиитола, Сортавала, Лоймола, Суоярви (эти названия будут еще много раз встречаться на страницах нашей книги) перешли к Советскому Союзу именно по условиям Московского договора, а вовсе не были захвачены в бою.

Единственным разумным объяснением того единственного случая, когда в одном-единственном пункте СССР не взял дополнительно, а, напротив, отдал часть захваченного, является то, что концессия на никелевые рудники Петсамо принадлежала британской (точнее говоря, канадской) фирме. Таким образом, аннексия Петсамо означала бы прямой вооруженный захват собственности Британской империи, на что Сталин пойти не решился. Следует отметить и тот факт, что с самого начала войны одна из трех дивизий 14-й армии (14-я стрелковая) в боевых действиях против «белофиннов» не участвовала, а была (за исключением 95-го стрелкового полка) развернута на побережье Кольского полуострова, имея задачу отразить возможную высадку морского десанта западных союзников [33].

Яркой иллюстрацией той тревоги и неуверенности, в которых в начале весны 1940 г. пребывал Сталин, может служить и нижеследующий отчет посла гитлеровской Германии в СССР графа Шуленбурга, отправленный из Москвы в Берлин 11 апреля 1940 года: *«В течение некоторого времени нами наблюдалась явно неблагоприятная по отношению к нам перемена со стороны советского правительства. Мы неожиданно столкнулись с трудностями, которые во многих случаях были совершенно необоснованны, во всех сферах... Советское правительство вдруг взяло назад уже данные им обещания относительно «базы Норд», в которой заинтересован наш военно-морской флот, и т. д. Эти препятствия достигли своей высшей точки во временном прекращении поставок нам нефти и зерна.*

5-го числа сего месяца у меня состоялся продолжительный разговор с господином Микояном, во время которого позиция Народного комиссара была крайне недоброжелательна...

Мы тщетно спрашивали себя, какова возможная причина неожиданной перемены позиции советских властей. Я подозревал, что невероятный шум, поднятый нашими противни-

ками (в данном случае, несомненно, имелись в виду Англия и Франция. – М.С.), их резкие нападки на нейтралов, особенно на Советский Союз, и на нейтралитет вообще не оказались безрезультатными, поскольку советское правительство боится быть вовлеченным Антантой в большую войну (к которой оно не готово) и по этой причине хочет избежать всего, что может послужить для англичан и французов поводом для обвинения СССР в противоречащем нейтралитету поведении или в горячей поддержке Германии. Мне казалось, что неожиданное завершение финской войны (подчеркнуто мной. – М.С.) произошло по тем же соображениям... Ситуация стала настолько нетерпимой, что я решил обратиться к господину Молотову для того, чтобы обсудить с ним эти вопросы... Фактически, визит к господину Молотову так и не состоялся до утра 9-го апреля, т. е. имел место уже после наших скандинавских операций (имеется в виду начало операции «Везерюбунг», в ходе которой были оккупированы Дания и Норвегия. – М.С.).

Во время этого разговора стало очевидным, что советское правительство снова сделало полный поворот кругом. Неожиданная приостановка поставок нефти и зерна была названа «излишним усердием подчиненных инстанций», которое будет немедленно отменено... Господин Молотов был сама любезность, он с готовностью выслушал все наши жалобы и обещал исправить ситуацию. По собственному почину он затронул ряд интересующих нас вопросов и объявил об их решении в положительном смысле. Я должен признаться, что был абсолютно поражен такой переменной.

С моей точки зрения есть только одно объяснение такому повороту событий: наши скандинавские операции должны были принести советскому правительству большое облегчение, снять, так сказать, огромное бремя тревоги... Если англичане и французы намеревались занять Норвегию и Швецию, то можно с определенностью предположить, что советское правительство знало об этих планах и, очевидно, было напугано ими. Советскому правительству мерещилось появление англичан и французов на побережье Балтийского моря, ему виделось, что будет вновь открыт финский вопрос. Наконец, их больше всего пугала опасность вовлечения в войну с двумя великими державами. Очевидно, эта боязнь была нами ослаблена. Только этим можно объяснить полное изменение позиции господина Молотова. Сегодняшняя большая и бросающаяся в глаза статья в «Известиях» о нашей скандинавской кампании кажется одним глубоким вздохом облегчения» [70].

Эта фраза о «глубоком вздохе облегчения» дает ключ к пониманию того удивительного на первый взгляд благодушия, в котором тов. Сталин провел совещание со своими военачальниками. Совещание началось 14 апреля 1940 г. – через пять дней после начала боевых действий в Норвегии и именно в тот день, когда западные союзники добились крупного успеха в Нарвике и Тронхейме. Война на суше и на море становилась все более и более ожесточенной, и в этой обстановке можно было уже не сомневаться в том, что Запад начисто забыл о прежних планах «спасения Финляндии» (точнее говоря, спасения собственной репутации, изрядно подмоченной трусливым трехмесячным бездействием). Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять – какая мысль овладела в тот момент сознанием товарища Сталина. «Пронесло» – именно это радостное ощущение стало лейтмотивом его выступления на совещании. Сам того не желая, Гитлер не только избавил Сталина от тревожного ожидания высадки англо-французского экспедиционного корпуса на севере Финляндии, но и спас сталинских генералов от гнева хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.